

РУССКАЯ РЕЧЬ 1980

НОЯБРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В номере:

К 75-летию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»	
В. А. Ковалев. Великий ленинский принцип	3
К 160-летию со дня рождения Ф. Энгельса	
Е. И. Кедайтене. Ф. Энгельс и русский язык	9

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 100-летию со дня рождения А. А. Блока	
Е. Н. Этерлей. Барометр мироощущения (заметки о языке Александра Блока)	15
Н. С. Валгина. «Ни моря нет глубже, ни бездны темней...» (о пунктуации А. Блока)	21
И. Б. Голуб. Символика звуков	30

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Из воспоминаний Л. Д. Менделеевой-Блок	37
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

К. С. Горбачевич. Русское ударение (окончание)	41
Н. И. Формановская. Речевой этикет. Отвечаем на письма читателей	46

СРЕДИ КНИГ

Рассказы о словах	48
Образное слово А. Блока	49

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

К 120-летию со дня рождения Евфимий Федорович Карский. 1861—1931	51
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Е. Морозова. Мелетий Смотрицкий и его Грамматика	56
---	----

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР	60
--	----

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В. А. Грихия. У истоков русской письменности (летописные сказания о княгине Ольге)	64
В. Е. Ушаков. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века	69
Е. С. Отин. Топонимия поля Куликова (окончание)	73

НА КАРТЕ РОДИНЫ

М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Переславль-Залесский, что на Плещеевом озере . . .	78
<i>Наша Москва</i>	
Ю. А. Федосюк. Красная Пресня	88

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

И. М. Юрковский. Эстафета	92
В. М. Мокиенко. Пустить красного петуха	96
А. Н. Шустов. С конки на трамвай	100
Р. М. Гриценко. Почти, почитай	105
В. А. Никопов. Из словаря русских фамилий (ответом на письма читателей)	109

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Сокол; Щепетильный; Провести или произвести операцию? Трудные случаи орфографии: хлестаковы или Хлестаковы?	113
---	-----

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1980 год	123
---	-----

На обложке: Александр Блок. Рисунок Б. Захарова

К 75-летию статьи В. И. Ленина
«Партийная организация и партийная
литература»

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИНСКИЙ ПРИНЦИП

26 ноября 1980 года исполняется семьдесят пять лет со дня выхода в свет статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Ленинская статья появилась в напряженный момент первой русской революции. Позади «кровавое воскресенье», недавние события на броненосце «Потемкин». Революция все нарастает, народ поднимается на вооруженную борьбу с царизмом.

Самодержавие, чтобы справиться с волной революции, вынуждено маневрировать: лицемерить и хитрить, даже идти на вынужденные уступки. Появляется известный царский «манифест». И вот в Петербурге, в столице Российской империи, начинает издаваться первая легальная ежедневная большевистская газета «Новая жизнь», а Ленин, вернувшийся из эмиграции, становится ее редактором.

Газета печатает сообщения о рабочих стачках, о выступлениях крестьян против помещиков, рассказывает о восстании в Севастополе, публикует требования солдат Петербургского гарнизона. Читатель узнает о новых органах государственной власти — Советах. В результате возникает картина упорной борьбы трудового народа против самодержавия и буржуазии.

13 ноября (по старому стилю) 1905 года в газете «Новая жизнь» была опубликована ленинская статья «Партийная организация и партийная литература». Она вышла почти накануне декабрьского московского восстания — самого крупного и мощного выступления российского пролетариата в дооктябрьский период XX века.

Охарактеризуем вкратце основные положения бессмертной ленинской статьи.

Под партийностью В. И. Ленин понимал обязанность каждого деятеля «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 1, с. 419).

Статья «Партийная организация и партийная литература» имеет два аспекта. В ней дается решение вопроса о партийной литературе в прямом смысле этого слова, то есть о литературе, которая пропагандирует теоретические, политические, организационные принципы большевистской партии. Вместе с тем в статье освещается вопрос о партийности художественного творчества, то есть о сознательной идейности писателя, отдающего свое дарование народу вследствие естественного свободного тяготения к нему.

Раскрывая этот аспект, В. И. Ленин говорит о месте и задачах писателя в общенародной борьбе, о роли передовых идей в искусстве, о принципах социалистической литературы.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что во всех областях жизни беспартийность выступает как идея буржуазная, а партийность — как идея социалистическая. В статье «Партийная организация и партийная литература» он вскрывает всю фальшь и лицемерие буржуазных лозунгов «беспартийности» и «свободы» художественного творчества. «Жить в обществе, — писал В. И. Ленин, — и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (12, 104).

Обнажая истинную суть буржуазной литературы, на словах провозглашавшей свою «свободу», а на деле обслуживавшей классовые интересы буржуазии, В. И. Ленин противопоставляет этой литературе искусство, открыто связанное с революционным пролетариатом. «И мы, социалисты, — писал он, — разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» (12, 104).

В этом тезисе В. И. Ленин развивает применительно к новым историческим условиям мысли революционных де-

мократов. «Свобода творчества, — писал В. Г. Белинский, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни» (В. Г. Белинский. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2, М., 1948).

Как видим, ленинские выводы покоятся на научном обобщении опыта предшествующей литературы и критики. Именно на этой незыблемой основе Ленин выявляет ведущую тенденцию искусства современности. Союз с народом, активное участие в историческом прогрессе, связь произведений с передовыми идеями эпохи — вот что открывает перед художником поистине безграничные возможности для творчества.

«В чем... состоит этот принцип партийной литературы? — писал Ленин. — Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела» (12, 100). Он подчеркивает: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы» (12, 100—101). Таким образом, по отношению к писателям термин партийность Ленин понимает как коммунистическую идейность, как тесную связь писателя с народом.

Объединив свою судьбу с революционным пролетариатом, художник, по мысли Ленина, должен проявлять творческую инициативу, искать новое, разнообразить краски и средства изображения, вырабатывать неповторимые, индивидуальные особенности стиля.

«Спору нет, — писал В. И. Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склон-

ностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата» (12, 101).

Коммунистическая партия исходит в своей политике в области литературы из этих ленинских мыслей. Начиная со времени пролеткультовцев и рапповцев на разных этапах развития нашей литературы и искусства находилось немало «деятелей», стремившихся решать творческие дела по-чиновнически, административным окриком, посредством нивелировки творческих индивидуальностей. Коммунистическая партия всегда давала самый решительный отпор подобным вульгаризаторам и тем самым содействовала процветанию социалистической культуры.

В статье В. И. Ленина была намечена программа будущей литературы. Народность, коммунистическая идейность, жизненная правда и высокая художественность — таковы ее главные качества.

Вместе с тем эта программа была резко полемичной по отношению к антиреалистическим, декадентским литературным течениям, весьма модным и распространенным в начале XX века. Художественная практика представителей этих течений нашла свое выражение в сборниках символистских стихотворений Бальмонта, Сологуба, Мережковского, Гиппиус, в натуралистических романах Санина и Вербицкой.

С глубокой прозорливостью В. И. Ленин писал о литературе будущего, противопоставляя ее антиреалистической, декадентской литературе: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...» (12, 104).

К сожалению, среди некоторых зарубежных ученых до сих пор встречаются попытки сузить значение ленинской статьи, ее актуальность, ограничить ее действительность только предреволюционным периодом.

В советской критике был раскрыт ревизионистский характер такого заведомо неправильного истолкования статьи Ленина и показана животворная сила ленинского принципа партийности в современном развитии литературы и искусства.

Искусство социалистического реализма, вбирая в себя лучшие черты критического реализма, превосходит его принципом партийности, социалистической идейностью. Поэтому по своим возможностям социалистический реализм — это самый глубокий и последовательный реализм. Если положительные идеалы художников критического реализма были высоки, но абстрактны, то величественные положительные идеалы художников социалистического реализма, благодаря партийности и социалистической идейности, приобретают конкретность. Марксистско-ленинское мировоззрение дает художнику социалистического реализма возможность изображать жизнь в ее революционном развитии.

Время — лучший судья при оценке литературных явлений. С момента появления ленинской статьи нас отделяют три четверти века. Сколько самых разнообразных творческих судеб крупных художников прошло за этот период! Горький, Маяковский, Серафимович, Алексей Толстой, Анри Барбюс, Ромен Роллан, Драйзер — на примере только этих корифеев литературы XX века видим, как расцветает талант писателя, когда он становится в ряды борцов за передовые идеи.

На Втором Всесоюзном съезде писателей Михаил Шолохов убежденно сказал: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Перечитывая статью В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», нельзя не восхищаться ее стилем: ясное и последовательное изложение, безукоризненная точность формулировок и определений, богатство интонаций, где есть и тон спокойного рассуждения, и ирония, и полемика, и гражданский пафос. Все это захватывает читателя, доставляет ему радость интеллектуального обогащения, а главное — убеждает его неотразимой правдой.

Как точно сформулированы, например, особенности текущего момента: «Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, „дипломатичной“, увертливой „легальностью“» (12, 100). Здесь нельзя ничего прибавить или вычеркнуть, нельзя изменить ни одного слова.

Лаконично и вместе с тем исчерпывающе такое ленинское определение: «...ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность» (12, 104).

Крылатыми стали ленинские слова «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Высоким гражданским пафосом пронизана приведенная ленинская характеристика литературы будущего. Язывательная ирония содержится в полемике с теми, кто утверждает, что буржуазный писатель, художник, актриса будто бы свободны «от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (12, 104).

Таким образом, статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» представляет собой блестящий образец марксистской публицистики и по содержанию, и по форме, которые находятся здесь в неразрывном единстве.

Три четверти века — немалый срок. За это время наша страна прошла большой путь. Родина ленинизма стала и родиной социалистического реализма. В России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Успешно завершились процессы индустриализации и коллективизации. Советский народ одержал блистательную победу в Великой Отечественной войне.

В настоящее время, когда под знаменем социалистического реализма рядом с советской литературой стоят литературы стран социализма, а также прогрессивные писатели капиталистических государств, великий ленинский принцип партийности литературы торжествует: свободная литература, насыщенная самыми передовыми идеями, служит не только «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность», но и людям всего мира.

В. А. КОВАЛЕВ

К 160-летию
со дня рождения

Ф. ЭНГЕЛЬС И РУССКИЙ ЯЗЫК

Глубоким, всесторонним и научным был интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к России — к ее богатому историческому прошлому, общественно-политической жизни, развитию русской мысли, культуры и языка. Этот интерес особенно усилился «в связи с отменой крепостного права в 1861 г. и развитием капиталистических отношений, которые неизбежно должны были привести к возникновению рабочего движения в России» (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., Политиздат, 1979). В 1907 году В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» (Полное собрание сочинений. Т. 18, с. 247). В одном из писем видному деятелю немецкого и международного рабочего движения И.-Ф. Беккеру (19 декабря 1879) Ф. Энгельс сообщает: «В России дела обстоят великолепно! Там, пожалуй, развязка близка... Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории».

Жизнь и деятельность Ф. Энгельса (1820—1895) невозможно отделить от К. Маркса. Невиданным в истории творческим союзом двух великих умов созданы бессмертные труды, проникнутые пламенным вдохновением и ре-

волюционной страстностью. «После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом» (В. И. Ленин. Фридрих Энгельс).

Посвятив свою жизнь борьбе за дело мирового пролетариата, Ф. Энгельс в то же время был глубоким исследователем во многих научных областях и особый интерес проявлял к языкознанию. В одном из писем к Ф. Лассалю он называет сравнительную филологию «своим старым излюбленным занятием». К. Маркс нередко обращался к Ф. Энгельсу с просьбой объяснить те или иные «филологические сомнения», разрешить лингвистические вопросы.

Великие мыслители оставили необычайно ценные высказывания о языке, которые послужили основой для создания марксистского языкознания. Огромный интерес в этом отношении представляет совместная работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», в которой дано диалектико-материалистическое понимание языка: «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только проявления действительной жизни»; «...подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми».

Положение о диалектической связи языка и мышления в научно-философском плане широко раскрывается Энгельсом и в других работах. В них высказывается важная мысль о необходимости изучения языка и отдельных языковых явлений в непосредственной связи с историей народа данного языка. Особого внимания в этом отношении заслуживает «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Ф. Энгельс прекрасно владел многими иностранными языками: говорил и писал свободно на двенадцати, а читал почти на двадцати. Знание иностранных языков играло большую роль в его революционно-организаторской деятельности. Он придавал существенное значение владению иностранным языком, «при помощи которого люди различных наций только и могут объясняться друг с другом и знакомиться с тем, что происходит за их собственным рубежом» (Анти-Дюринг). П. Лафарг в воспо-

минаниях об Энгельсе писал: «Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятно... Лаврову он писал по-русски, французам — по-французски, полякам — по-польски и т. д.».

Знание иностранных языков было необходимо вождям пролетариата для руководства международным революционным движением, для переписки и изучения выходящей революционной литературы в других странах. Маркс и Энгельс овладели русским языком, чтобы читать книги о России на языке оригинала.

*

Огромный интерес Ф. Энгельса к русскому языку отражен в его письмах, высказываниях, в воспоминаниях современников. Первое упоминание о занятиях Энгельса русским языком встречается в письме Марксу от 29 января 1851 года, а 18 марта 1852 года он писал: «Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов...». Затем он начинает брать уроки русского языка, о чем сообщает Марксу 7 сентября 1852 года: «...я больше занимаюсь теперь русским языком... и уже кой-чему научился». Быстрому усвоению русского языка помогало также и знание славянских языков: Энгельс владел польским, болгарским, сербским, чешским.

Приступив к занятиям, он исходил как из научного интереса к русскому языку, так и из практических задач революционной деятельности. Ф. Энгельс мог следить по первоисточникам за развитием общественной жизни и революционным движением в России, читать русскую политическую нелегальную литературу. «Маркс и Энгельс, — писал В. И. Ленин, — оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами» (В. И. Ленин. Фридрих Энгельс).

В библиотеках Маркса и Энгельса были произведения русской общественной мысли, революционная публицистика, художественная литература демократического направления — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, важнейшие статьи, опубликованные в «Современнике» и «Отечественных записках», и др.

Успеху научной работы К. Маркса и Ф. Энгельса по изучению и познанию России способствовали тесные связи с русскими революционерами и прогрессивными деятелями, от которых они получали «обширную информацию о росте революционного движения в стране [в России.— *Е. К.*], о наиболее важных событиях в ее политической жизни» (Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса, с. IX). Это были Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, Н. И. Утин, П. В. Анненков, Г. В. Плеханов, М. М. Ковалевский, Е. Л. Томановская, М. К. Горбунова, Н. А. Каблуков и др. «Мы живейшим образом интересуемся,— сообщал Энгельс М. К. Горбуновой,— всем, что способствует ... хотя бы косвенным образом, революционному движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией».

В письмах к своим корреспондентам Ф. Энгельс часто обращается к русскому языку. В. И. Засулич пишет Энгельсу: «Если бы я писала по-русски, я могла бы Вам, гражданин, сказать еще многое, но французский язык стесняет меня, и я не всегда могу выразить свои мысли». На это Энгельс ответил: «Если Вам удобнее, пишите мне по-русски...» (Письмо от 23 апреля 1885 г.) В этом же письме он пишет: «Я читаю по-русски довольно легко...».

Нередко встречаются в его письмах русские цитаты. Так, в письме Н. Ф. Даниельсону, литератору и экономисту, одному из идеологов народничества в 80—90-х годах, Энгельс пишет: «Когда мы изучаем реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими удивительно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века... Впрочем, Пушкин уже знал это [и далее по-русски.— *Е. К.*]

Письмо от 29—31 октября 1891 г.

...и почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет,
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог».

О том, как серьезно Энгельс занимался русским языком, свидетельствуют сохранившиеся листы с граммати-

ческими упражнениями, выписки из произведений русских писателей, опыты дословных переводов, словарная работа над текстом. Например, запись русских слов с пояснениями на немецком языке из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (монолог Чацкого «В той комнате незначащая встреча...»). Особенно тщательному изучению подверглись «Евгений Онегин» и «Медный всадник» А. С. Пушкина (см. об этом: М. П. Алексеев. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику». — «Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной пушкинской конференции». М. — Л., 1953). По записям Энгельса видно, что «Евгений Онегин» не только был прочитан им, но скрупулезно изучен. Этот роман давал правдивую и глубокую характеристику русского дворянского общества. В середине 50-х годов в своем плане к будущей работе «Германия и славянство» Энгельс записал: «Сначала о воспитании. Смотри Пушкина, который решительно на стороне Онегина, нормального русского (другой — Ленский, гёттингенский студент)». Затем привел (в латинской транскрипции) слова из романа: «Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь».

Словарные записи Энгельса интересны не только сами по себе: в них мы находим много тонких лексикологических наблюдений и замечаний. Они также могут служить образцом неутомимого филологического труда, терпения и настойчивости. При изучении текста Энгельс выписывал незнакомые слова и тщательно подбирал к ним лексические соответствия из немецкого языка. Осмысливая каждое слово, он не отрывал его от контекста. И если для передачи точности мысли целого стиха или строфы не находил необходимого немецкого слова, то использовал свое знание других европейских языков — французского или английского.

900 с лишним слов (по приблизительному подсчету) пушкинского словаря Энгельс записал и подобрал к ним около двух тысяч немецких (частично французских и английских) слов (М. П. Алексеев. Словарные записи Ф. Энгельса...). Так внимательно Энгельс разобрал 33 строфы первой главы «Евгения Онегина», сделал запись русских слов с пояснениями на немецком языке к «Вступлению» из «Медного всадника».

Занятия русским языком пригодились Ф. Энгельсу для ознакомления с классическими произведениями рус-

ской литературы и общественной мысли. Многие книги он получил от своих русских друзей: «Большое спасибо за „Сказки“ Щедрина, — пишет Энгельс Н. Ф. Даниельсону, — к чтению которых я приступлю при первой возможности...» (Письмо от 19 февраля 1887 г.). Его оценка Добролюбова и Чернышевского — «двух социалистических Лессингов» — свидетельствует о глубоком знании их сочинений и работ по истории русской литературы. Лучшие произведения русских классиков были для Энгельса не только источником эстетического наслаждения, но по ним он узнавал, изучал русскую действительность.

Известно, что Ф. Энгельс не только читал, писал, но и говорил по-русски. Ф. М. Кравчинская, участница революционного народнического движения 70-х годов, в своих воспоминаниях пишет: «...Энгельс обратился ко мне и, учитывая мое незнание иностранных языков, заговорил по-русски. Он стал цитировать из Пушкина:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант...

Прочитировал он это наизусть [три строфы — V, VI, VII из «Евгения Онегина». — *Е. К.*] на прекрасном русском языке» (Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956).

*

Ф. Энгельс хорошо знал и любил русский язык и русскую литературу. В статье «Эмигрантская литература» он писал: «Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость...».

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

К 100-летию
со дня рождения А. А. Блока

БАРОМЕТР МИРООЩУЩЕНИЯ

Заметки о языке Александра Блока

«Я не люблю пустого словаря...». А. Блок сказал это о другом, но и в поэзии он не любил лишних, пустых слов. Даже в письмах поэт старался избегать суетного многословия: «Я не понимаю своих слов, когда их много, лучше, когда мало», — писал он в письме к Андрею Белому.

Потому, должно быть, так богат и ярок словарь самого А. Блока: глубиной и емкостью отличаются в его поэзии даже самые обычные слова. Поэзия, как верно заметил К. Г. Паустовский, «обладает одним удивительным свойством: она возвращает слову его первоначальную девственную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать». Этим свойством наделена поэзия А. Блока.

Возьмем, к примеру, строку одного из стихотворений цикла «Кармен»:

Бушует снежная весна

«Снежная весна»... Что это? Поэтическая вольность? Игра словом? Нет. За этим бло-

ковским определением — подлинность реальной жизни: тот, кто, подобно А. Блоку, знает мартовские дни в Петербурге, когда сильный ветер с Невы несет над городом огромные хлопья мокрого снега, а в душе уже нет зимней спячки и она трепетно ждет новых перемен, поймет, что имел в виду поэт, написавший эти неповторимые слова: *снежная весна*.

А. Блок художественному определению — эпитету, без сомнения, придавал большое значение. По эпитетам А. Блока можно было бы составить представление не только о стиле поэта, но и о его мироощущении. У кого из поэтов можно найти, например, такие определения к слову *красота*, как у А. Блока? В его стихах *красота — одичалая, преступная, разбойная...* В цикле «Снежная маска» — стихах о высокой духовной любви, любви-поклонении — *душа бывает пленной, послушной, безнадёжной*. А в сборнике «Фаина» (где любовь духовная переходит в земное чувство) она уже иная: *блаженная, обреченная, растраченная...* К слову *глаза* в «Снежной маске» мы находим эпитеты *крылатые, яркие, неизбежные*, а в «Фаине» — *темные, воспаленные, узкие*. *Взор* в «Снежной маске» — *ясный, нежный, пронзительный, упорный*; в «Фаине» — *воспаленный, дикий, темный, черный*. Характерные эпитеты имеет в «Фаине» слово *страсть*: *нерадостная, мучительная...*

Даже по этим немногочисленным примерам нетрудно заметить, как блоковский эпитет отражает эволюцию мироощущения его лирического героя. Естественно, что и стилевые особенности разных поэтических циклов ярко проявляются в характере употребляемых А. Блоком эпитетов. Так, сравнительно со «Снежной маской», для «Фаины» с ее отчетливым народно-песенным характером (ср., например, стихотворения «Гармоника, гармоника» или «В этот серый летний вечер») оказываются довольно употребительными устойчивые определения, свойственные русскому фольклору: *лебяжья поступь, ракитовый куст, горькая доля, вольная воля*. Подобные определения в «Снежной маске» не встречаются совсем.

У А. Блока — своя «цветовая палитра». Обычно это гамма неярких, холодных тонов: *белый, черный, серый, синий, голубой, зеленый*. Лишь однажды промелькнет, например, в «Снежной маске» прилагательное *красный* («красные герольды») или *розовый* («в розовых тенях»). В этом отношении А. Блок значительно отличается, на-

пример, от В. Брюсова. В цикле стихов В. Брюсова «Все напевы», создававшимся в те же годы, что и блоковская «Снежная маска», преобладают прилагательные *красный, огненный* и т. п. Зато А. Фет оказывается поэтом, родственным А. Блоку в выборе «цветовых» эпитетов. Недаром А. Блок нежно любил этого поэта, правда, говорил и писал о нем редко, но однажды обронил слова, открывающие его привязанность к поэзии А. Фета: «Обожаемый Фет»...

А. Блока можно назвать великим мастером эпитета. Достаточно привести лишь один пример: если сравнить такие поэтические сборники А. Блока, как «Снежная маска» и «Фаина», создававшиеся почти в одно и то же время, то окажется, что менее четверти всех эпитетов, использованных здесь А. Блоком, совпадают. Более того: «полных совпадений» (т. е. совпадений определяемого и определяющего) всего лишь пять (встречный ветер, снеговая туча, снежная равнина, снежные искры, ясный взор). Надо быть виртуозом слова, чтобы с такой легкостью избегать повторений.

В отношении эпитетов А. Блок резко возражал против трех вещей: банальности, вычурности («искусственности», как он сам это называл) и одновременного «нагромождения» нескольких определений. Поэт не однажды указывал на «ужасающую банальность эпитетов» (статья «О лирике») у С. Соловьева и других поэтов-современников. Сам когда-то написавший строки —

Я сидел у окна в переполненном зале.

Где-то пели смычки о любви.

Я послал тебе черную розу в бокале

Золотого, как небо, ай.

(В ресторане),

— поэт сказал в 1906 году в рецензии на сборник стихов И. Анненского: «Это декадентство и засоряет сразу глаза пылью «эмалевых минут» и «черных роз». Наконец, в статье «Литературные итоги 1907 года» А. Блок четко сформулировал свое отношение к использованию эпитетов в поэзии: «Подавляющее количество эпитетов заставляет окончательно забыть всю книгу: ни одна строка не западает в душу».

Неслучайно поэтому в поэзии А. Блока эпитеты чаще всего единичны. Если же определений к слову оказывается больше, поэт старается рассредоточить их, отделить

один от другого, чтобы, соседствуя, они тем не менее не подавляли друг друга, не теряли своей художественной выразительности. Делается это по-разному. Иногда А. Блок прибегает к двукратному повторению определяемого существительного, разделяя таким образом два определения:

И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

И я провел безумный год

В других случаях определяемое слово оказывается между двумя определениями, как бы рассекая собой два эпитета:

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, вдовской предел.
Средь *темных* заводей и *мутных*
Огромный месяц покраснел.

«Ищу огней — огней попутных...»

Заметим, что в приведенном четверостишии второй эпитет еще более «усилен» тем, что вынесен в конец строки, в рифму (попутных — мутных), как и в следующем примере:

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О *детской* той мечте, о *зыбкой*,
Что счастьем привыкли звать!

«И вновь — порывы юных лет...»

Иногда А. Блок «разбивает» два эпитета, перенося один из них в начало следующей строки:

Иди, иди за мной — *покорной*
И *верною* моей рабой.

Демон

Бывает и иначе: эпитет один, но поэту необходимо выделить его, подчеркнуть, придать ему особую значимость:

Ты обо мне, быть может, грезишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.
И вижу в снах твой образ, твой *прекрасный*...

«Когда замрут отчаянье и злоба...»

Эпитет отделен от определяемого слова, существует как бы самостоятельно, становится почти независимым:

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

«О да, любовь вольна, как птица...»

Это — один из характернейших признаков блоковского стиля, один из тех приемов, по которому почти безошибочно можно определить авторство того или иного стихотворения. С одной, впрочем, оговоркой: подобные построения встречаются у А. Фета:

*Если зимнее небо звездами горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой *дивный* скользит,
Словно ты из лучей соткана.*

«Если зимнее небо звездами горит...»

Однако то, что у А. Фета встречается лишь в отдельных случаях, для А. Блока становится типичным, превращается в один из характернейших признаков «блоковского» в поэзии. К тому же А. Блок значительно развил и усовершенствовал этот прием, придя от него к более сложным построениям:

*Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой *разящий*, твой *взор*, твой *кинжал*!*

«В эти желтые дни меж домами...»

Какое сложное, многоплановое определение: *взор* — *кинжал*, *разящий взор* — и *разящий кинжал*! Эпитет, несущий на себе функцию сравнения, словно бы расцветчивает существительное *взор* дополнительными оттенками: *взор острый, уверенный, неотвратимый, убивающий* (как удар кинжала)... Таким глубоким, емким смыслом наделены блоковские строки, чрезвычайно лаконичные по способу выражения.

Нередко А. Блок прибегает к намеренному «соединению несоединимого», объединяя с помощью союза *и* два

определения, которые обозначают казалось бы весьма далекие по смыслу понятия:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и глетворный дух.

Незнакомка

От соединения столь разнородных эпитетов каждый из них приобретает особую значимость и выразительность.

Подобное «соединение несоединимого» также принадлежит к излюбленным приемам поэта, заставляющим «звенеть и сверкать» самые обычные слова.

Поэзия А. Блока ставит массу интересных и в большинстве своем нерешенных еще вопросов. Как, например, уживаются в этой изысканнейшей, с точки зрения формы, поэзии архаика, вроде *вочеловечить*, *немотствовать*, *празелень*, *крыла*, *плеча* и т. п., и разговорная, а также областная лексика? Почему поэт в одних случаях употребляет существительное *гнев*, а в других — *гневность*? Почему пишет: И вновь — *порывы* юных лет, — а в других своих стихах предпочитает забытое слово *порыванье*? Почему так любит слова *бывалый* (прошедший, бывший когда-то), *возвратный*, *миновалось*? Какие различия в употреблении слов *безмолвствовать* и *немотствовать*, *размучен* и *измучен*? Почему, наконец, старые, давно уже вышедшие из употребления слова в поэзии А. Блока не кажутся сегодняшнему читателю неизвестными и странными? А ведь при лаконизме поэтической формы слово не объяснишь, не растолкуешь.

Сто лет прошло со дня рождения великого русского поэта. Ничто не забылось. Время только лучше высветило алмазные грани его поэзии. Время же подтвердило пророческий смысл сказанных им когда-то слов: «Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он *сжег себя дотла*.., только оно может стать великим».

Е. Н. ЭТЕРЛЕЯ

«НИ МОРЯ НЕТ ГЛУБЖЕ, НИ БЕЗДНЫ ТЕМНЕЙ...»

О пунктуации А. Блока

Когда один из редакторов А. Блока пожелал выправить его стихи, поэт ответил, что ничем в своих стихах он внутренне не мог бы пожертвовать. Причина одна — «мне так поется» (письмо к С. Маковскому, 1909 г.). И пунктуация, и даже орфография у А. Блока подчинены внутреннему голосу, осознаны как важные детали, помогающие придать утонченность поэтически оформленной мысли, законченность художественным образам.

Своеобразие лирики А. Блока отчасти заключается в том, что она не обнажает внутреннюю жизнь души, а лишь намекает на нее, не посягая на полное раскрытие из-за непомерной глубины ощущений лирического героя, из-за их невыразимости. Смутное и неуловимое, «несказанное» трудно переводится на язык логических понятий. Вот почему то, что рассказывает поэт, — это не столько жизнь души, сколько ее состояние, переменчивое и туманное, смутное и тревожное. Таков молодой А. Блок с его ранним лирическим героем, молитвенно устремленным к Прекрасной Даме.

Такая «однострунность» души (определение самого поэта) есть реакция на те эмоциональные впечатления, те «сны и туманы», которые овладевают поэтом и воплощаются им в обобщенные образы «Одиночества, Мглы, Тишины». Однако и в этой

отвлеченности, в этой завороченности мистическими снами ощущается поэт мощной лирической силы, психологической глубины.

Передаче состояния души служат все стилистико-изобразительные средства. Немалая роль отводится и знакам. Они и обильны, и выразительны:

И опять — во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет — сердце солнце встретит!..

«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»

Интересно, что при таком обилии знаков, тонко и не безразлично к смыслу употребленных, не нашлось места для точки. А она, как известно, указывает на завершенность мысли, подчеркивает ее исчерпанность. А если в стихотворении нет завершенности? Если и конец-то вовсе не конец, а лишь только начало?..

Случайно или не случайно отсутствие точки в этом стихотворении? Вот то, что предшествует этому четверостишию:

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...

И опять, как видим, нет ни одной точки. Точек нет даже там, где они, казалось бы, очевидны: в конце первой строки, перед вопросительным предложением; после слов *во мраке* и *вспыхнувший мгновенно*. Во всех этих случаях стоит запятая, конец предложения становится неясно очерченным, размытым, он даже не угадывается и постигается лишь по прочтении следующих строк, после этих запятых, причем постигается умозрительно, не интуитивно, а только потому, что так надо... по правилам. Одна строка переходит в другую без четкого обозначения конца, поистине «во мраке» трудно уловить контуры реального. В первоначальной рукописи стихотворение это имело название «Мрак (аллегория)». Как видим, в окончательной редакции и это разъяснение снято, поэт считал его излишним.

Для передачи состояния, постоянно изменяющегося, не имеющего конца, но только продолжение, лучше всего подходит много-

точнее; оно намечает перспективу, угадываемую недосказанностью, указывает на зыбкость обозначенных контуров. И многоточие действительно обильно представлено в стихах.

Вот целое стихотворение, где многоточие явно преобладает над другими знаками (и опять ни одной точки!):

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

«Мы были вместе, помню я...»

Многоточие оформляет и строки, передающие мир, созданный воображением поэта как ощущение музыки бытия. *Стезя, ночь, окно* — это не конкретные понятия, а символы психологического состояния поэта и коллизий его мистического сознания (см.: В. Орлов. Александр Блок. Вступительная статья к сочинениям в двух томах):

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...

«Шли мы стезею лазурною...»

Роль многоточия особенно ощутима при прочтении следующего стихотворения из серии «Три послания», где тоже нет точек:

Все помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

— «Все помнит о весле вздыхающем...»

Многоточие, как никакой другой знак, очень соответствует общей тональности этих стихов Блока. Вещные образы — весло, руль, корабль, шхуны — лишь контуры, скрепляющие воедино художественно цельное изображение переживаемого состояния. Рождается отвлеченно-обобщенный образ — состояние как нечто постоянно движущееся, неуловимое и ускользающее, и все уходит куда-то — неодолимо, но бесцельно: *убегающий, уходящий, утопающий, тающий*... И многоточие словно продолжает это движение, не дает ему прерваться. Так знак включается в систему стилистико-изобразительных, поэтически оправданных средств.

Есть еще знак, активно служащий поэту, — это тире. Его употребление и эмоционально, и содержательно значимо. Тире, часто индивидуально осознанное Блоком, свойственно стихотворениям несколько иного психологического сюжета. Это знак более энергичный, позволяющий до предела сжать выражение мыслей, дать их сильно, резко, контрастно. Образы здесь четко очерчены, мысль оформлена скупой, глубина ее осязаема. Здесь нет образов плывущих и уплывающих.

Например, стихотворение «Я их хранил в приделе Иоанна...» было написано после окончательного объяснения с Л. Д. Менделеевой. «Сегодня 7 ноября 1902 года, — писал А. Блок в дневнике, — совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года». Вот это «совершилось», да еще после столь длительного и напряженного ожидания вылилось в стихи огромной силы и иного стилистического накала, музыкально-импрессионистическая манера здесь уже не ощущается, напротив, это интонации скупого и строгого стиля:

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

.....
Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.
И в Оный День — один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

Кстати, и предложения здесь интонационно завершены и оформляются точками, .

Тире у А. Блока часто не подчиняется обычным правилам, его стилистико-смысловая роль обнаруживается при особом употреблении, например, когда надо выделить наиболее значимые части стихотворения:

Я могуч и велик ворожбою,
Но тебя уследить — не могу.

.
Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи — тебя.

Ворожба

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звнящем наряде шутов.

Двойники

Тире свойственно стихам, образная система которых строится на конкретных, предметных деталях, особенно оно применимо в «сюжетных» частях стихотворений:

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

«Нет имени тебе, мой дальний...»

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

«Отворяются двери — там мерцанья...»

Часто тире выполняет чисто интонационную роль, рвет строки стиха на такты:

Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

На чердаке

Как видим, тире ставится не по правилам. Но во всех случаях это стихи особой ритмики: для них характерны прерывистость, скульптурная ясность, отчасти — разговорность. Меняется стилевая тональность стихов — приходят другие знаки и содействуют этому изменению.

Творческая индивидуальность великого поэта многогранна, его изобразительно-выразительные средства слагаются в системы художественных образов, психологически сложные, противоречивые и глубокие. В стилистическом плане, по бесспорному утверждению В. Орлова, лирика А. Блока движется от интонаций напевно-эмоциональных к интонациям повествовательным и разговорным, импрессионистическая размытость сменяется стилевой строгостью, сжатостью и точностью характеристик.

Разговорные интонации, фиксируемые знаками, в частности, проявляются в грамматической расчлененности строки, в речевой фрагментарности. Точка здесь очень активна, даже в середине строки:

Так. Не жди изменений бесцельных.
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Моей матери

Такое интонационное оформление чаще всего сопровождается тематически точные и конкретные, описательные строки:

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

Наивысшего накала достигают разговорные ритмы и интонации, конечно, в поэме «Двенадцать». Ее герои идут «державным шагом». Этот смысл поддержан безупречной формой стиха. Чеканность слога и живость речи — здесь новая форма передачи новых ритмов времени. А. Блок был гениально чуток к ритмам времени. Он не только умел передать их в своих творениях, но и пытался теоретически осмыслить: по А. Блоку, поэтическое ощущение мира дается через усвоение ритмов эпохи. Об этой «слиянности» поэтических ритмов и ритмов эпохи поэт рассказывает в предисловии к поэме «Возмездие». Надо сказать, что сам Блок обладал этим чувством «слиянности», как никто другой.

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

.
Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Двенадцать

Эти частушечно-песенные, народно-разговорные интонации внутренне присущи воплощаемому в поэме содержанию. «Народные формы стиха подняты в «Двенадцати» на высоту громадного драматического напряжения и приобрели черты монументальности» (В. Орлов). И знаки, конечно, не безразличны к этим интонациям, они служат их воплощению в стихе. Напряженность, динамизм создаются резкими паузами — они обозначаются тире:

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...
И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.

Жесткость строке придают паузы, обозначенные тире, в таком примере, где лаконично и беспощадно характеризуется старый мир:

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...

И в конце поэмы, где чеканность строк доведена до высшего предела, где она перерастает в символическое воплощение поступи Революции, где все интонации и ритмы поэмы создают мощный, «единый музыкальный напор», поэт не смог обойтись без тире:

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Показательно, что тире так густо употреблено в самых сильных и важных местах отрывка, где контрастно противопоставлены Старый и Новый мир — то, что позади, и то, что впереди.

Сила контрастного противопоставления точно так же подчеркивается знаком тире и в другой поэме А. Блока — «Скифы», революционно-патриотический пафос которой доведен до ораторского звучания. Это прежде всего мощное, громогласное начало:

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —

С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.

Тире в этой поэме самый активный знак, он заменяет другие знаки, например, двоеточие после обобщающего слова, причем эта замена осуществляется последовательно:

Мы любим все — и жар холодных числ,

И дар божественных видений,

Нам внятно все — и острый галльский смысл,

И сумрачный германский гений...

И конец поэмы, это мощное, предупреждающее обращение к старому миру, закономерно включает в систему своих знаков тире, закономерно с точки зрения общей стилистической тональности поэмы, но отнюдь не закономерно с точки зрения нормативности самого знака:

В последний раз — опомнись, старый мир!

На братский пир труда и мира,

В последний раз — на светлый братский пир

Сзывает варварская лира!

Стихотворная речь А. Блока богато оснащена пунктуацией. Знаки у него не просто обильны и разнообразны, они служат усилению, активизации довольно сложного интонационно-ритмического облика стиха, смысловых и эмоциональных нюансов.

Всю систему знаков Блок включал в авторскую стилистику. Но есть все-таки знаки излюбленные, именно они часто не подчиняются регламентации, и именно они индивидуально осмыслены. Важно еще другое — индивидуальное у А. Блока не противоречит функциональной значимости знаков (что свойственно было многим его современникам, в частности А. Белому), оно осуществляется в

рамках этой значимости. Создается впечатление, что поэт удивительно чуток к потенциальным возможностям знаков, особенно таких, как многоточие и тире. Эти знаки заметно активизируются в наиболее ярких и сильных строках, где поэт высказывает самое сокровенное, как, например, в начальном четверостишии из «Ямбов»:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Строки о назначении поэта, его высокой гражданской миссии, стихи о Родине, стихи философского звучания, особо напряженно-го биения мысли не обходятся без тире:

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

«Пускай зовут...»

Так поэт сумел в полную меру не только использовать выразительные возможности пунктуации, но и значительно укрепить их и расширить. Начав с индивидуалистической лирики, преодолев эстетику символистов, А. Блок закончил свою поэтическую биографию национальным поэтом-трибуном. Но А. Блок значителен не только этим итогом. Во всем, что ни воспевал поэт, он был велик. Поистине — «ни моря нет глубже, ни бездны темней». Великолечно ощущал эту двойственность сам поэт. Иначе он не смог бы так беспощадно искренне сказать о себе (и как всегда в стихах наивысшего накала на помощь приходит содержательно емкий знак тире):

Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Н. С. ВАЛГИНА

СИМВОЛИКА ЗВУКОВ

Звуковой стороне поэтической речи А. Блок и его современники придавали особое значение. В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт и другие молодые поэты не только искали новую яркую экспрессию в звукописи, но и старались теоретически обосновать художественную роль фоники, раскрыть казавшуюся тогда столь значительной символику звуков и объяснить «магию слова» в стихотворных строчках.

«Кто забудет то волнующее, переменяющее всю кровь впечатление, которое производил... звуковой перелив в „Незнакомке“...» — писал в 1924 году К. Чуковский. Сам Блок, однако, не был склонен преувеличивать эстетическую роль созвучий, придавать им мистическое, самодовлеющее значение. В его «Записных книжках» сохранилось замечание: «Бальмонт и вслед за ним многие его современники вульгаризировали аллитерацию».

А. Блок искал в звукописи средство усилить образную сторону речи, повысить ее эмоциональность, убедительность. Естественно, в связи с этим поэт придавал большое эстетическое значение фонике, о чем свидетельствуют его черновики, позволяющие проследить за «звуковым отбором» лексики в текстах.

Гармония, чистота звучания поэтической речи были для Блока важнейшим признаком высокого искусства, отличительной чертой прекрасного. Уже с самых первых своих шагов в русской литературе поэт искал в фонике источник возвышенного звучания поэтических строк. И не удивительно, что и ранние его произведения отличала тонкая инструментовка, определившая особую тональность бло-

ковского стиха. Поэт добивался гармонии, подбирая созвучные слова, создававшие в сочетаниях ассонансы (повторение гласных) и выразительные аллитерации (повторение согласных звуков):

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Милующих дней молодые были
Пришли доверчиво из тьмы...
Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...

«Я вышел. Медленно сходили...»

Созвучные начала и окончания слов (анафора и эпифора) придавали звукописи таких строк особую прелесть.

С ростом мастерства поэта заметно увеличивается эстетическое значение звуковой организации его поэтической речи. Звукопись для Блока становится важнейшим компонентом сложной системы его образных средств.

Изучение фоники поэзии Блока требует глубокого проникновения во всё его творчество, потому что для оценки эстетической роли тех или иных созвучий в его стихотворениях недостаточно выявить звуковые повторы в пределах строки, четверостишия и даже одного стихотворения, так как большинство его произведений существуют не отдельно, а дополняют друг друга, развивая сквозные лирические темы, волновавшие поэта. Сам Блок рассматривал свою лирику как некое единство. «Каждое стихотворение,— писал он,— необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать „романом в стихах“: она посвящена одному кругу чувств и мыслей».

Стихотворения, объединенные поэтом в циклы, отличаются свойственной только им неповторимой «музыкой» слова. Так, в знаменитой «Незнакомке» использованы приемы звуковой инструментровки, намеченные в других стихотворениях, которые сам автор назвал «смежными». В этом стихотворении А. Блок виртуозно продемонстрировал выразительные возможности звуковой организации поэтической речи. Для оценки художественной роли фоники в этом произведении важно все: и сгущение звуковых повторов, и отсутствие их, и длина слова, и особенности интонации, и характер аллитераций, ассонансов. Начало баллады, ее первая строка настраивает читателя на эпический тон — так спокойно нанизываются обстоятельства, объединенные аллитерацией на *р* и ассонансом на *а*, и вдруг это плавное, свободное течение речи обрывается, наталкиваясь на короткие слова-эпитеты, притягивающие к себе логические ударения: „По вечерам над ресторанами / Горячий воз-

дух *дик и глух*". Это настораживает, как бы возвещая о трагическом столкновении контрастов. И мы сразу же начинаем это чувствовать, вслушиваясь в последующие строки, объединившие созвучные, но несовместимые слова-понятия: *весенний и глетворный*.

Далее, в следующих пяти четверостишиях, наш слух улавливает беспорядочную переключку звуков. Аллитерации подчеркивают случайные, на первый взгляд, слова, сближая их, придавая им выпуклость (*над пылью переулочной*; *над скукой — золотится — крендель — детский плач*; *заламывая котелки — среди канав — остряки* и т. д.). Но стоит задуматься над ними, и нам открывается смысловая функция звукописи: она словно курсивом выделяет слова, в которых заключена горькая ирония поэта, болезненно воспринимающего пошлость окружающей обстановки. Отсутствие в ней гармонии получает отражение в фонике: поэтому и звуковые повторы не стройны, в них даже слышатся режущие слух созвучия (*Над озером скрипят уключины / И раздается женский визг*). Такова житейская проза, которая окружает одинокого, истомленного тоской об идеале мечтателя.

Решительно меняется звуковой рисунок речи во второй части произведения. Стройные ассонансы на *а, е, у* придают стихам торжественность и значительность, создавая музыкальный фон для высоких романтических грез. Образ Незнакомки отражается в разных аллитерациях: то это инструментовка на *м, н, п* в первой строке VIII строфы (она возвещает о медленном приближении Ее), то на *д, т, м* в третьей строке VIII строфы (она усиливает изысканную образность речи), то на *к, с* и шипящие... Эти звуковые повторы помогают нам представить чудесное видение: ее бесплотные шаги отражаются в стечении «легких» звуков (в восьмой строфе при обилии глухих согласных встречается только одно *р*). Объединенные общим звучанием слова рисуют запоминающиеся подробности ее туалета, ее черты. А выразительные переходы от одной инструментовки к другой поочередно останавливают наше внимание на отдельных деталях описываемого портрета, и мы невольно в воображении вслед за поэтом переводим свой взгляд с предмета на предмет, составляя загадочный образ...

В фонике произведения отсутствует целостный звукообраз Незнакомки: ни одна из прозвучавших аллитераций, ни один из ассонансов не доминирует, но эта «мозаичность» звукописи мотивирована: в воображении поэта пленительный женский образ проходит как бы «наплывами», отдельными «кадрами», он лишен четких очертаний, поэтому и звуковое отражение этих видений лишено единства, фрагментарно.

Наибольшей экспрессии фонетическая организация поэтических строк достигает в последних трех четверостишиях, в которых

звукопись становится средством усиления эмоциональной напряженности речи. Сгущение звуковых повторов отражает волнение поэта, это подчеркивают синтаксические параллелизмы и короткие восклицательные предложения, выражающие торжество и отчаяние.

Иной звуковой рисунок характеризует циклы стихотворений, написанные зимой 1906—1907 года. Даже если бы мы не знали истории создания этих произведений Блока, то ясно увидели бы их неразрывность, единство, изучая фонику циклов «Снежная маска», «Маски», «Фаина», созданных поэтом словно на одном дыхании. В них повторяются одни и те же темы, изображение лирических чувств подсказывает поэту полюбившиеся ему созвучия. В столь характерных для фоники этих произведений аллитерациях на глухие, свистящие и шипящие звуки, мы угадываем таинственные ночные шорохи, шум ветра и легкие шаги:

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

И я провел безумный год

В строчках, где чувство достигает высшей напряженности, звукопись становится особенно выпуклой:

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Носою черной задуши.

«Ушла. Но гиацинты ждали...»

В этом цикле повторяется излюбленная блоковская аллитерация на *з — с*, за которой очень часто проступает звукообраз снега, именно это слово обычно определяет подбор лексики во многих стихотворениях:

И опять, опять снега
Замели следы...
Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды

И опять снега

Тайно сердце просит гибели,
Сердце легкое, скользи...

Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Обреченный

С этой инструментовкой сочетается, дополняя ее, другая, на *м — л*, навеянная звучанием слова *метель*. Очень характерно для Блока этой поры также соединение аллитераций на *л* и на *с*:

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Лады ночные прометели,
Ныряя в ледяных струях.

Не надо

Они подчеркивают слова, составляющие основу образной ткани стиха, что придает речи особую выразительность.

Ярко и настойчиво в фонике анализируемых произведений проходит инструментовка на *з — в*, *з — д*, возникающая вместе с образом звезды и в дальнейшем развивающая эту тему:

Метель взвилась
Звезда сорвалась,
За ней другая...
И звезда за звездой
Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

Настигнутый метелью

Блок и в последующие годы творчества еще долго оставался в плену звукообразов, созданных им в названных циклах стихотворений; и в его поздней лирике еще не раз повторятся отзвуки полюбившихся поэту созвучий, получающие уже иное эстетическое значение.

С годами звукопись Блока, как и его поэтические образы, обретает реальные, «земные» черты, не утрачивая, однако, романтического ореола; сгущение ассоансов и аллитераций обусловлено напряжением чувств, которые словно ищут своего музыкального решения в звукописи. Волнение, смятение, восторг поэт «выплескивает» в звуковой инструментовке:

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!

Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

«Май жестокий с белыми ночами...»

Фоника, а также номинативные, неполные, побудительные предложения, усиленные восклицаниями, — все это передает страстный порыв, тот высокий накал страстей, которым отмечена поэзия Блока. Благодаря звукописи поэт достигает полного слияния чувства и его поэтического выражения.

В стихотворениях, проникнутых особым лиризмом, важную художественную роль играют не только звуковые, но и словесные повторы, усиливая смысловую функцию звукописи:

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твой плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

«Пойми же, я спутал, я спутал...»

Ценителям поэзии Блока хорошо известно одно из лучших его лирических стихотворений «Черный ворон в сумраке снежном», выделяющееся своей звукописью. Особенно восхищает в нем третья строфа:

Снежный ветер, твоё дыхание,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Сгущение номинативов в первых трех строчках порождает особую напряженность интонации, а отсутствие в них глагольных форм незавершенность, которая создает впечатление задыхающей, взволнованной речи. Но самое удивительное в этом четверостишии — его фоника: здесь очень часто повторяются звуки, в образовании которых участвуют губы. Эта инструментовка на губные согласные в сочетании с аллитерацией на *в* особенно выразительна: в самой артикуляции звуков (в смыкании губ) угадывается образ поцелуя, он прозвучал еще до того, как поэт о нем скажет в следующей строфе:

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред...

Рукописи поэта отражают его работу над третьей строфой. В черновике, датированном 24 января 1910 года, сохранилось три

первоначальных ее варианта; в беловой рукописи, озаглавленной вначале «Валентина», есть и четвертый. Сравним их:

I вариант

И опять на ночное свидание
Ты приходишь в забвенье и сне,
Валентина, комета, мечтание,
От Востока на Запад ко мне.

II вариант

Ты опять восходишь, мерцанье,
Легкий сон непонятных встреч,
Валентина, звезда, мечтанье,
Снежной пылью мне сердце жечь?

III вариант

Верю, верю — южные ночи,
И твои поют соловьи,
Пугливые быстрые очи,
Смелые губы твои.

Беловая рукопись

Снежный ветер летит от залива
В опьяненные губы твои...
Валентина, мечтание, диво,
Как поют твои соловьи!

Как видим, слова, инструментованные на губные согласные, с первых набросков четверостишия уже «притягивались» к имени, столь выразительному по своей фонике, однако звуковое окружение его от варианта к варианту менялось. В третьем варианте наметилась аллитерация на *в* и повторение губных согласных, хотя строчка с самим именем исчезла. В беловом варианте поэт выносит имя в заглавие и возвращает его на прежнее место, подчиняя ему звукопись четверостишия. Наиболее совершенным по звучанию оказался все же не этот, а последний, пятый, вариант строфы, на котором и остановился Блок.

Не всегда удастся исследовать авторедактирование поэта, но даже если бы мы совсем не знали черновых вариантов его стихотворений, мы могли бы составить представление о работе Блока над фоникой, изучая его поэтические произведения.

В лирике Блока фоника неизменно усиливает выразительность метафорического строя речи, создает особую ясность и убедительность звукового выражения мысли.

И. Б. ГОЛУБ

На литературной странице мы печатаем отрывок из воспоминаний Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок, жены Александра Блока.

Летом 1898 года семнадцатилетний Александр Блок, только что окончивший гимназию и решивший поступить в университет, влюбился в шестнадцатилетнюю Любовь Менделееву, дочь великого, тогда уже всемирно известного ученого. Блоковское имение Шахматово находилось по соседству с менделеевским Боблово, куда часто стал ездить Блок.

Поэт в своей любви к Л. Д. Менделеевой видит жизненное претворение некоей «великой тайны», в ней он обрел «силу своей жизни», познал «гармонию самого себя», угадал предопределенность своей судьбы. «Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе», — писал Блок своей невесте 10 ноября 1902 года.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ-БЛОК

И вот пришло «мистическое лето» <1901 года>.

Встречи наши с Блоком сложились так. Он бывал у нас раза два в неделю. Я всегда угадывала день, когда он придет; это теперь — верхом на белом коне и в белом студенческом кителе. После обеда в два часа я садилась с книгой на нижней тенистой террасе, всегда с цветком красной вербены в руках, тонкий запах которой особенно любила в то лето. Одевалась я теперь уже не в блузы с юбкой, а в легкие батистовые платья, часто розовые. Одно было любимое — желтовато-розовое с легким белым узором.

Вскоре звякала рысь подков по камням, Блок отдавал своего Мальчика около ворот и быстро вбегал на террасу. Так как мы встречались «случайно», я не обязана была никуда уходить и мы подолгу, часами, разговаривали, пока кто-нибудь не придет. Блок был переполнен своим знакомством с «ними», как мы называли в этих разговорах всех новых, получивших название «символистов». Зна-

комство пока еще лишь из книг. Он без конца рассказывал, цитировал так легко запоминаемые им стихи, привозил мне книги, даже первый сборник «Северных цветов», который был чуть ли не заветнейшей книгой. Я читала по его указанию первые два романа Мережковского, «Вечных спутников»; привозил он мне Тютчева, Соловьева, Фета. Говорил Блок в то время очень трудно, в долгих переплетах фраз ища еще не пойманную мысль. Я следила с напряжением, но уже вошла в этот уклон мысли, уже ощущала, чем «они» берут и меня.

Раз как-то я в разгаре разговора спросила: «Но ведь вы же наверно пишете? Вы пишете *стихи*?» Блок сейчас же подтвердил это, но читать свои стихи не согласился, а в следующий раз привез мне переписанные на четырех страницах листка почтовой бумаги: «Неписанные догматы», «Слуга — Царице», «Новый блеск излило небо...», «Тихо вечерние тени...». Первые стихи Блока, которые я узнала. Читала их уже одна.

Первое было мне очень понятно и близко; «космизм» — это одна из моих основ. Еще в предыдущее лето, или раньше, я помню что-то вроде космического экстаза, когда, вот именно, «тяжелый огонь окутал мирозданье...». После грозы на закате поднялся сплошной белый туман и над дальною и над садом. Он был пронизан огненными лучами заката — словно все горело: «Тяжелый огонь окутал мирозданье». Я увидела этот первозданный хаос, это «мирозданье» в окно своей комнаты, упала перед окном, впиваясь глазами, впиваясь руками в подоконник в состоянии потрясенности, вероятно очень близком к религиозному экстазу, но без всякой религиозности, даже без бога, лицом к лицу с открывшейся вселенной...

От второго — «Порой слуга — порою милый...» щеки загорелись пожаром. Что же — он говорит? Или еще не говорит? Должна я понять или не понять?..

Но последние два «стихотворения» — это образец моих мучений следующих месяцев: меня тут нет. Во всяком случае, в таких и подобных стихах я себя не узнавала, не находила, и злая ревность «женщины к искусству», которую принято так порицать, закрадывалась в душу. Но стихи мне пелись и быстро запоминались.

Понемногу я вошла в этот мир, где не то я, не то не я, но где все певуче, все недосказано, где эти прекрасные стихи так или иначе все же идут от меня. Это обиняками, недосказанностями, окольными путями Блок дал

мне понять. Я отдалась странной прелести наших отношений. Как будто и любовь, но, в сущности, одни литературные разговоры, стихи, уход от жизни в другую жизнь, в трепет идей, в запевающие образы. Часто что было в разговорах, в словах, сказанных мне, я находила потом в стихах. И все же порою с горькой усмешкой бросала я мою красную вербену, увядшую, пролившую свой тонкий аромат так же напрасно, как и этот благоуханный летний день. Никогда не попросил он у меня мою вербену, и никогда не заблудились мы в цветущих кустах...

И вот в июле пришел самый значительный день этого лета. Все наши, все Смирновы собрались ехать пикником в далекий казенный сосновый бор за белыми грибами. Никого не будет, даже и прислуги, останется только папа. Останусь и я, я решила. И заставляю Блока приехать, хотя еще и рано по ритму его посещений. И должен быть, наконец, разговор. На меня дулись, что я не еду, я отговаривалась вздорными предложениями. Улучила минуту одиночества и, помню, в столовой около часов всеми силами души перенеслась за те семь верст, которые нас разделяли, и сказала ему, чтобы он приехал. В обычный час села на свой стул на террасе с книгой и вербеной. И он приехал. Я не удивилась. Это было неизбежно.

Мы стали ходить взад и вперед по липовой аллее нашей первой встречи. И разговор был другой. Блок мне начал говорить о том, что его приглашают ехать в Сибирь, к тетке, он не знает, ехать ли ему, и просит меня сказать, что делать; как я скажу, так он и сделает. Это было уже много, я могла уже думать о серьезном желании его дать мне понять об его отношении ко мне. Я отвечала, что сама очень люблю путешествия, люблю узнавать новые места, что ему хорошо поехать, но мне будет жаль, если он уедет, для себя я этого не хотела бы. Ну, значит он и не поедет. И мы продолжали ходить и дружески разговаривать, чувствуя, что двумя фразами расстояние, разделявшее нас, стремительно сократилось, пали многие преграды.

Жироду, в романе «Белла», говорит, что героев его в первые две недели их встреч ничто не тревожило на пути, не встречалось ничего, нарушающего гладкое течение жизни и плоскости пейзажа. У нас совсем наоборот; на всех поворотных углах нашего пути, да и среди ровных его перегонов, вечно «тревожили» нас «приметы». Никогда не забылся ни Блоком, ни мной мертвый щегленок,

лежащий в траве на краю песчаной дорожки, ведущей в липовую аллею, по которой мы ходили, и при каждом повороте яркое пятнышко тревожило душу щемящей нотой обреченной нежности.

Однако этот разговор ничего внешне не изменил. Все продолжалось по-старому. Только усилилось наше самощущение двух заговорщиков. Мы знали, то, чего другие не знали. Это было время глухого непонимания надвигающегося нового искусства, в нашей семье, как и везде. Осенью гостили у нас Лида и Сара Менделеевы. Помню один разговор в столовой, помню, как Блок сидел на подоконнике еще со стеклом в руках, в белом кителе, высоких сапогах, и говорил на тему зеркал, отчасти гиппиусовских, но и о своем, еще не написанном «И встанет призрак беззаконный, холодной гладью отражен...». Говорил, конечно, рассчитывая только на меня. И кузины, и мама, и тетя и отмахивались, и негодовали, и просто хихикали. Мы были с ним в заговоре, в одном, с неизвестными еще никому «ими». Потом кузины говорили, что Блок, конечно, очень повзрослел, развился, но какие странные вещи говорит — декадент! Вот словцо, которым долго и вкривь и вкось стремились душить все направо и налево!

Это понимание и любовь к новым идеям и новому искусству мгновенно объединяло в те времена и впервые встретившихся людей, — таких было еще мало, очень мало. Нас же разговоры «мистического лета» связали к осени очень крепкими узами, надежным доверием, сблизили до понимания друг друга с полуслова, хотя мы и оставались по-прежнему жизненно далеки.

*Печатается по изданию: Александр Блок. Письма к жене.
Литературное наследство. Т. 89, М., 1978.*

РУССКОЕ УДАРЕНИЕ

Окончание. См.: 1979, № 1—3; 1980,
№ 1, 4

VI

Русское ударение представляет собой, без сомнения, «трудный участок» современной речевой практики. Колебания в ударении, затрудняющие процесс его нормализации, наблюдаются сейчас более чем у пяти тысяч слов русского литературного языка. Установлено, правда, что в историческом плане происходит постепенное количественное уменьшение акцентных вариантов. Это сокращение варьирования вызвано главным образом отмиранием или во всяком случае ослаблением воздействия многих причин, порождавших колебание ударения в прошлом (например, влияние территориальных диалектов, иноязычной речевой стихии, многоконтактности при заимствовании и проч.).

Однако следует учитывать, что хотя круг слов, имевших колебания в ударении, значительно сузился, это вовсе не служит показателем полного устранения акцентной вариантности даже в будущем. Дело в том, что многие источники колебаний заложены в самой природе живого языка, связаны с воздействием внутренних и объективно неизбежных закономерностей его развития — с влиянием фактора аналогии, со стремлением к облегчению произношения, с увеличением грамматической роли места ударения и т. д. Перестройка системы ударения, как и эволюция языка в целом, непременно приводит к временному сосуществованию и конкуренции старых и новых языковых форм.

Большинство сложных фактов современного ударения получило теперь историческое истолкование и стало объектом научной нормализации. В последние годы издано немало полезных словарей, справочников и пособий для усвоения акцентологических норм. Однако словари часто не поспевают за темпом современной быстротекущей жизни, и не все спорные случаи получают в них достаточно полную и одинаковую оценку. Для того чтобы с большей уверенностью ориентироваться в современных нормах, помимо знания общих правил, полезно иметь представление, во-первых,

об основных тенденциях развития русского ударения и, во-вторых, о функциональных и иных различиях сосуществующих акцентных вариантов.

В современном состоянии русского литературного языка трудно отыскать общий путь развития словесного ударения (что касается ударения в грамматических формах, то там обнаруживается стремление к его подвижности, и это в лучшей степени обеспечивает их разграничение). Если иметь в виду чисто формальные признаки (начало, середина и конец слова), то можно указать на три основных направления в развитии ударения: регрессивное, прогрессивное и центростремительное. Причем для определенных разрядов слов обычно наиболее характерна одна из этих трех акцентологических тенденций.

■ При регрессивном направлении ударение в слове исторически перемещается с конечного слога на первый или второй от начала слова (оно движется как бы противоположно произнесению звуков, почему и именуется регрессивным). Такая тенденция особенно наглядно проявляется у двусложных (реже — трехсложных) имен мужского рода. Например, прежде говорили: *тока́рь, бонда́рь, возду́х, призра́к, насмо́рк, наспо́рт, загово́р, эпита́ф, филоло́г, термомо́метр, маномо́метр*; теперь говорят: *то́карь, бо́ндарь, во́здух, при́зрак, на́сморк, на́спорт, за́говор, эпита́ф, фило́лог, термо́метр, ма́нометр*. Таких слов мужского рода, уже переменивших норму ударения, несколько сотен. Именно в силу действия этой устойчивой тенденции и появляются колебания типа: *твори́т и тво́рог, обу́х и ббу́х, ло́мать и ло́моть, раку́рс и ра́курс, биту́м и би́тум*.

Многие новообразования с ударением ближе к началу слова (*квартáл, це́мент, экспер́т, ста́тут, некрб́лог, катáлог*) отвергаются современной нормой. Хотя предсказывать будущее отдельных слов — дело весьма рискованное, все же есть основания думать, что некоторые из бракуемых сейчас вариантов (например, *катáлог, некрб́лог*) являются достаточно сильными конкурентами традиционной нормы, и престижно-культурный фактор со временем может отступить перед воздействием общей тенденции оттяжки ударения с последнего слога. Ведь вкусовая оценка языковой формы исторически изменчива, и прежнее произнесение многих слов мужского рода с ударением на последнем слоге для нас уже часто кажется противоестественным. Вот, например, употребление варианта *клима́т* в поэзии первой половины XIX века:

Ты сетуешь на наш клима́т печальный,
И я с тобой готов его винить!

Жуковский, Послание к Плещееву

Помимо двусложных имен мужского рода, регрессивная тенденция ударения отчетливо проявляется и в формах настоящего — будущего времени у глаголов IV класса на *-ить*: *варит* → *ва́рит*, *грузит* → *гру́зит*, *дружит* → *дру́жит*, *курит* → *ку́рит*, *помирит* → *поми́рит* и т. п. Историческое перемещение акцента с последнего слога соответствует характерному для русских глаголов укреплению накоренного ударения и объясняется возникающей возможностью разграничения грамматических форм: *Вы гру́зите вещи? Гру́зите быстрее!* Конечно, далеко не все глаголы подобного типа приняли новую норму ударения (с ударением на конечном слоге по традиции произносятся обычно слова книжного характера: *водрузи́т*, *воплоти́т*, *воскреси́т*, *предопредели́т*, *учреди́т* и т. п.). Однако данная тенденция весьма продуктивна.

■ Значительное количество слов русского литературного языка находится сейчас в сфере действия прогрессивной акцентологической тенденции. В этом случае ударение исторически перемещается как бы по ходу произнесения звуков, то есть с начального (или второго от начала) слога на конечный (или на второй от конца).

В этом направлении происходит изменение ударения, во-первых, у многих прилагательных. Если еще в XIX веке говорили: *ро́бкошный*, *дне́вный*, *во́зрастный*, *ти́гровый*, *спи́ртовый*, *ке́дровый*, *сте́ржневый*, то теперь эти и многие подобные прилагательные произносятся с ударением, сдвинутым на конец (или ближе к концу) слова. Причем особенно быстрое закрепление нового ударения, как правило, наблюдается у прилагательных, тяготеющих к профессиональной речи: *то́рмозный* → *тормозно́й*, *те́кстовый* → *текстово́й* и т. п. В этом же направлении, то есть на конечный слог, развивается норма ударения прилагательных в кратких формах множественного числа: *близки́* → *близки́й*, *ве́рны* → *верно́й*, *прóсты* → *просто́й* и т. п.

Прогрессивная тенденция характерна и для многих глагольных форм. Так, притягательная сила формальной аналогии исторически смещает ударение с корня на суффикс в формах инфинитива на *-ить(ся)*: *у́дить* → *уди́ть*, *ума́лить* → *умали́ть*, *прину́дить* → *приуди́ть*, *разору́жить* → *разоружи́ть* и т. п. Правда, у отдельных слов наблюдается и встречная тенденция: *клеи́ть* → *клеи́ть*. Однако при наличии подвижного ударения в формах настоящего времени (*варю́* — *ва́рит*, *ужу́* — *у́дит* и т. п.) прогрессивное развитие ударения в формах инфинитива на *-ить* является более выраженным.

В наши дни значительно усилилась отмеченная уже в XIX веке прогрессивная акцентологическая тенденция в формах прошедшего времени (кроме женского рода) у многих приставочных образо-

ваний от односложных глаголов: *дать, жить, лить, пить* и др. Если в поэзии XIX века встречалось еще: *пóзвал, óтплыл, прóспал*, то теперь такие акцентные варианты полностью устарели. Не только молодежь, но и маститые поэты употребляют теперь накоренное ударение: *прожѝл, налѝл, отпѝл, отдѝл* и т. п. Хотя традиционные формы *прѝжил, нѝлил, ѝтдал* представляются все же более предпочтительными, наличие сильной и устойчивой тенденции переноса ударения с приставки на корень достаточно очевидно.

Смещение ударения с начального слога на конечный коснулось и многих двусложных имен женского рода. Ушли в прошлое ударения *гѹба, нѹжда, лѹжня, плѹта, стрѹна, рѣзѹба* и др. Возникла конкуренция ударения у других слов (*бѹржа и баржѹ, пѣтля и петлѹ, хвѹя и хвоѹ*), причем варианты с наконечным ударением все заметнее укрепляют свои позиции в современной речевой практике.

■ Кроме действия этих двух разнонаправленных тенденций в развитии ударения (от конца слова — к началу и, наоборот, от начала — к концу), в русском литературном языке наблюдается и центростремительное направление в смещении ударения. Эта тенденция проявляется, естественно, только у многосложных слов и заключается в переносе акцента с начального или конечного слога к центру (или ближе к центру) слова. Центростремительная тенденция вызвана тяготением к сохранению ритмической упорядоченности устной речи, для которой нежелательны слишком значительные междуударные интервалы в соседствующих словах.

Историческое перемещение ударения с крайних слогов ближе к центру слова наблюдается у многих прилагательных: *тѹинственнѹй → тайнственнѹй, прѹдедовскѹй → прѹдѣдовскѹй, бѹрхатистѹй → бархатѹистѹй, ѹвгустовскѹй → ѹвгустѹвскѹй* и т. п.; у страдательных причастий в форме женского рода: *перепроданѹ → перепрѹдана, переизбранѹ → перейзбрана* и т. п.; у большинства многосложных глаголов на -ировать: *абонировѹть → абонѹировать, аккомпанировѹть → аккомпѹнировать, баллотировѹть → баллотѹировать, рецензировѹть → рецензѹировать* и т. п.

■ Таковы самые общие направления в развитии русского литературного ударения. Естественно, здесь упомянуты далеко не все акцентологические процессы, а только те, которые вызывают наибольшие колебания и трудности со стороны выяснения современной нормы. Необходимо добавить, что, хотя в жизни языка мы сталкиваемся со сложными, разнонаправленными и нередко противоречивыми тенденциями, все они, как правило, имеют не только объективный, но и внутренне оправданный характер. Временные

неудобства и частные трудности, связанные с освоением развивающихся явлений, впоследствии обычно окупаются совершенствованием всей системы ударения и созданием регулярных акцентологических моделей для структурно однотипных слов.

В заключение следует предостеречь от одного весьма распространенного заблуждения. Нередко полагают, что колебания ударения, как и вариантность в произношении, морфологии и т. д., являются признаком несовершенства языка. Случается даже, что языковедов обвиняют в бездействии, в нежелании оперативно вмешаться в речевую практику и «искоренить» их, так сказать, декретом сверху. Это неосновательные и несправедливые обвинения.

Как уже отмечалось, развитие языка и временное сосуществование вариантов определяется внутренними, объективными, не зависящими от человеческой воли законами и закономерностями. В известном смысле языковедов можно сравнить с геофизиками, которые могут предсказывать землетрясения, изучать их природу, но, увы, не в силах предотвратить стихийное бедствие.

Кроме того, если взглянуть на положение вещей более широко, непредвзято, то нетрудно убедиться в том, что конкуренция форм (в том числе и форм ударения) приносит и ощутимую пользу, так как обеспечивает постепенное привыкание к новой форме и поэтому — менее болезненный сдвиг нормы. К тому же далеко не все варианты ударения являются равноценными по значению и избыточными в функционально-стилистическом отношении. Для одних характерны смысловые приращения, другие приурочены к какому-нибудь речевому стилю или свойственны речи определенных социально-профессиональных групп. Уместное применение таких акцентных вариантов помогает уточнить характеристику явлений, создать необходимый колорит повествования.

Вот почему современные словари русского литературного языка, являясь главным орудием нормализации, ставят перед собой задачу не насильственно устранить колебания в ударении (что практически неосуществимо), а дать по возможности полную и правильную оценку объективно существующим фактам. Бесплодная дидактика и администрирование в языке уступили сейчас место объяснениям и рекомендациям, которые основываются на научно-историческом познании и разумной терпимости к перспективным языковым процессам.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ
Ленинград

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Отвечаем на письма читателей

Редакция журнала «Русская речь» получила большое количество писем читателей, которые откликнулись на наши публикации о русском речевом этикете. Во многих письмах содержится оценка важности затронутых вопросов, понимание необходимости борьбы за культуру речи и вместе с тем за культуру поведения, мысль о важности пропаганды речевого этикета и, конечно, изучения этого явления.

Нам пишут люди разных возрастов и профессий, из многих городов и сел. Среди корреспондентов есть и немало педагогов, озабоченных вопросами воспитания правильной речи молодежи. Некоторые из авторов написали целые статьи и заметки, в которых высказывают интересные мысли и наблюдения.

Кандидат педагогических наук, доцент А. Я. Лурье-Дерский и учительница средней школы О. А. Коваленко из Ворошиловграда настаивают на необходимости самого пристального внимания к речевой культуре говорящих и пишущих. «Проблема борьбы за этическое отношение к русской речи является самой актуальной, и хочется надеяться, что выступления журнала „Русская речь“ будут поддержаны всеми редакциями газет и гуманитарных журналов», — пишут авторы.

Заметку «О словах лишних и недостающих» прислала в редакцию Г. В. Абуткова (Москва). Приведя много примеров, выдержек из газет, из радиопередач, в которых были допущены речевые ошибки и неточности, читательница заключает письмо такими словами: «Но самое печальное заключается в том, что в разговорной речи до минимума сократилось количество таких слов, как *извините, виноват, благодарю, спасибо, пожалуйста, разрешите, будьте добры*, не говоря о приветствиях: *Доброе утро, Добрый день, Здрав-*

стеуйте, Спокойной ночи. А как это обедняет отношения, крадет тепло! Разумеется, слова эти будут искусственными, если обмен ими не является результатом внутренних побуждений, но напоминать о них не мешает. Хотя бы потому, что и над внутренними побуждениями нужна работа».

Глубоко права Г. В. Абуткова. И надо заметить, что приведенные в ее письме выражения речевого этикета, входя в наш обиход, в свою очередь оказывают влияние на наши взаимоотношения и на поведение каждого из нас. В самом деле, трудно представить себе человека, который, сказав, например: «Всего вам доброго», тут же начал бы грубить. Так что, с одной стороны, надо произносить подобные выражения, конечно, с истинно добрым отношением к собеседнику, с другой — сами эти добрые отношения могут вызываться подобными выражениями.

В письме молодого библиотекаря Ирины Ивановой из Москвы справедливо говорится о том, что общая культура человека неизбежно связана с соблюдением этических норм и с правильным использованием речевого этикета. «Когда входит читатель и молча проходит к каталогам,— пишет Ирина,— я невольно воспринимаю это как неуважение к себе, становится обидно за читателя и за себя. Не сказали *здравствуйте*. Подумаешь. Однако это необходимо для здорового климата в жизни людей, от которого зависит практически все».

Да, Ирина права. Несмотря на то, что в городском обиходе (особенно в большом городе) у нас не принято здороваться с незнакомыми людьми, все же, входя в учреждение, мы обязательно приветствуем работника, с которым нам предстоит общаться, решать те или иные дела. Только такой контакт может привести к желаемым результатам в общении, отсутствие же приветствия будет расценено как невоспитанность посетителя. В заключение своего письма И. Иванова пишет: «Так хочется того, чего не было в школе, когда училась,— урока „этика“, куда бы обязательно входил раздел „Речевого этикет“».

*

Во многих письмах наших читателей есть конкретные вопросы, касающиеся речевого этикета. На большинство из них ответ дан в наших публикациях. Нам написали: Ирина Одинцова из Братска, москвичи Б. Горбовицкий и А. Левицкий, А. И. Дудина из Кургана, Т. И. Андреева из Томска, Б. Бескровный из Куйбышева,

Э. И. Слабковская из Якутска, Г. П. Загородняя из Черкасской области, А. М. Тимошин из Новочебоксарска и многие другие. Некоторые читатели просят рассказать о «нормах речевого этикета в условиях сельского клуба», «о речевом этикете руководителя кружка художественной самодеятельности», «о правилах речевого этикета в магазинах и автобусах дальнего следования» и т. п. Следует подчеркнуть, что, несмотря на ту или иную детализацию условий общения, всегда и везде (в сельском клубе или в автобусе дальнего следования) нужно применять самые общие выражения речевого этикета. Те же читатели, кого интересуют отдельные подробности затронутой нами проблемы, могут обратиться через редакцию журнала непосредственно к автору заметок.

Редакция и автор сердечно благодарят всех, кто близко к сердцу принял затронутые нами вопросы и откликнулся своими письмами.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

СРЕДИ КНИГ

РАССКАЗЫ О СЛОВАХ

Слова в русском языке нередко имеют сложную, а порой необычную и противоречивую судьбу. Их жизнь связана с жизнью народа, его историей, культурой и бытом, а также с природой родной страны. Всем, кто интересуется происхождением слов, их судьбой в русском языке, будет полезно познакомиться с книгой Е. Н. Этерлей и О. Д. Кузнецовой «Неизвестное в

известном», выпущенной ленинградским отделением издательства «Наука» в 1979 году.

Эта книга написана в форме коротких и занимательных рассказов о словах. Некоторые из них были опубликованы на страницах нашего журнала. Например: «Напenea кружку кислых щей», «С цветущих лип знакомый аромат...», «Загадочная купава», «Задира и забияка», «Учеба» и др. В книге повествуется также о словах, пришедших в русский литературный язык из других языков, из диалектной речи.

Жизнь слова в языке — увлекательная история со множеством загадок, неожиданных поворотов, неразрешенных вопросов. «Случалось ли вам, например, слышать,—

спрашивают авторы,— что *творог* бывает маковым или мясным? Что *уху* можно сварить из слив?» (с. 6). А в некоторых русских говорах слова *сад* и *огород* обозначают одно и то же понятие — место, где выращивают овощи. «Вот почему не следует видеть какого бы то ни было противоречия в тексте всем известной народной песни:

Во саду ли, в огороде
Выросла капуста...» (с. 30)

Когда пришло в наш язык слово *лифт*? Оказывается, первые пассажирские лифты в России появились задолго до того, как в русском языке возникло само слово. В середине XVIII века механизм для подъема людей был установлен в подмосковной усадьбе Шереметьевых — Кускове. А в 1793 году русский конструктор-самоучка Иван Петрович Кулибин сделал модель такого механизма — прообраз нашего лифта. Названия у него были такие: *подъемное кресло*, *подъемная машина*, *подъем*, *подъемник*. И только в конце XIX века начинает употребляться слово *лифт*, при этом сначала как синоним к слову *подъем*. Таким образом, подъемный механизм для пассажиров существует в России более 200 лет, а слову *лифт* нет еще и ста.

Известно ли вам, что хорошо всем знакомое слово *учеба* пришло в общее употребление из говоров? В Толковом словаре В. И. Даля оно отмечено как нелитературное, а писатель-демократ XIX века А. И. Левитов в очерке «Сельское учение» назвал его «сельским».

Мы упомянули только о нескольких словах, с историей которых знакомят нас авторы. В книге Е. Н. Этерлей и О. Д. Кузнецовой их представлено много. Все рассказы объединены тематически в семи главах: «Забытые значения», «Имена цветов», «Слова старинные», «Слова народные», «Из говоров в общенародный язык», «Обрусевшие иностранцы», «Новые слова». Рассказы о словах безусловно заинтересуют читателей, особенно тех, кто любит и ценит родную речь.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ОБРАЗНОЕ СЛОВО А. БЛОКА

Литературное последнее Александра Блока находится в центре внимания филологов. Издательством «Наука» в 1980 году в преддверии столетнего юбилея поэта выпущен сборник статей «Образное слово А. Блока» (ответственный редактор доктор филологических наук А. Н. Кожин).

«Среди сборников и монографий, посвященных Блоку, его творческому пути, почти нет работ, анализирующих язык, собственно мастерство Блока-поэта. Предлагаемый вниманию читателя сборник стремится в некоторой степени восполнить этот пробел», — такую задачу ставят перед собой авторы сборника в «Предисловии». В книге помещено шесть статей, в которых прослеживаются общие и частные вопросы поэтики Блока, про-

слеживаются пути превращения общезыкового слова в поэтический образ.

Личность поэта и его творчество неразрывно связаны. Известно, что сам Блок видел свое поэтическое творчество как одно произведение — «роман в стихах», где циклы — это главы, в которых отдельные стихотворения — частные эпизоды в общей цепи повествования. Эту органическую связь, объединяющую всю лирику, авторы статей сборника учитывают при анализе конкретных произведений, которые рассматривались, как «одно звено в составе целого в образной системе А. Блока» (с. 132). Подход к тексту как к целому позволяет теснее связать лингвистический анализ стихотворений с его содержательной стороной. Этот принцип исследования — от анализа содержания к анализу языка произведения — последовательно проведен в статьях «Текст и слово в поэтике А. Блока (Стихотворение «На железной дороге» как образно-речевое целое)», «„Седое утро“ А. Блока (Композиционно-стилистическая структура текста)», «Опыт лингвистического толкования стихотворения А. Блока „Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь“ (из цикла „Кармен“)» и «Виды экспрессивной тональности в стихотворных произведениях А. Блока».

Известно, что ритм — характерный признак стиха. В сложной системе ритмико-мелодической и звукообразной организации поэтического текста А. Блока значительное место занимает повтор. В статье «Лексический повтор в стихотворных текстах А. Блока»

подробно рассматриваются его различные виды — усилительный, аккордно-градационный, многоступенчатый, сквозной, замкнутый, обрамляющий, фабульный, семантический, контактный и др., в которых «находит свое выражение образный строй лирики поэта, выявляются те или иные линии в изображении сущего» (с. 88).

Те, кто хорошо знает стихи Блока, могут обратить внимание на широкое использование поэтом неопределенных местоимений, особенно в произведениях раннего периода его творчества.

Интересная проблема неопределенного обозначения субъекта в поэтической речи А. Блока на синтаксическом уровне в сопоставлении с нормами русского литературного языка XIX—XX веков рассматривается в статье «Неопределенно-субъективные предложения в русском языке и поэтике Блока».

В сборнике «Образное слово А. Блока» использован большой и разнообразный иллюстративный материал: стихи как самого Блока, так и других поэтов, которые анализируются в целях сопоставления, переписка поэта, его высказывания и другие источники.

Статьи написаны живо, доступным языком. Все это позволяет надеяться, что сборник с интересом и пользой прочитают не только специалисты, но и школьники-старшеклассники, студенты-филологи, учителя-словесники и все, кто любит поэзию Александра Блока.

М. А. ГАЛМАНОВА

К 120-летию
со дня рождения

Евфимий
Федорович
КАРСКИЙ
1861—1931

Среди выдающихся советских ученых Е. Ф. Карский занимает особое место. Он был не только основателем всех отраслей белорусской филологии, но и замечательным исследователем проблем славянского языкознания в широком смысле этого слова. В круг интересов ученого входили почти все древние и новые славянские языки, но наиболее весомый вклад он внес в научную разработку старославянского (церковнославянского), древнерусского, современного русского, старобелорусского, современного белорусского, украинского и польского языков, которым посвятил ряд оригинальных исследований, учебных пособий и большое количество статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях.

*

Евфимий Федорович Карский родился 1 января 1861 года (20 декабря 1860 года по старому стилю) в деревне Лаша Гродненского уезда (ныне Гродненского района БССР) в семье учителя. Начальное образование он получил в Ятранском народном училище Новогрудского уезда, среднее — в Минске, высшее — в Нежинском историко-филологическом институте, который успешно закончил в 1885 году и был направлен во 2-ю Виленскую гимназию учителем русского языка. С этого времени начинается его активная исследо-

вательская работа. В 1886 году в свет выходит первая книга Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи». В 1893 году он защищает магистерскую диссертацию «К истории звуков и форм белорусской речи», в 1896 году — докторскую: «Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII веках».

Более 20 лет Е. Ф. Карский непрерывно работал в Варшавском университете, являясь преподавателем русского и старославянского языков, профессором, ректором. За большие научные заслуги ученый в 1901 году избирается членом-корреспондентом, а в 1916-м — действительным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Труды Е. Ф. Карского этого периода были отмечены наградами и премиями: большой золотой медалью Русского географического общества (1894), золотой медалью имени Батюшкова Академии наук (1898), малой Ломоносовской премией Академии наук (1901) и др.

С переездом в Петроград (1916) научная, педагогическая и общественная деятельность Е. Ф. Карского становится более разнообразной: член Правления и Президиума Академии, директор Музея этнографии и антропологии, профессор Петроградского (затем Ленинградского) университета. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции Е. Ф. Карский входил в состав Правительственной комиссии по организации Белорусского университета — первого высшего учебного заведения в БССР.

Наряду с исследовательской и научно-организационной работой Е. Ф. Карский в течение многих лет редактировал различные филологические журналы и сборники, сыгравшие важную роль в развитии дореволюционной и советской филологии, в частности «Русский филологический вестник», «Известия ОРЯС» и др.

В июне 1924 года Е. Ф. Карский был делегатом I Международного съезда славянских географов и этнографов в Праге. Летом 1926 года он с научной целью посетил южнославянские страны, где его интересовали в первую очередь оригиналы древних письменных памятников. Признанием славистических заслуг Е. Ф. Карского было избрание его действительным членом Чешской академии наук (1929), а также членом и почетным членом ряда научных обществ в нашей стране.

По единодушному мнению крупнейших филологов-славистов, Е. Ф. Карский в области белорусской лингвистики сделал так много, что его справедливо следует считать начинателем подлинно научного изучения как старобелорусского, так и современного народного и литературного белорусского языка. Во многих его трудах изложена стройная концепция формирования и исторического развития белорусского языка от XIV века до новейшего периода. Ученый убедительно доказал, что к середине XVI века на основе

древних западнорусских говоров сложились важнейшие фонетические, грамматические и лексические особенности белорусского языка, получившие отражение в богатой письменности и сохранившиеся до нового времени в живых говорах.

Исследованию белорусских говоров ученый придавал исключительное значение. Он совершал многократные научные поездки по Белоруссии, записывал диалектную речь, собирал произведения устного народного творчества, сопоставлял все имеющиеся факты с данными соседних русских, украинских, польских говоров, обследовал белорусские поселения в Литве и Латвии, чтобы по возможности точно определить границы распространения белорусского языка. В результате систематизации обширных материалов, содержащихся в фольклорно-этнографических сборниках и отдельных публикациях, а также собственных наблюдений Е. Ф. Карский к 1903 году закончил составление этнографической и лингвистической карты Белоруссии и дал теоретическое обоснование установленной классификации белорусских говоров. Вместе с этим он детально разработал вопрос о формировании в XVIII — начале XX века национального белорусского языка и его закреплении в художественных и публицистических произведениях нового времени.

Общеизвестны также усилия Е. Ф. Карского по нормализации современного белорусского литературного языка. После 1917 года он опубликовал ряд работ, освещающих вопросы составления полного словаря и грамматики белорусского языка, усовершенствования его орфографической системы, дальнейшего исследования народной речи и языка старобелорусской письменности. Эта программа развития белорусистики в полной мере стала осуществляться только после Великой Отечественной войны.

При рассмотрении работ Е. Ф. Карского по белорусскому языкознанию следует иметь в виду, что до конца XIX века никому из филологов не удалось создать сколько-нибудь законченных исследований о строе белорусского языка. Исключение составлял, конечно, «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича (1870), но и он не был исчерпывающим по охвату лексики всех говоров Белоруссии. Поэтому прав был А. А. Шахматов, заметивший в статье «Русский язык» (1899), что «важнейшие исследования по белорусскому языку принадлежат профессору Е. Ф. Карскому» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона).

Среди многочисленных работ Е. Ф. Карского по белорусистике выделяется, конечно, трехтомная монография «Белорусы», получившая высокую научную оценку специалистов-языковедов. Еще в 1914 году известный украинский и русский языковед Н. К. Грунский писал: «В истории изучения белорусского наречия профессор

Карский до того крупная величина, что с его именем как-то неразрывно связывается современное вполне научное изучение этого наречия. Главная особенность трудов Карского — это их фактичность, автор является знатоком не только современного белорусского наречия, но и его памятников. Особенно ценными представляются исследования Карского „Белорусы“» (Из лекций по русскому языку).

Эту же мысль подчеркивает Б. М. Ляпунов в статье «Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского»: «В оценке ученой деятельности Евфимия Федоровича для нас особенно важно отметить главный памятник его жизни — обширный, многотомный труд „Белорусы“, равный которому по обстоятельности едва ли найдем в области изучения других славянских народов».

Всестороннее исследование белорусского языка, проведенное Е. Ф. Карским, значительно расширило лингвистическую проблематику и поставило новые задачи изучения межславянских языковых связей, так что работы ученого в данной области следует рассматривать не только в аспекте собственно белорусистики, но и вообще славяноведения. Это тем более важно подчеркнуть потому, что до опубликования капитальных трудов Е. Ф. Карского белорусский язык большинством славистов квалифицировался как наречие или поднаречие русского, украинского или польского языка.

С самого начала научной деятельности Е. Ф. Карский занимался исследованием различных вопросов русского языкознания. Ему принадлежит много ценных работ по истории русского языка: «О суффиксах в русских словах типа *теленки, Васенька, рученька, беленький*», «Русские наречия *домой, долой*», «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», «„Русская Правда“ по древнейшему списку» и др. Проблемы истории русского языка получили освещение также во многих рецензиях и библиографических статьях ученого.

Е. Ф. Карский проявлял живой интерес и к истории русского литературного языка. В его трудах мы найдем оригинальные суждения о происхождении древнерусского литературного языка и особенно о формировании национальных норм русской литературной речи в XVIII—XIX веках. Этой проблематике посвящены его работы «Главнейшие течения в русском литературном языке», «О так называемых барбаризмах в русском языке», «К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке», «Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка», «Памяти М. Ю. Лермонтова», «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка», «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка» и др. Самые разнообразные вопросы современного русского языка и рус-

ской диалектологии излагаются Е. Ф. Карским в учебных пособиях, статьях, во многих рецензиях на труды разных ученых.

Е. Ф. Карскому принадлежит большая заслуга в создании истории науки о русском языке. Его работы об И. И. Срезневском, Я. К. Гроте и А. А. Шахматове, рецензия на книгу С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России», статьи, записки об исследованиях Б. М. Ляпунова, Н. Н. Дурново, А. М. Селищева, Л. В. Щербы, Е. Ф. Будде и других ученых-лингвистов дают объективную картину развития русского языкознания в древнюю эпоху и в XVIII—XX веках, точно определяя личный вклад в эту отрасль филологии многих отечественных и зарубежных языковедов.

При освещении вопросов происхождения и развития восточнославянских языков Е. Ф. Карский наряду с проблемами русистики и белорусистики касается и проблем украинского языкознания. В научном наследии Е. Ф. Карского не менее важное место занимают труды о древнеславянском письменном языке. Его интересовали судьбы этого языка у южных и восточных славян, происхождение славянской письменности, язык малоизученных памятников, переводы старославянских текстов на другие славянские языки.

Исключительно важное значение для славяноведения (лингвистики, истории, археологии, искусства и т. д.) имеют палеографические труды Е. Ф. Карского: «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.», «Очерк славянской кирилловской палеографии», «Славянская кирилловская палеография», которые и в настоящее время представляют образец исследования истории славянской письменности (от начала ее зарождения до XVIII века включительно).

Евфимий Федорович Карский обладал редким даром исследователя-энциклопедиста, не замыкавшегося в одной какой-либо узкой отрасли филологии. Свою лингвистическую концепцию образования и исторического развития белорусского, русского и других родственных славянских языков он строил на прочном фундаменте проверенных фактов и с учетом новейших достижений науки. Создав стройное учение о белорусском языке, устном народном и литературном творчестве белорусов, он в то же время оставил яркий след в смежных областях славяноведения. Его многочисленные труды и в настоящее время сохраняют свою научную и практическую ценность.

М. Г. БУЛАХОВ

Минск

Грамматика Смотрицкого — эти два слова давно уже воспринимаются как устойчивое словосочетание. Если спросить людей, интересующихся русским языком, знают ли они о Грамматике Смотрицкого, они ответят: «Да, это книга, по которой учился Ломоносов». Всем известно также, что Грамматику Смотрицкого и Арифметику Магницкого Ломоносов назвал «вратами своей учености».

Дата рождения М. Смотрицкого точно не установлена, но большинство исследователей считают, что это 1577—1579 годы. Его имя было Максим. Отец Смотрицкого — Герасим Данилович — долгое время служил писарем, затем стал первым ректором Острожской школы. Весьма образованный для своего времени и талантливый человек, он писал поэтические и полемические произведения, переводил с греческого и латинского.

М. Смотрицкий учился сначала в Острожской школе, где имел возможность хорошо освоить церковнославянский и греческий языки, затем продолжал обучение в Виленской иезуитской академии. По окончании ее он служил домашним учителем детей князя Б. Соколомерецкого, поместье которого находилось недалеко от Минска. Вместе с сыном князя Богданом М. Смотрицкий много путешество-

вал за границу, слушал лекции в университетах Германии и Чехии, получил ученую степень доктора медицины. По возвращении Смотрицкий длительное время был домашним учителем в знатных семьях. В 1617 году он становится монахом Виленского Свято-Духовского монастыря и принимает имя Мелетий, занимается педагогической работой в киевских и виленских братских школах.

Основной лингвистический труд М. Смотрицкого — «Грамматика славенския правильное синтаagma», изданный в Евье в 1619 году. Это одно из выдающихся произведений языкознания того периода: многие годы было незаменимым пособием по старославянскому языку.

Человек образованный, хорошо владеющий церковнославянским и классическими языками, с богатым педагогическим опытом, знакомый с европейской и отечественной грамматической наукой, Мелетий Смотрицкий предназначает свою Грамматику прежде всего учителям. Об этом говорится в его предисловии, являющемся ценным документом педагогической и методической мысли XVII века. Смотрицкий подчеркивает в нем значение грамматики при обучении письму и чтению разнообразных текстов, написанных «чистым языком славенским», говорит о необходимости пополнения словарного фонда, дает учителям конкретные советы по методике преподавания.

Создавая свой труд, Смотрицкий брал за образцы в основном грамматики классических языков, но на него оказали влияние и славянские грамматики: «Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка» (1591) и «Грамматика словенска» Л. Зизания (1596). При этом Грамматика Л. Зизания для Смотрицкого представляла особый интерес, так как в ней была дана систематизация славянского языкового материала.

Смотрицкий первым в отечественном языкознании представил полный курс грамматики, изложив ее в четырех частях: I. Орфография; II. Этимология; III. Синтаксис; IV. Просодия.

В I части — «Орфографии» — Смотрицкий насчитывает 40 букв, а фактически приводит 47. Некоторые из них являются, по мнению автора, вариантами других, например: з; оу; е; ю; я; о. При этом для передачи одного и того же звука или сочетания звуков употребляются два или три знака. Смотрицкий не разделяет звуки и буквы (это было свойственно языкознанию того времени), а буквы делит на гласные и согласные. Он отмечает важную черту славянской фонетики — чередование согласных; излагает четкие правила употребления некоторых букв, а также вопросы орфоэпии.

Самая большая часть Грамматики — «Этимология», в которой рассматриваются части речи: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие. Следуя греческой традиции,

Смотрицкий описывает восемь частей речи, но в славянской системе отсутствует артикль, и его место занимает междометие.

Все части речи разделяются на «скланяемые и нескланяемые». Много внимания в Грамматике уделено «имени». Смотрицкий объединяет в этом понятии имена существительные, прилагательные, числительные, некоторые местоимения. Подробно описаны род, падеж, склонения. При этом названы семь родов: мужской (*той муж*), женский (*тая жена*), средний (*тоє дерево*), общий (*той и тая воєвода*), всякий (*юродъ, исполнь; три, чєтыри*), недоуменный (*той или тая неасыть — пеликан*), преобщий (*той орел, тая ластовица*).

Большой заслугой Смотрицкого является то, что он правильно определяет для славянского языка систему падежей и впервые у него появляется падеж «сказательный» (предложный). Новаторство Смотрицкого проявилось и в том, что он выделяет грамматическую категорию одушевленных существ и неживых предметов. У глаголов определены два вида спряжения: «начинательный» (*каменею*) и «учащательный» (*читаю*), системы залогов (действительный, страдательный, средний, отложительный, общий); категории переходности-непереходности и т. п.

III часть — «Синтаксис» — состоит из двух разделов: Синтаксис простой и Синтаксис образный. Раздел «Синтаксис простой» представляет правила согласования, управления, примыкания, учит, как «8 частей слова [предложения] сложно сочиняти и совершенно их разум объявляти», то есть как члены предложения согласуются в роде, числе, падеже, времени, лицах, наклонениях. В отечественном языкознании синтаксические вопросы получили освещение и научное обобщение именно в Грамматике Смотрицкого, они легли в основу дальнейших исследований в области синтаксиса у языковедов позднейшей поры. «Синтаксис образный» — это по существу руководство по стилистике, характеристика в первую очередь языка художественных произведений.

В IV части — «Просодии» — изложены вопросы ударения в поэтических произведениях. Однако под влиянием греческого языка в славянскую систему ударения перенесена несвойственная ей теория о месте различных типов ударения. Особого внимания заслуживают правила об употреблении надстрочных знаков и знаков препинания.

В теоретической части Мелетий Смотрицкий опирается на европейские лингвистические теории XVI—XVII веков, в частности, в определении отдельных грамматических понятий, в классификации языкового материала. Однако это не помешало ему уяснить ряд особенностей славянской грамматической системы, ее специфические черты. Весьма ценным является использование Смотрицким сравнительного описания языкового материала, причем отме-

чены не только отличия славянского языка от греческого и латинского, но и особенности живого разговорного языка. Грамматика Смотрицкого для всех славян, пользовавшихся церковнославянским языком, явилась средством культурного объединения, базой для развития грамматической мысли и языковедческой науки.

Роль Смотрицкого-просветителя, основоположника отечественного языкознания не забыта и по заслугам оценивается в наше время. В 1979 году в киевском издательстве «Наукова думка» Грамматика Смотрицкого была издана фототипическим способом.

Осенью 1979 года в городе Каменец-Подольский по инициативе Института языковедения имени А. А. Потебни АН УССР и Каменец-Подольского государственного педагогического института имени В. П. Затонского состоялся научный симпозиум «Грамматическая мысль у восточных славян в XVI—XVII вв.», посвященный 360-летию выхода в свет Грамматики Мелетия Смотрицкого и 400-летию со дня рождения ее автора. Для участия в симпозиуме, помимо многочисленных представителей Каменец-Подольского, съехались ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов.

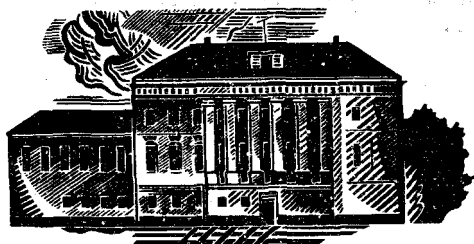
Программа симпозиума была интересной и разнообразной. В его работе активное участие приняли не только лингвисты, но и литературоведы, выступавшие с интересными сообщениями о поэтическом наследии Смотрицкого. Часть работы симпозиума проходила в поселке Смотрич (месте рождения Мелетия Смотрицкого) в помещении средней школы. Приехавшие ученые вместе с представителями общественности, жителями поселка, учителями и учащимися школы участвовали в митинге, посвященном открытию на здании школы мемориальной доски в честь знаменитого земляка смотричан.

С. Е. МОРОЗОВА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

слово *ориентироваться* восходит к латинскому *oriens* (восходящее солнце, восток; сравним русское *ориентальный* — восточный), которое в свою очередь является причастием настоящего времени от латинского глагола *oriog* (подниматься, становиться видимым, появляться, выдвигаться). Таким образом, первоначальное значение слова *ориентироваться* — «двигаться в определенном направлении». Лишь позднее оно приобрело значение — «осведомляться относительно чего-либо, помогать разобраться в чем-либо».

М. М. Маковский

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Большую и важную работу выполняет в Институте ученый совет, который является совещательным органом при директоре. Срок полномочий совета рассчитан на три года. В нынешний состав ученого совета Института русского языка АН СССР входят 24 человека: 19 докторов (в их числе один академик и четыре члена-корреспондента АН СССР) и пять кандидатов филологических наук. В совете представлены руководители всех секторов и групп. Председатель — директор Института член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин.

Одна из главных задач ученого совета — определение перспектив и направлений научно-исследовательской деятельности Института. На его заседаниях рассматриваются годовые и перспективные планы с целью их совершенствования, оцениваются результаты выполнения этих планов. Значительное место в работе совета занимает обсуждение научных докладов. Так, за последнее время заслушаны доклады: о принципах сокращения «Словаря русского языка XVIII в.»; о системной организации синтаксиса; о развитии видо-временных отношений в русском языке; о словаре новых слов и значений последних десятилетий.

На торжественном заседании совета, посвященном 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, прочитан доклад «Ленин и русское слово».

100-летию со дня смерти выдающегося русского лингвиста и лексикографа И. И. Срезневского был посвящен доклад о его жизненном и творческом пути.

Важным направлением в работе совета являются рецензирование, оценка и утверждение к печати подготовленных плановых и внеплановых научных работ. Ученому совету приходится решать разнообразные научно-организационные вопросы; утверждение тем

кандидатских и докторских диссертаций; обсуждение отчетов аспирантов, закончивших обучение; переизбрание научных сотрудников в должностях на новый срок и др.

Наряду с ученым советом при Институте создан специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук (утверждается Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР). Он осуществляет прием и защиту диссертационных работ по двум специальностям — «русский язык» и «славянские языки».

В составе специализированного совета 24 видных ученых-специалиста: восемь из них представляют другие научные учреждения и высшие учебные заведения. Председатель специализированного совета — Ф. П. Филин.

■ Новыми изданиями пополнился круг публикуемых Институтом научных трудов.

Вышел в свет 7-й выпуск «Этимологического словаря славянских языков» (редактор член-корреспондент АН СССР О. Н. Трубачев), подготавливаемого в секторе этимологии и ономастики. В этом выпуске исследовано 485 слов (*golvašь — *gyžati) праславянского лексического фонда.

Диалектную лексику на буквы *К—Л* включает очередной, 16-й выпуск (*куделя — лесной*) «Словаря русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сороколетов).

Обобщающим по своему характеру трудом является монография Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи». В книге проанализированы и осмыслены существующие взгляды на культуру речи как особую научную дисциплину, на структуру литературных норм, их развитие и функционирование. Четко ориентируясь на нужды современной речевой практики, автор рассматривает культуру языка как важнейший элемент социалистической культуры.

Издательством «Русский язык» выпущена книга Е. А. Земской «Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения». Основную задачу автор видит в том, чтобы помочь преподавателям, работающим со студентами-иностранцами. В книге показаны особенности и закономерности русской разговорной речи в области лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, фонетики, интонации. В специальной главе раскрываются также формулы русского речевого этикета (приветствие и прощание, обращение к лицам знакомым и незнакомым, употребление местоимений *ты* и *Вы* и др.).

Описанию основных понятий и категорий стилистики речи, разработке общих принципов стилистического анализа текста посвящена монография В. В. Одинцова «Стилистика текста». Автор

устанавливает место, предмет и задачи стилистики текста среди других объектов стилистического исследования (стилистика текста — стилистика речи — стилистика языка). Признавая текст как целостную структуру, в единстве его содержания и формы, основной категорией стилистики, В. В. Одинцов стремится определить главные компоненты структуры текста, наметить методику его анализа. Отдельная глава посвящена структуре художественного текста и особенностям его стилистического анализа.

К юбилею выдающегося русского поэта начала XX века А. А. Блока вышел сборник статей «Образное слово А. Блока» (ответственный редактор А. Н. Кожин; см. подробнее в этом номере «Русской речи»).

Автор монографии «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» доктор филологических наук С. И. Котков известен как организатор и руководитель сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка. По инициативе С. И. Коткова и при его авторском участии этим сектором издан ряд памятников древнерусской и старорусской письменности. Новую книгу С. И. Коткова отличают теоретическая глубина и уникальный лингвистический материал.

В книге характеризуются предмет и методы лингвистического источниковедения как особой научной дисциплины, главные направления в его развитии, круг задач, которые предстоит решать специалистам в этой области. Использование таких источников XVI—XVII веков даю возможность автору установить ряд новых для истории русского языка положений и фактов, внести поправки и уточнения в некоторые ранее существовавшие представления.

Автор глубоко убежден в необходимости ввести источниковедческий аспект в практику вузовского преподавания истории русского языка.

Очередной опубликованный том ежегодника «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978» (ответственный редактор член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов) содержит статьи, посвященные разным явлениям современных славянских языков и диалектов, их истории. Среди них преобладают работы по вопросам лексики и словообразования: о названиях жилых построек в русском языке, их истории и этнографических различиях, о группах лексики с различными словообразовательными элементами (с суффиксами именными *-енак*, *-ушко*, *-ище*, глагольным *-ну-* и т. д.) и др. В сборнике помещено несколько статей по вопросам фонетики и морфологии.

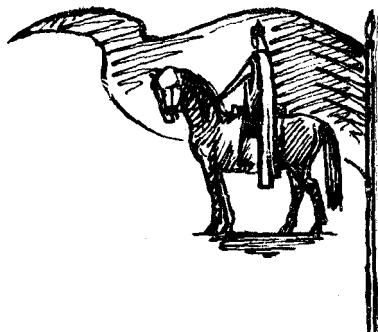
Весьма широка проблематика статей сборника «Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков» (под редакцией академика В. И. Борковского, редактор В. К. Сорокина). Ос-

новное место в сборнике занимают работы по проблемам синтаксиса простого и сложного предложений в их историческом развитии; устанавливается хронология некоторых синтаксических изменений. Открывает сборник статья В. И. Борковского, посвященная типам сложноподчиненных предложений в языке белорусских сказок. В других работах дан сопоставительный анализ различных видов синтаксических конструкций в восточнославянских языках XV—XVII веков и более раннего периода, описано функционирование определенных конструкций в этих языках. В сборнике представлены также несколько статей по морфологии, словообразованию, фонетике.

Авторским коллективом, работающим над «Словарем русского языка XVIII века», выпущен в свет сборник «Словари и словарное дело в России XVIII в.» (редакторы Л. Л. Кутина и Е. Э. Биржакова). Основные работы показывают особенности и научное значение самого важного лексикографического труда XVIII века — «Словаря Академии Российской» 1789—1794 гг. В других статьях характеризуются наиболее интересные моменты истории русской лексикографии XVIII века: трехязычный лексикон «Номенклатор» И. Ф. Копиевского, «Краткое собрание имен» Ф. П. Поликарпова, «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса, издания «Вейсманнова словаря» (источники этих словарей, их лексикографические особенности, характер слownika, возможности использования заключенных в них сведений для составляемого ныне словаря XVIII века).

Новые архивные материалы из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) представлены в книге «Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг.» (издание подготовили Н. И. Тарабасова и В. Г. Демьянов, под редакцией С. И. Коткова). Это третья публикация «вестей» — рукописных материалов, которые предшествовали появлению в России печатных газет (в 1972 году издательство «Наука» выпустило том, включающий материалы 1600—1639 гг.; в 1976 г. — материалы 1642—1644 гг.). Вести-Куранты — это ценнейший источник по истории русского литературного языка XVII века, начального этапа становления литературного языка и культуры русской нации.

В новый том входят 65 основных текстов и 15 черновых (расположены в хронологической последовательности). Публикуемые тексты представляют собой переводы, выполнявшиеся в Москве при Посольском приказе; это известия о политических и военных событиях в Европе, о связях между разными странами, тексты мирных договоров, речи политических деятелей, записки иностранных купцов, сообщения об исключительных явлениях природы, целебных водах и др. Составители сделали тщательный отбор и анализ текстов.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Летописные сказания о княгине Ольге

Древнейший дошедший до нас памятник летописания «Повесть временных лет» сохранил в своем составе произведения, которые создавались на заре русской письменности. К ним относятся летописные сказания о княгине Ольге, представленные несколькими текстами: «Сказание о мести Ольги древлянам» (945 г.), «Сказание о покорении древлянской земли» (946 г.), «Повесть о путешествии Ольги в Царьград» (955 г.) и «Повесть о смерти Ольги» (969 г.).

В основе своей эти произведения были созданы в период язычества, возможно, еще при жизни княгини или вскоре после ее смерти. Возникли они как устные сказания, предания, легенды, в которых отразился интерес современников к незаурядной личности первой русской княгини-христианки. Подобные произведения устного народного творчества только тогда могли передаваться из поколения в поколение и сохраниться в памяти людей, когда рассказывали о событиях исключительных, поражающих внимание слушателей своей необычностью и значимостью. Именно к таким сказаниям относятся произведения о княгине Ольге. Слушателей восхищали мужество Ольги, ее находчивость, ум. Бытовавшие в устной традиции, эти произведения были записаны и обработаны книжниками в соответствии с теми идеями и задачами, которые выполняло летописание в период формирования раннефеодального государства.

На фольклорную основу произведений о княгине Ольге указывают не только их художественно-стилистическая сторона, но и сами идеи. Княгиня прославляется за те добродетели, которые почитаются не в христианском, а в языческом обществе. Родовая кровная месть за смерть близких считалась в то время священной обязанностью, а хитрость — качеством, достойным восхищения и прославления.

Наиболее последовательно фольклорная основа проявляется в «Сказании о мести Ольги». Об этом свидетельствует трехчастная композиция произведения, три мести. Каждый из эпизодов достаточно самостоятелен, имеет свою завязку, кульминацию и развязку.

Убив князя Игоря, древляне посылают лучших мужей своих к Ольге сообщить о его смерти и передать предложение выйти замуж за их князя Мала: «И послаша деревляне лучшии мужи, числом 20, в лодыи к Ользе». Это завязка. Мудрая, твердая и непреклонная княгиня выслушала послов и сказала: «Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити (не воскресить); но хочу вы почтити наутрия (утром) пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодыи величающесея, и аз утро пошлю по вы, вы же рыцете (говорите): не едем на конех, ни пеши идем, но понесете пы в лодье; и вознесутъ вы в лодыи». Послы принимают предложение Ольги. Это кульминация в развитии сюжета. Когда же утром посланные от княгини явились к древлянам и, оказывая им великую честь, понесли гостей на княжеский двор прямо в лодках, Ольга приказала сбросить их вместе с лодками в яму. «Припикъши Ольга (припикнув к яме) и рече им: „Добра ли вы честь?“ Они же реша: „Пуще ны Игоревы смерти“. И повеле засыпати я живы, и посыпаша я». Такова развязка первой мести.

Легко заметить, что содержание фольклорного сказания о мести Ольги составляют загадки, которые древляне не могут отгадать. Эти загадки построены на ассоциации свадебного и похоронного обрядов: в лодках не только торжественно посели почетных гостей, сватов, но и покойников. Предложение древлянским сватам помыться в бане — не только дань глубокого уважения и гостеприимства, но и символ похоронного обряда. Наконец, тризна, которую пришла совершить Ольга по убитому Игорю, на самом деле оказывается тризной по убитым древлянам.

С фольклором роднит сказание и сам принцип изображения героев. Русская княгиня и древлянские послы изображаются гиперболически и тенденциозно. Составитель сказания идеализирует и гиперболизирует мудрость, хитрость, верность и непреклонность русской женщины. Напротив, древляне представлены здесь высокомерными, глупыми, чванливыми и недальновидными.

На народно-поэтическую основу сказания указывает и диалогическая манера повествования. Все произведение представляет собой развернутый диалог княгини с древлянскими послами. «И поведаша Ользе, яко деревляне придоша, и возва я Ольга к собе и рече им: „Добри госте придоша“. И реша деревляне: „Придохом, княгине“. И рече им Ольга: „Да глаголите, что ради придосте семо?“. Реша же деревляне: „Посла ны Дерьвьска земля“».

В «Сказании о мести Ольги» есть интересный эпизод, указывающий на фольклорное происхождение произведения. Сообщая о прибытии древлянских послов, летописец много внимания уделяет таким подробностям и деталям, которые в дальнейшем повествовании не играют существенной роли. «И послаша деревляне лучшие мужи, и присташа под Боричевым в лоды. Бе бо тогда вода текущи въздоле (возле) горы Киевския, и на подольи не сядяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь баше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин». Летописец объясняет своему современнику, что древлянские лоды пристают под Боричевым, так как вода тогда текла возле Киевской горы, что люди в то время жили не на подоле, а на горе; разъясняет читателю, где в то время был Киев и княжеский двор. Такое детальнейшее повествование летописца, безусловно, указывает на историческую дистанцию, на след устного предания. Используя его в своем рассказе, летописец как бы заранее предупреждает возможные сомнения и недоумения своих современников в истинности рассказываемого.

В «Повести временных лет» под 946 годом помещено еще одно сказание о мести Ольги. Оно тоже фольклорного происхождения и тематически связано с предыдущим. Здесь также прославляются хитрость, мудрость и настойчивость княгини, разбившей древлянское войско и целое лето державшей осаду города Искоростеня. Центральный эпизод сказания — взятие Искоростеня — иллюстрирует хитрость Ольги, гиперболизирует ее силу, находчивость и решительность.

Сказание 946 года испытало на себе влияние книжной традиции. Это особенно заметно во вступлении и заключении, которые добавлены самим летописцем, чтобы придать произведению законченность и целостность. Во вступлении отчетливо ощущается влияние воинской повести. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Дерьвьску землю. И изыдоша деревляне противу. И сънемъшемася [сошлись] обема полкома на скупь [для схватки], суну копьем Святослав на деревляны, и копье лете сквозе уши коневу, и удари в ноги коневу, бе бо детеск [ибо был еще ребенок]. И рече Свенелд и Асмолд: „Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе“. И победиша деревляны. Деревляне

же побегоша и затворишася в градах своих». Заключение сказания также выдержано в традициях, характерных для финала воинских повестей.

«Повесть о путешествии Ольги в Царьград» (955) по своему составу — сложное произведение. Рассказ о крещении княгини в Царьграде скорее всего восходит к какому-то письменному источнику, возможно, к недошедшей до нас повести о ее крещении. Эпизоды же, связанные со сватовством византийского императора — фольклорного происхождения и восходят к циклу легенд и преданий о мудрой княгине. Оба эти рассказа составляют первую часть повести о путешествии в Царьград и отличаются единством стиля, простотой и лаконичностью повествования. Главное внимание составитель обращает на мудрость княгини, связывая с этим факт крещения Ольги. Уразумев подлинный смысл слов и побуждений императора Константина Порфирогенита, пораженного ее умом и красотой, княгиня кротко отвечала: «Аз погана есмь [язычница], да аще мя хощещи крестити, то крести мя сам; аще ли то не крещюся». Когда же после крещения император пригласил Ольгу и сообщил, что хочет взять ее в жены, княгиня резонно возразила: «Како хочещи мя пояти [взять в жены], крестив мя сам и нарек мя дщерею? А в хрестеянех того несть закона, а ты сам веси». И понял император, что перехитрила его Ольга. Он дал ей богатые дары и с честью отпустил домой, назвав своей дочерью.

По всей вероятности, первоначально этим и заканчивалась повесть о путешествии Ольги в Царьград. В дальнейшем, скорее всего в 40-х годах XI века, когда по инициативе Ярослава Мудрого составлялась «Древнейшая русская летопись», повесть пополнилась новым материалом. Ярослав принял деятельное участие в подготовке канонизации первых русских святых: Ольги, мучеников-варягов, Владимира, Бориса и Глеба. Сам акт канонизации должен был свидетельствовать о самостоятельности русской церкви и ее независимости от византийской. Составители «Древнейшей русской летописи» пользовались богатым и разнообразным материалом: многочисленными устно-поэтическими преданиями, византийскими хрониками и отдельными записями об исторических событиях, выступали выразителями общегосударственных интересов и патристических настроений. Они героизировали образы первых русских князей, прославляли их мужество и находчивость при защите Русской земли от внешних врагов. Видимо, в момент составления «Древнейшей русской летописи» к рассказу о крещении Ольги было прибавлено поучение, написанное иным стилем, изобилующим цитатами и сравнениями из священного писания. Автор говорит о божественной премудрости княгини, прибегая к авторитетным сравнениям из библейской истории. Так, например, сравнива-

ет ее с «царицей эфиопьской», которая искала мудрости у Соломона, так и «блаженная Ольга искаше доброе мудрости божья» и нашла ее в христианской религии.

Итак, летописный текст 955 года составлялся в разное время и не является единым в жанровом отношении. Первая его часть — повесть о путешествии в Царьград и крещении Ольги — восходит к недошедшей до нас повести о крещении княгини и связана с народными легендами и преданиями о ее мудрости и находчивости. Вторая часть — произведение книжное, составленное позднее на основе первой части.

Летописный текст 969 года также неоднороден по своему составу. Первая его часть — повесть о смерти Ольги — отличается простотой стиля и лаконичностью повествования. «По трех днех умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци ея, и людье вси плачем великом, и несоша и погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвитер, сей похорони блаженую Ольгу».

Вторая же часть летописной статьи представляет собой обширную похвалу княгине, написанную торжественно-риторическим слогом и содержащую характерные для жанра похвалы-сравнения и библейские цитаты. Возможно, что эта похвала была включена в летописный текст составителями «Древнейшей русской летописи», прославлявшими мудрость русской княгини — основоположницы христианства на Руси. «Си бысть предътекущая крестьянстей земли, аки деньница пред солнцем и аки зоря пред светом. Си бо сияше аки луна в нощи... Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят руские сынове аки началницу: ибо по смерти моляше бога за Русь».

Похвала Ольге — это прославление великого подвига княгини, чья жизнь, деяния, забота о Русской земле — наглядный урок современникам. И по смерти своей она молит и просит бога за Русскую землю.

Таким образом, летописные сказания о княгине Ольге относятся к начальному этапу русской письменности. Возникшие в народной среде, они бытовали в устной традиции, а в 40-х годах XI века были записаны, часть из них обработана летописцами и включена в состав «Древнейшей русской летописи». Рассказ о путешествии Ольги в Царьград был дополнен поучением книжного характера, а повесть о смерти — риторической похвалой.

В. А. ГРИХИН

Рисунок В. Комарова

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА XIV ВЕКА

ервые попытки обозначения на письме ударения постановкой точки над буквами ударных гласных или небольшим пробелом после них наблюдаются уже в древнерусских рукописях XI века (см.: В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972, с. 6). Однако регулярное обозначение словесного ударения надстрочными знаками в славянской письменности устанавливается значительно позднее. У болгар

самым древним акцентуированным памятником считается Терновская надпись царя Асеня Второго 1230 года (О. Неделькович. Знаки ударения в сербских доресавских рукописях.— «Славия», XXXVI, 1967, 4, с. 28).

Старшими древнерусскими акцентуированными памятниками являются русские записи из собрания греческих рукописей Вещской Национальной библиотеки и Чудовский «Новый Завет» 1355 года («Новый завет» — часть библии). Изредка акцентные знаки встречаются и в других древнерусских рукописях конца XIV века.

Перевод «Нового Завета» с древнегреческого языка на древнерусский был сделан в Константинополе русскими книжниками по

заказу временно находившегося там Московского митрополита Алексия. Переводчики использовали при этом древнегреческий словарь, часть которого они перевели на древнерусский язык. Так появились русские записи в *греческом манускрипте* XI века (*манускрипты* — древние рукописные книги на папирусе, пергаменте или бумаге. Термин *манускрипт* не применяется к русским рукописям). Рукопись, содержащая древнерусский текст «Нового Завета», была привезена митрополитом Алексием в Москву. Вплоть до 1917 года она хранилась в московском Чудовом монастыре (отсюда ее название). Местонахождение памятника в настоящее время неизвестно. Исследование проводилось по фототипическому (отпечатанному при помощи фотографии) изданию Чудовской рукописи, выполненному в 1892 году. Греческий манускрипт с русскими записями поступил в Венскую Национальную библиотеку из Константинополя в XVI веке. Четвероевангелие Никона Радонежского и рукопись из собрания Ф. А. Толстого хотя и не являются копиями евангельского текста Чудовского кодекса, но списаны с этого памятника. Вполне естественно предположить, что акцентные знаки в тетраевангелиях появились под влиянием Чудовской рукописи.

Главная особенность школы письма, в которой прошли выучку писцы Чудовского кодекса, состоит в том, что здесь впервые в русской письменности для обозначения словесного ударения были применены надстрочные знаки *оксия* *á*, *вария* *à* и *камора* *â*. В употреблении их нельзя установить строгой последовательности. *Оксия* чаще ставится над буквами ударных гласных в середине слова, *вария* — в конце слова. *Камора* чаще встречается над буквами *оу*, *у* в конце слов (наряду с оксией и варией), но этот знак нередко ставится и над буквами *а*, *и*, *е*, *ю*, *я* в середине и в конце слов.

Такая непоследовательность в употреблении акцентных знаков в первых русских акцентуированных памятниках объясняется тем, что древнерусские переводчики «Нового Завета» использовали для обозначения словесного ударения в русском тексте акцентные знаки, применявшиеся в древнегреческой письменности. В древнегреческом языке различалось *острое ударение*, которое передавалось на письме знаком *акута* *á*, *тупое*, обозначавшееся посредством *грависа* *à*, и *облеченное*, для которого употреблялся знак *циркумфлекса* *ô*. Греческие акцентные знаки *акут*, *гравис* и *циркумфлекс*, переделанный в *камору*, были механически перенесены в русскую письменность. Поскольку в древнерусском языке не было различий в ударении, свойственных древнегреческому, русские книжники не могли выработать твердых правил в употреблении акцентных знаков *оксии*, *варии* и *каморы* и потому нередко ставили один знак вместо другого.

Появление первых древнерусских акцентуированных памятников в Константинополе не является простой случайностью, так как в столице Византии издавна существовали школы русского письма, хорошо осведомленные в правилах акцентуации текста в греческой письменности. Кроме того необходимость обозначения словесного ударения на письме особенно остро ощущалась теми древнерусскими книжниками, которые постоянно жили в иноязычном окружении. В этом, на наш взгляд, заключается ответ на вопрос, почему применение знаков ударения для русского письма впервые было осуществлено за пределами древней Руси. Этим объясняется и тот факт, что разработанная в Константинополе система акцентных знаков не сразу прижилась в русской письменности. Примечательно, что даже в памятниках, переписанных в Москве в конце XIV века с Чудовского завета, наблюдаются лишь отдельные случаи обозначения акцента.

При тщательном изучении древнерусских акцентуированных рукописей XIV века удалось выявить около пяти тысяч слов и словоформ с обозначенным ударением. Это открывает возможность создания на документальной основе Словаря ударений древнерусского языка. Основу «Акцентологического словаря» составили материалы, извлеченные из Чудовского кодекса. Лексический материал Чудовского «Нового Завета» разнообразен по составу и значителен по объему. Русские записи в Венском манускрипте дополняют эти материалы бытовой лексикой. В тетраевангелиях содержатся ценные данные об ударении в собственных именах, бытовавших на Руси в XIV веке.

«Акцентологический словарь древнерусского языка» во многих отношениях отличается от справочников по русскому ударению и прежде всего тем, что в нем словарная статья, кроме начальной формы — именительный падеж единственного числа для склоняемых слов, инфинитив для глаголов — содержит все словоформы с обозначенным ударением.

Если начальная форма слова с обозначенным ударением в названных памятниках не встретилась, для удобства пользования Словарем, она приводится в начале словарной статьи без обозначения акцента. После заглавного слова ставится двоеточие, а затем даются материалы из рукописей, например — *Блюдо: блѣду* (существительное среднего рода единственного числа дательного падежа); *на блѣдѣ* (местный падеж).

В древнерусских акцентуированных памятниках XIV века широко отражается перенос ударения со знаменательных слов на слу-

жебные — предлоги, союзы, частицы: *имъ зѣ руку отроковицю; грядѣмъ и мы с тобою; вы бѣ*. Эти и другие примеры подобного рода включаются в статью знаменательного слова, следующего за подударным предлогом или союзом, или слова, предшествующего частице. Первый пример дается в статье существительного *рука*, второй — местоимения *мы*, третий — местоимения *вы*.

В тех случаях, когда акцентуированное слово встречается в составе фразеологических выражений, оно вводится в словарную статью вместе с фразеологизмом: *мѣр дому селѣ*.

При цитировании источников сохраняются особенности графики и орфографии древнерусских рукописей. Каждое слово и словоформа сопровождается грамматической характеристикой и указанием названия памятника, номеров листов и столбцов, из которых они выписаны.

Круг источников, на основе которых составлен «Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века», ограничен четырьмя названными памятниками. Это обусловлено тем, что других древнерусских акцентуированных рукописей XIV века до сих пор не выявлено. Объединение материалов, извлеченных из памятников XIV века, с материалами русских акцентуированных рукописей XV—XVI веков привело бы к размыванию хронологических границ Словаря, так как в поздних памятниках отражается и более поздний этап развития русского ударения, в то время как Чудовский кодекс и русские записи в Венском манускрипте отражают систему ударений древнерусского языка в том виде, в каком она сложилась в начальный период ее развития на восточнославянской почве. В «Акцентологическом словаре» представлена акцентная система древнерусского языка до его распада на три восточнославянских языка, поэтому он имеет одинаково важное значение для исследований по истории русской, украинской и белорусской акцентологии.

Материалы «Акцентологического словаря древнерусского языка XIV века» на буквы *А — Г* опубликованы в сборнике «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов». М., 1975, с. 263—320; материалы на буквы *Д — И* — в сборнике «Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика». М., 1977, с. 302—391. Остальная часть Словаря будет напечатана в очередных сборниках «Славянское и балканское языкознание».

В. Е. УШАКОВ

Рисунок В. Леонова

Окончание. См.: 1980, №№ 4, 5

МЕЧА

Пограничной рекой была *Меча*, правый приток Дона ниже Непрядвы. За Мечей начиналось уже поле Куликово, куда с опаской вступали татары. «И притькоша сърые волцы от усть Дону и Непра и ставши воють на рекѣ, хотят на Мъчи поступити в Рускую землю» — так образно повествует «Задонщина» об изготовившихся к нападению врагах. До Мечи преследовали русские разгромленных татар, выгнав их за пределы Куликова поля. Роль естественного рубежа выполняла эта речка и в XV — первой половине XVI века. В устье Мечи, у большого камня — Каменного Коня, была пристань, где «клялися въ судно» русские купцы и плыли в Дон и дальше к Азову. Однако к 1558 году Меча, по-видимому, утрачивает значение пограничной речки — сохранились сведения, что в это время она уже находилась «за 2 днища до украины», то есть окраины русских земель.

Этимология названия *Меча* интересовала многих. Его связывали и с *мечом*, который якобы обронил Мамай в реку (типичная топонимическая легенда), и с глаголом *метать* (река мечется благодаря быстрому течению). Последнее объяснение в начале нашего века выдвинул Д. Б. Оболенский. Были попытки объяснить его и на основе удмуртского *мечь* «крутой, обрывистый» (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966). С этой точкой зрения соглашается В. Прохоров в заметке «Красивая Меча», опубликованной в «Литературной России» 17 декабря 1976 года. К мнению А. И. Соболевского, что гидроним произошел от слова *мечка* «медведица», скептически отнесся М. Фасмер. О связи *мечки* с *Мечей* писал и П. Я. Черных, ссылаясь также на нигде не засвидетельствованную форму *меча* в значении «медведица».

По происхождению Меча — субстантивированное прилагательное (меча — «медвежья»), относившееся к утраченному слову *река* (*Меча рѣка* > *Меча*). В южнославянских языках и в балканской топонимии эту форму можно встретить и сейчас. Интересно, что среди притоков Красивой Мечи, в районе города Ефремова, в прошлом веке была и речка *Медвежий Овраг*, название которой уже прямо, без расшифровки указывает на медведей, бывших обитателей здешних мест. Известно, что на Дону, в частности, в лесах по реке Медведице, медведи были нередки даже в конце XVIII века. Водились они и в Шишовом лесу, расположенном на водоразделе между притоками Дона, Битюга и Осереды. Медведей на верхнем Дону в 1389 году часто встречали и спутники митрополита Пимена, о чем красочно повествует Игнатий Смолянин: «Бяше бо пустыня зѣло, не бѣ бо видѣти ни села, ни челоувѣка, токмо звѣри, лоси же и мѣдведи и прочая звѣря» (Православный Палестинский сборник. СПб., 1887).

Донская Меча имеет своих «двойников» и на Оке. По данным каталога рек бассейна Оки Г. П. Смолицкой, в среднем правобережном Поочье (т. е. в районе, близком к верхнему Дону) имеются две реки с названием *Меча*. Примечательно, что почти рядом с одной из них (в бассейне Вожи) отмечены и другие гидронимы — *Медвежий* и *Другой Медвежий* (Гидронимия бассейна Оки. М., 1976). Перед нами один из многочисленных примеров перехода топонимического прилагательного в разряд существительных (субстантивации прилагательных). «Можно сказать,— писал по этому поводу В. А. Никонов,— что топонимия — огромный котед, в котором масса ми и буквально на глазах субстантивируются прилагательные» (Введение в топонимику. М., 1965).

На Дону довольно много «медвежьих» рек, и встречаются они на всем его протяжении — от верховьев до безлесных маньчских степей, где имеются тюркские и калмыцкие названия балок в форме прилагательных — *Аюла* (*Юла*) и *Аюта* (первая — в бассейне Маныча, вторая — Тузлова), от тюркского *аю* — «медведь». Установлено, что в начале прошлого столетия медведи жили и в лесах у Ставрополя. Один из крупнейших левых притоков Дона носит имя *Медведица*. Конечно, наивно думать, что в его названии отразилось соответствующее нарицательное существительное. Этот гидроним не имел такого слова-предшественника и сразу сложился как собственное имя, расчленившись на основу *Медвед-* и суффикс *-ица*, который в восточнославянской топонимии издавна выполнял функцию «обозначения особенностей местности, преимущественно связанных с водой», и, кроме *Медведицы*, содержится в таких топонимах, как *Волчица*, *Лисица*, *Рыбица* и т. д.

В летописях и в повестях Куликовского цикла гидроним *Меча* употребляется еще без определения, но в «Книге Большому чертежу» уже зафиксирован составной топоним — *Быстрая Меча* (наряду с *Меча*). В материалах XIX века появляется название *Красивая Меча*, ставшее широко известным благодаря «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Наряду с ним встречаются и *Красивая Мечь* и даже *Красивый Меч*.

Вполне вероятно, что определение *красивая* река получила не за живописность своих берегов, а позаимствовала его из названия какого-то одного из населенных пунктов, расположенных на пей. Дело в том, что такого рода оценочные имена более характерны для населенных мест, чем для рек. В конце 50-х годов прошлого века «красивых» поселений на Мече было несколько: сельцо *Красивая* (Пугасовка), деревня *Красивая*, еще одна *Красивая* деревня (Селиверстово, Сельвестрово), село *Красивое* (Ушаково) и дача Красиво-Петровская (Списки населенных пунктов Российской империи. Вып. XLIV. Тульск. губ. СПб., 1862).

В профессиональной речи рабочих металлургических заводов в прошлом веке бытовало слово *меча*. Означало оно «желтый глинистый известняк (мергель), весьма рыхлый», который шел «во флюс при доменной плавке» (Записки С.-Петербургского минералогического общества. Вторая серия. Часть первая, СПб., 1866). Возникло оно, вероятно, благодаря переходу собственного имени *Меча* в нарицательное. На склонах долины Красивой Мечи еще в начале нашего века почти повсюду для различных хозяйственных нужд производилась выемка известняка. Этот известняк по своим качествам мог совпадать с тем, который употреблялся при плавке чугуна. Перед нами та же разновидность перехода собственных имен в нарицательные, что и в случаях Бахмутка — левый приток Северного Донца > *бахмутка* — соль, добывавшаяся на берегах этой реки; Амур — река на Дальнем Востоке > *амур* — рыба, живущая в этой реке и т. д.

ЧУР МИХАЙЛОВ — ЧУРЫ МИХАЙЛОВЫ

«На рѣцѣ па Чурѣ Михайловѣ» поставил накануне битвы Дмитрий Донской свой дозор... В ряде летописных текстов этот гидроним представлен уже в измененном виде. Например, в Кириллобелозерском списке Вологодско-Пермской летописи: «на рецѣ на Чюди на Михайлово», в Чертковском списке этой же летописи — «на Чюдо Михайлово» и т. д.

Этот гидроним упоминается и в тексте «Хождения» митрополита Пимена (или Игнатия Смолянина), но только в форме множественного числа. Но здесь это название урочища. Возможно, так же именовалось когда-то и поселение, о котором говорится тут же:

«И въ второй день прїидохомъ до *Чюръ Михайловыхъ*; сиде бо тамо нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ бѣше» (Патриаршья, или Никоновская, летопись). Форма множественного числа, скорее всего, вторичного происхождения: названия населенных мест, в основе которых лежат гидронимы, нередко отличаются от последних только окончанием множественного числа, которое в данном случае выступает как особое топонимобразующее средство.

Чур Михайлов или *Чуры Михайловы* находились где-то в верховье Дона, где он в XIV веке уже был судоходным. Об этом можно судить по тому, что именно здесь митрополит Пимен и его спутники продолжали свое путешествие в Царьград (1389) по Дону: «...вълѣзше въ суды и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ». До тех пор же они целых два дня, спустив свои суда на воду, тащили их волоком: «в четвертокъ же спустиша суды на реку на Донъ, и в 2 день прїидохомъ (пришли) до *Чюр Михайловыхъ*. И только «в второй... день рѣчнаго плаванія» путешественники миновали реки Мечу и Быструю Сосну (Хождение Игнатия Смолянина 1389—1405 гг.). Следовательно, река и урочище *Чуры Михайловы* находились недалеко от Непрядвы.

Вполне убедительная этимология гидронима *Чур Михайлов* принадлежит К. В. Кудряшову, который возводил его к старинному слову *чур* — «рубезж», полагая, что *Чуры Михайловы* обозначали «южную границу владений князя Михаила Пронского» (Половецкая степь. М., 1948). Сравним еще фразеологический оборот *не знать чуру*, то есть «не знать меры, границы, предела», бытующий в речи донских казаков (Словарь русских донских говоров. Ростов, 1976), а также выражение-запрет — *чур меня!*

Зависимость названия *Чур(ы) Михайлов(ы)* от антропонима *Чур(а)* маловероятна. Он содержится в именах послов казанского хана к Ивану IV в 1539 и 1546 годах — *Чура Кадыев* и *Чура Нарынов*, а также в гидрониме *Чуров Яр*, принадлежащем бассейну Миуса, впадающего в Азовское море.

К. В. Кудряшов отождествлял Чуры Михайловы с рекой *Кочур*, впадающей в Дон выше города Данкова, то есть значительно ниже устья Непрядвы. Вполне возможно, что так назывался левый приток Дона — река *Гранка*, название которой связано с русским диалектным словом *грань* — «граница земельных участков, межа», «пограничная, межевая заметка» (Словарь русских народных говоров. Л., 1972). До этой речки в верховье Дона, медленно идя по берегу, почти два дня волокли свои суда спутники Пимена, а отсюда за такое же время они доплыли по полноводному донскому руслу до самой Мечи. Трудно представить, что расстояние до реки Кочур, впадающей в Дон значительно ниже Непрядвы, путешест-

венники смогли преодолеть пешком за такое же время, как и до Мечи. Кроме того, в пользу отождествления *Чура Михайлова* и *Гранки* говорит и полное совпадение исконных значений этих названий.

С пограничной рекой *Чур Михайлов* в восточнославянской гидронимии связан по смыслу целый ряд аналогичных имен. Это река *Крома*, левый приток Оки в ее верховье. Она тоже «находилась на самой южной окраине русского государства», у самого Поля, и «была своеобразной границей, на которой еще до постройки города Кромы (сейчас это поселок в Орловской области РСФСР) было городище, и на это городище регулярно высылались «сторожи» — наряды сторожевой службы из Карачева и из Орла» (Г. Смолицкая. Кромы. — «Советская Россия», 15 февраля 1979). На основе составного топонима *Крома Торская* или *Крома Торова* на реке Казенный Торец (бывший Тор или Большой Тор, левый приток Северного Донца) возник населенный пункт *Кроматоровка*, а затем и город *Краматорск* (Книга о Донбассе. Донецк, 1977). Сравните еще название реки *Межа* в бывшем Бельском уезде Смоленской губернии (на ней — деревня *Межа*, она же Перевоз).

Таким образом, *Чур Михайлов*, на котором стояли дозорные Дмитрия Донского, представлял собой одну из таких «межевых» или «пограничных» речек на русских (рязанских) левобережных землях верхнего Дона.

Е. С. ОТИН

Донецк

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В. Т. Смирнов из Калуги пишет: «В газете „Труд“ (4 марта 1980) прочитал, что в Москве в подвале старинного дома в Столешниковом переулке закатывается строительство кофейни „Столешники“, которая будет напоминать трактир старой Москвы. *Кофейня* — это устаревшее слово. Теперь вместо него для называния предприятия общественного питания используют слово *кафе*. Приятно, что вспомнили старое слово, не хочется, чтобы подобные слова совсем исчезали. К сожалению, не знаю, что кроется за названиями *Столешников* переулок, „Столешники“».

Столешников переулок получил наименование от урочища *Столешники*, где в XVII веке между улицами Б. Дмитровкой (ныне Пушкинская улица) и Петровкой жили ткачи, изготавливавшие *столешники* — скатерти для царского двора.

Продолжаем историко-топонимическое путешествие по Золотому кольцу России. На этот раз нам предстоит знакомство с древним русским городом Переславлем-Залесским.

Но рассказ хочется начать не с самого Переславля, а с Переяславской ямской слободы. Сейчас это — небольшое село Ям, лежащее в стороне от нынешнего Ярославского шоссе. Ямская слобода появилась здесь еще в XV веке и имела непосредственное отношение к той самой дороге, по которой мы совершаем путешествие (кстати говоря, село Ям оказалось в стороне от шоссе потому, что в XVIII веке Северную дорогу замостили камнем и при этом в ряде мест спрямили). Слово *ям* «почтовая станция, селение, жители которого занимаются ямским промыслом», как известно, тюркского происхождения. Попало оно в русский язык из татарского — как и многие другие слова, например *буран*, *башмак*, *чёбот*, *вьюк* и др. Дорожные станции — ямы — были учреждены на всех дорогах Рос-

сии еще при Иване IV. Дорожная служба находилась в ведении специального Ямского приказа. Скорость передвижения по русским дорогам достигала 200 километров в сутки.

Почему мы вспомнили о ямской службе? Да потому, что наш маршрут — «Золотое кольцо России» — весьма наглядный пример того, как были расположены «ямы», как на Руси была организована дорожная служба. Нормой пробега лошади считалось расстояние в 60—70 километров. Теперь взглянем на карту. От Москвы до Загорска — 70 километров, от Загорска до Переславля-Залесского — 70, от Переславля до Ростова — 64, от Ростова до Ярославля — 64, от Ярославля до Костромы — 70. Нечто подобное можно наблюдать и на других старинных дорогах Залесья.

Залесье, Залесская земля — это географическое название, относящееся к обширной территории. Исследователи спорят о времени его возникновения. Одни относят это наименование к XII веку, другие к XIV.

В «Задонщине» (начало XV века) Дмитрий Донской так говорит Князю Владимиру: «Пойдем во свою Залесскую землю к славному граду Москве...». *Залесьем* именовалось все то, что находилось за лесом по отношению к Киевской Руси. По лесу проходила и некогда условная граница Северной Руси, которая в то время еще не получила прозвания земли *Московской*. Она именовалась *Залесской землей, землей Ростово-Суздальской, Суздальской*, а впоследствии — и *Владимиристо-Суздальской*. Долгое время эта территория считалась в Киевской Руси своего рода высылками. Ими наделялись те князья, кому па юге доставалось недостаточно большое княжество, а также самые младшие князья.

На современной карте и в учебнике географии мы уже не найдем топонима *Залесье*. Он исчез. Но память о Залесской земле хранится поныне не только в летописях и древних актах. Живым свидетельством давно ушедших времен стало название города Переславля-Залесского.

Лингво-историческая биография этого города весьма богата. Местность вокруг Плещеева озера (это его современное название) была заселена еще в глубокой древности. Жили здесь финноязычные мерянские племена. Они оставили после себя много названий рек, урочищ и даже населенных пунктов: *Брембола, Вельково, Слуда, Мось, Кипса* и др. О мерянских племенах в районе *Клещина озера* (такое название озеро тогда носило) упоминает Лаврентьевская летопись: «...а на Ростовскомъ озеръ мря, а на Клещинъ озеръ мря же». Наименование *Клещино* озеро получило явно по древнему городу *Клещину*, располагавшемуся на его восточном берегу.

Следы этого некогда сильно укрепленного поселения видны и сейчас рядом с современной деревней Городище. Кстати говоря, не

только сохранившиеся валы и культурный слой напоминают об исчезнувшем городе Клецине. На это указывает и название *Городище*. Откроем «Словарь русского языка XI—XVII вв.»; «Городище — 1. Укрепленное поселение, городок... 2. Городище (с остатками города, крепости)». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «Городище — остатки развалин города, селения или укрепления...». Между прочим, процитированная строка из летописи является подтверждением тому, что озеро было названо по городу Клецину. Ведь другое упоминаемое озеро тоже названо определительным именем — *Ростовское*, хотя настоящее (и древнее) его название — *Неро*. Кстати говоря, после основания Переяславля (*Переславль* — позднее наименование) озеро Клецино начало носить еще одно название имению по городу — *Переяславское* (*Переславское*). Его порой употребляют и в наши дни.

Названия *Клецино озеро* и *город Клецин* привлекали уже к себе внимание исследователей. Думается, ошибается те, кто считает, что древнее первое название и что оно несет в себе какую-то характеристику озера. В частности, опытный историк-краевед М. И. Смирнов, ссылаясь на Толковый словарь В. И. Даля, в котором зафиксированы слова искосских и курских говоров *плёска́ть*, *плеск* (хлопать, плескаться; звук от хлопанья в ладоши), считал, что наименование *Клецино* можно связать со словом *плескать* (М. И. Смирнов. Переяславль-Залесский. Его прошлое и настоящее). Видимо, озеро все-таки получило свое название по городку *Клецину*.

Откуда же возникло название населенного пункта *Клецин*? Как и во многих других случаях, в основу его могло лечь имя какого-нибудь основателя городка — Клеца или Клецини. Населенный пункт мог получить свое наименование и каким-либо другим путем. К примеру, от неизвестного ныне нам местного географического термина, который характеризовал рельеф местности, природу края или какие-то особенности озера, на берегу которого возник город.

А как же быть с современным названием озера *Плещеево*? Не связано ли оно с глаголом *плескать* или существительным *плеск*? Ведь была известна еще одна форма названия озера — *Плещее*. Разгадка, видимо, кроется в том, что на Переяславщине находились вотчины Алексея Басманова — любимца Ивана Грозного и одного из инициаторов опричнины. Басмановы же происходили из рода бояр Плещеевых. Алексей Басманов был сыном крупного переславского помещика Даниила Андреевича Плещеева по прозвищу Басман. Русская топонимия знает много примеров, когда наименования озер образовывались от имен, прозвищ, фамилий людей. При чем это происходило либо непосредственно, либо опосредованно. —

через названия тех населенных пунктов, которые располагались на берегу озера. Так, например, Тростенское озеро под Москвой в ряде источников упоминается как *Ануффриевское* (или *Онуффриево*) — по деревне Онуфриево на его берегу. Нечто подобное могло произойти и с Плесеевым озером. Хотя мы не исключаем и иной возможности. В названии *Плесеево* (а может быть, и *Клещино*) могло «переплавиться» древнее мерянское имя озера. Многие речки и даже озера меньшего размера на Переславщине в основе своих имен несут финно-угорские корни.

В XII веке на берегу озера поднялся новый город — Переяславль. Еще до его основания Переславская земля оказывается втянутой в круговорот исторических событий. Двигались ли войска или купцы сухим путем из Киева в Ростов, плыли ли по рекам из Новгорода в Суздальщину и дальше — к волжским булгарам, им было не миновать этих мест.

Кто владел ими, тот прочно держался на Ростово-Суздальском столе и мог влиять даже на волю «Господина Великого Новгорода», закрывая путь шведскому хлебу на север.

Стремясь закрепить за собой важный стратегический район, Юрий Долгорукий и основал в 1152 году на Плесеевом озере Переяславль. Именно князю Юрию, чье имя для большинства людей связывается с основанием Москвы, в истории Переславля принадлежит очень большая роль. Переславль обязан ему своим возвышением, точно так же, как Клещин — своим падением. Один стал главным городом края, другой — простым поселком.

Переяславль был окружен высоким валом (до 15 м), двойными деревянными стенами с двенадцатью башнями, три из которых были проездными. Укрепления прикрывались рекой Грубеж, а также большим рвом, называвшимся *рекой Гроблей*. Переяславль стал центром *Переяславского ополья* — плодородного земледельческого района. Очень скоро он выдвинулся почти в один ряд с Ростовом, Суздалем и Владимиром.

Топоним *Переяславль* не был на Руси единственным и, тем более, первым. Всего Переяславлей было три. Первый находился в Приднепровской Руси и назывался *Переяслав* (ныне — *Переяслав-Хмельницкий*). Это был один из древнейших русских городов. Летопись связывает его основание с борьбой против печенегов. По преданию, в 992 году Ян Усмович (Усмошвец) одолел в поединке печенежского богатыря: «понеже отрокъ русский *перяя славу* отъ Печенѣговъ». Видимо, это более поздняя легенда, поскольку Переяслав назван еще в летописном пересказе договора Руси с греками 907 года и в договоре Игоря с греками 945 года. Во времена своего расцвета Переяслав (который назывался *Южным* или *Рус-*

ским) занимал третье место среди южнорусских городов после Киева и Чернигова.

Второй Переяславль — это нынешняя Рязань. По преданию, он был заложен в 1095 году князем Ярославом Святославичем. В летописях этот город упоминается, в частности, как *Преславль Рязанский*.

Третьим населенным пунктом Руси с таким же названием стал Переяславль на Плещеевом озере, который в летописях и различных актах иногда именовался как *Новый, иже на Клеущине озере, Суздальский*, наконец, — *Залесский*.

Все три Переяславля стоят на реках, которые носят одинаковое название — *Трубеж*. Такое совпадение наименований старинных русских городов и рек не очень похоже на случайность. Поэтому в некоторых книгах и статьях стала развиваться мысль о том, что факт этот — свидетельство миграций: при переселениях люди называли вновь отстроенные городки и текущие рядом реки привычными именами. Так ли это? Дать на данный вопрос определенный, исчерпывающий ответ сейчас трудно.

Ясно одно — случайности здесь нет. Но мы и не располагаем документальными сведениями о таких конкретных переселениях, которые могли бы привести к переносу названий *Переяславль* и *Трубеж* из левобережья Среднего Поднепровья на берега Клеущина (Плещеева) озера в Залесье. Видимо, само название *Переяславль* могло иметь для князя Юрия как бы символический характер, поскольку Долгорукий вел борьбу за великокняжеский киевский престол. К тому же детство его частично прошло именно в Русском Переяславе. Все это и могло повлиять на выбор названия для нового города.

Между прочим, подобный топоним встречается не только в русских, но и в иных славянских землях. Известен город Преслав в Болгарии. В. Ляскоронский в своей монографии конца XIX века «История Переяславльской земли» (южнорусской) отмечал, что «населенные места с названием Переяславль встречаются, кроме России, еще и в других местах, некогда имевших или даже и теперь имеющих славянское население»: Великая и Малая Преслава на Дунае и Преслав у Щецина.

Многие ученые считают топоним *Переяславль* указывающим на принадлежность называемого населенного пункта какому-то лицу. Говоря о Переяславе-Хмельницком (второй компонент название приобрело в 1943 году), В. А. Никонов, например, замечает, что «в основе, вероятно, личное имя на *-слав*, распространенное в Древней Руси» (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь). Не менее определенно высказывался и Макс Фасмер. В своем «Этимологическом словаре русского языка» он писал, что название Пе-

реяславль носят несколько русских городов, а др.-русск. *Переяславль* образовано при помощи суффикса принадлежности от имени собственного *Переяслав*.

Возникает вопрос — а как же объяснить совпадение и гидронимов? Неужели и название реки Трубеж было символичным и «престижным» для князя Юрия? Ответ на этот вопрос весьма не прост. И все же, как нам кажется, совпадением трех названий *Трубеж* нельзя оперировать как несомненным аргументом, подтверждающим гипотезу о миграции. Не исключено, что мы имеем дело с совпадением, вызванным характеристикой называемого объекта — какими-то особенностями рек — и распространенностью местного географического термина, который мог лечь в основу гидронимов *Трубеж*. Такого мнения придерживается известный специалист в области русской и славянской гидронимии Г. П. Смолицкая (Г. П. Смолицкая. О значении гидронима Трубеж. — В кн.: IV Республиканская ономастична конференция. Тези. Київ. Наукова думка, 1969). Дело в том, что названные нами реки Трубеж существуют не только в Переяславе-Хмельницком, Рязани и Переславле-Залесском. Только в бассейне Днепра пять рек носят наименование *Трубеж*. В бассейне Оки есть два *Трубежа*. Но кроме того, по карте можно найти массу вариантов этого гидронима: *Трубишь*, *Трубец*, *Трубяш*, *Трубище*, *Труба*, *Трубань*, *Трубенка*, *Труботня*, *Трубичь*, *Трубынь*, *Трубельня*. Как видим, во всех этих названиях выделяется корневой элемент *Труб-*. Случайно ли это? Думается, что нет. Оказывается, есть имя нарицательное *труба*, означающее «протока, рукав, ответвление реки». В разных вариантах значения этот местный географический термин встречается в русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком языках. В значении «протока, рукав, ответвление» слово *труба* встречается и в памятниках письменности XVI—XVII веков, относящихся к территориям, расположенным севернее и северо-западнее от Москвы. А теперь взглянем на карту. Некоторые реки, носящие название *Трубеж*, и сейчас являются протокой, рукавом реки. Если на подробной карте рассмотреть Трубеж Рязанский, то можно ясно увидеть, что он является правой протокой Оки. Работая с картами Генерального межевания (XIX века), Г. П. Смолицкая установила, что гидрографический рисунок Трубежа, впадающего в Плещеево озеро, выдает в нем недавнюю протоку. Исследователь считает, что можно видеть в далеком прошлом протоку и в Трубеже Днепровском — между Днепром и Десной через реки Быструю и Остер.

Но какую роль играет здесь элемент *-еж*? Ведь если в основе названия *Трубеж* лежит слово *труба*, то имя реки должно члениться — *Труб — еж*! Все правильно. Словообразовательный элемент *-еж* (с вариантами *-иж*, *-яж*) действительно существует. Он приня

участие в образовании большого количества названий рек. Возьмите хотя бы бассейны Днепра и Оки: *Любезь, Пневезь, Литиж, Нитязь, Кучебиж* и многие другие.

Как из *Переяслава* («иже на Клецине озере») возник *Переяславль-Залесский*? Когда из названия выпала буква *я*, и когда оно приобрело свою вторую часть — *Залесский*?

Принято считать, что выпадение из наименования *я* произошло под влиянием чисто фонетических причин (особенностей говоров) примерно в XV веке. Многочисленные актывые материалы наглядно показывают, какое колебание в течение длительного времени существовало в написании названия города. Например, в духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича (1504 год) упоминается «город Переяславль с волостями», а в разъезжей (1504 год) — упоминаются земли, которым определено данью и судом «тянути къ Переславлю и къ волостем къ Переславским». Показательна духовная грамота великого князя Василия Васильевича (1461 год), где название города употребляется в формах *Переяславль* и *Переславль*. Кстати говоря, эта грамота дает нам самое первое употребление топонима без *я*. Кроме того, здесь же *Клецин* упомянут как *Городище*: «Да даю своей княгини в Переяславле Городище з деревнями...».

На протяжении определенного времени существовало колебание и в написании топонима *Переславль* с точки зрения наличия или отсутствия его второго компонента — *Залесский*.

Как известно, Плещеево озеро стало «колыбелью русского флота». Оно было выбрано молодым Петром для строительства и испытания «потешной» флотилии. Постройка кораблей приобрела большой размах с 1691 года. На возвышенности у южного берега рядом с селом Воськово выросли мастерские и небольшой дворец. В августе 1692 года состоялись празднества по поводу спуска на воду Переславской флотилии. Сейчас о тех временах напоминает название усадьбы «Ботик» близ села Воськово. Здесь хранится маленький корабль Петра I — бот «Фортуна». Между прочим, *Ботиком* прозвали и всю местность, где строился «потешный» флот. Так родился этот необычный микропоним. Но это уже более позднее название. Раньше эта местность с возвышенностью именовалась по-иному — *гора Гремяч*. Некоторые старожилы употребляют название и сейчас. Вероятно, оно связано с *Гремячим ключом*, водным источником, бьющим из горы.

Еще один любопытный микропоним в окрестностях Переяславля-Залесского — *Александрова гора*. Это исключительно живописный холм, расположенный на северо-восточном берегу Плещеева озера. С вершины его открывается великолепный вид на озеро. Народные предания связывают название этой горы с именем Алек-

Александра Невского. Действительно, биография князя Александра тесно связана с древним Переяславлем Новым. Здесь в мае 1220 года он родился. Здесь он княжил, одновременно будучи князем и в Новгороде. По одной из легенд, на Александровой горе одно время располагался загородный дворец Александра Невского. По другой — здесь был монастырь, основанный князем. При археологических раскопках на вершине горы были обнаружены остатки каменной церкви и кладбище. Нижние пласты культурного слоя городища на Александровой горе относятся к очень древним временам, к раннежелезному веку. Археологи обнаружили в них остатки языческого святилища. Почему это нам так интересно? Да потому, что и раньше, и сейчас верхушка Александровой горы носит необыкновенное название — *Ярилина плешь*! Да, именно с этой части горы быстрее всего сходил снег, когда Ярило-солнце растапливал его своими лучами и гнал зиму... Здесь отправлялись культовые обряды.

В 20-х годах в Переяславле-Залесском жил замечательный русский писатель Михаил Михайлович Пришвин. Он очень интересовался историей древнего города, многое записал и сохранил для нас. Если в руки вам попадет его «Календарь природы», откройте книгу на главе «Весна человеческая». Там, в разделе «Красивное заговенье» писатель знакомит нас с древним обрядом, посвященным богу Ярилу — богу Солнца. М. М. Пришвин наблюдал его именно здесь, на Переяславщине — в деревне Дихарево, расположенной недалеко от летонского Кленца.

Но не только этим знаменита Александрова гора. У подножия ее лежит так называемый *Синий камень*, судьба которого удивительна. Синий камень — это огромный валун весом более четырех тонн. На берег Плещеева озера он занесен ледником. Его необычные размеры и непривычный темно-синий цвет, видимо, издавна привлекали внимание людей. В глубокой древности Синий камень стал предметом поклонения язычников-мерян, живших на берегах Плещеева озера. Славяне, появившиеся на берегах озера в IX веке, также начали поклоняться Синему камню. В определенные дни они украшали камень лентами и цветами, водили вокруг него хороводы. Этот ритуал долгое время сохранялся и после крещения Руси.

Как только не пыталась церковь бороться с Синим камнем! В начале XVII века его свалили в огромную яму и закопали. Но землю смыло с камня вешними водами. А зимой 1778 года его решили заставить служить христианской религии: заложить в фундамент строящейся церкви. С огромными усилиями на специальных дровнях дюжина лошадей везла Синий камень через замерзшее озеро. И надо же такому случиться! Своей тяжестью он про-

ломил лед и ушел на дно. Однако Синий камень не исчез. В течение десятков лет он выходил из озера. И к концу 40-х годов прошлого столетия он снова очутился на северо-восточном берегу Плещеева озера. Тяжелый камень притащили с собой к берегу огромные ледяные торосы Плещеева озера, которые каждый год гонят к северу весенние ветры.

Думается, не случайно название Синего камня. Вряд ли он получил его только за свой темно-сизый цвет. Как известно, не этот, но «абстрактный» *Синь-камень* (или *Синий камень*) неоднократно упоминается в русском и славянском фольклоре. На Переславщине есть... еще один Синий камень. Километрах в 25—30 к юго-востоку от Переславля-Залесского есть *Берендеево* (!) болото, рядом с современной железнодорожной станцией Берендеево. Там, в низине, которую именуют *Подстенье*, и лежит второй Синий камень. Краевед М. И. Смирнов писал, что местные жители приносили в подарок Синему камню на Берендеевом болоте грибы и ягоды.

На обилие интересных названий в Переславле-Залесском и его окрестностях обращал внимание и М. М. Пришвин. Взять хотя бы этот небольшой отрывок из «Календаря природы»: «С малой колокольни [Горицкого монастыря,— М. Г., В. Д.] видна вся жизнь за стеной: множество монастырей и церквей древнего города и между ними поток деревенских людей на базар. Так все тут смешано в этом городе-музее: древняя обитель, где находится наш музей, называется Пречистая на Горице, а сама земля, на которой стоит Пречистая, называется Вшивая горка, и на Вшивой — улица Свистуща, теперь переименованная в улицу Володарского, потом Соколка, где жили когда-то соколиные помытчики Ивана Грозного».

Рассказывая о Переславле-Залесском, нельзя обойти стороной и еще один любопытный факт. Во времена императрицы Екатерины II многим городам были присвоены особые гербы. Так вот, герб Переславля необычен. В верхней его части располагается герб губернского города, а им был Владимир. А в нижней — две золотые сельди на черном поле. В сенатском указе было сказано прямо: «В знак, что сей город оною копченою рыбою производит торг». Думается, составители указа не погрешили бы против истины, если бы добавили, что сельди на гербе Переславля-Залесского появились также в знак того, что переславские сельди (из Плещеева озера) были традиционным кушаньем на коронационных обедах великих князей и царей московских. Рыболовство в Переславле процветало испокон веку. Одно из свидетельств тому — микротопоним *Рыбачья слобода*, «северная Венеция» города, протянувшаяся от озера вдоль Трубежа до самых валов.

В этом очерке мы намеренно не рассказали ни об архитектурных памятниках Переславля-Залесского, ни о важных и интересных этапах его истории. Древние памятники города нужно видеть. А об истории его можно написать целую книгу. Наше с вами путешествие по Золотому кольцу России — историко-топонимическое. Мы знакомим вас с историей Руси, с ее культурой через географические названия — памятники не менее важные и ценные.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ, В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

интернациональное слово *металл*, известное в России со времен Петра I, заимствовано из немецкого или французского языков. В эти языки оно в свою очередь пришло из латинского *metallum* (шахта, минерал), куда попало из греческого *metallon* (копь, жила, шахта). Первоначальным источником этого слова является семитическое слово в значении «глубина». Интересно, что в древнегреческом имелся глагол *metallan* (заниматься поисками, разыскивать; первоначально, видимо, — искать в глубине).

Любопытно происхождение названий некоторых металлов. Слово *никель* было введено в научный обиход в 1754 году шведским минералогом А. Ф. фон Кронстедтом вместо сочетания *sorparnickel* (первый элемент означает «медь»). Второй элемент этого слова, являющийся сокращением имени «Николай», во многих европейских языках употребляется как презрительное имя дьявола (русское заимствование *дьявол* восходит к греческому *dia* (поперек) и *ballain* (бросать), буквально означает «тот, кто бросает вызов, становится поперек дороги»).

Такое неодобрительное название было дано этому металлу в связи с тем, что хотя он и имеет цвет меди, но не обладает ее свойствами и из него нельзя получить медь. Так же и название *вольфрам* происходит от немецких слов *Wolf* (волк) и *Rahm* (грязь): этот металл по внешнему виду напоминает олово, но не имеет его свойств.

М. М. Маковский

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ

Красная Пресня — это название одного из старейших районов нашей столицы возрождает в памяти героические дни московского вооруженного восстания в декабре 1905 года, вершины первой русской революции.

«Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок». Так писал В. И. Ленин в Письме к рабочим Красной Пресни 25 декабря 1920 года (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 200).

75 лет отделяют нас от тех исторических дней, но история самоотверженной борьбы жива в сердцах благодарного потомства. Она увековечена во многих названиях улиц и площадей Москвы, и прежде всего, — в топонимии главной твердыни декабрьского восстания — Пресни, с победой Великой Октябрьской социалистической революции получившей гордое наименование *Красной Пресни*.

Название местности *Пресня* происходит от наименования про-

текающей здесь речки Пресни, в 1908 году заключенной в подземную трубу. Пресня — один из притоков Москвы-реки, впадающий в нее близ нынешнего Калининского моста.

Как и подавляющее большинство речных названий, *Пресня* — имя очень древнее. Вероятно, реку именовали так еще первопоселенцы этих мест. Этимология на первый взгляд кажется ясной — от *пресный*, однако на деле вовсе не проста. Современное значение слова *пресный* «несоленный» вряд ли здесь применимо: ведь всякую речную воду из-за малого наличия в ней солей мы называем пресной; по этому признаку Пресня не могла быть исключением из остальных московских рек. Скорее всего, вода Пресни в восприятии наших предков выделялась своеобразным, лишенным какой-либо резкости вкусом.

Издревле местность, именуемая *Пресней*, не имела четко очерченных границ: так называли земли по обоим берегам реки Пресни в нижнем ее течении. И ныне исторический район Красной (в значении «революционной») Пресни не следует смешивать с административным Краснопресненским районом; первый значительно меньше и связан с местом сосредоточения старых промышленных предприятий, пролетариат которых был активной боевой силой всех трех русских революций.

Воротами Красной Пресни можно считать современную площадь Восстания. Так в честь происходивших здесь революционных событий 1905 и 1917 годов была в 1919 году названа Кудринская площадь — центр находившегося здесь в XIV — XVII веках села Кудрина. Именно у этой площади повстанцы Пресни в декабре 1905 года преградили путь царским карателям, стремившимся пробиться к сагу восстания.

Далее к Пресне от центра города ведет короткая Баррикадная (до 1919 года — Кудринская) улица. Название неслучайно: в самом начале восстания 1905 года революционные рабочие перекрыли улицу баррикадами. Станция метро, открытая здесь в 1972 году, тоже получила название «Баррикадная».

Продолжением Баррикадной улицы служит главная магистраль района — улица Красная Пресня. До 1918 года она называлась *Большой Пресненской*, а полуофициально — *Большой Пресней* (в стихотворении 1915 года «Я и Наполеон» Маяковский писал: «Я живу на Большой Пресне...»). В последние два десятилетия улица эта радикально реконструирована, расширена и благоустроена.

Название *Краснопресненская* носят и бывшая площадь Пресненской заставы, и бывшая Пресненская набережная Москвы-реки, и станция метро; парком культуры и отдыха «Красная Пресня» стала бывшая усадьба князей Гагариных *Студенец*, названная так по протекавшему здесь ручью.

В самом начале улицы Красная Пресня под мостовой, в трубе протекает речка Пресня, еще в конце XVII века перегороженная плотинами, которые образовали вдоль ее течения четыре пруда. Из них сохранился лишь один — нынешний пруд Зоопарка, в прошлом именовавшийся *Верхним*.

Слева от него до 1908 года находился Нижний Пресненский пруд. Улица, идущая по его западному берегу, называлась *Нижней Пресненской* или *Нижней Прудовой*. Здесь в 1905 году стояла мебельная фабрика, владелец которой студент-большевик Н. П. Шмит организовал из рабочих фабрики дружину, оказавшую особо упорное сопротивление царским войскам. Фабрику сожгли каратели, сам Шмит был убит в Бутырской тюрьме. В память дружинников Нижняя Прудовая в 1922 году была переименована в улицу *Дружинников*, позднее название преобразилось в *Дружинниковская*.

Около фабрики Шмита находился Горбатый мост, до 1908 года пересекавший открытое русло реки Пресни. Он вошел в историю первой русской революции как место особо ожесточенных боев между рабочими Пресни и царскими войсками. Мост, прозванный *Горбатым* за кривизну, после Великого Октября получил имя *1905 года*. Ныне он восстанавливается в прежнем виде, а вокруг создается мемориальная зона.

От Трехгорного вала отходит *Шмитовский проезд*, названный так в память Н. П. Шмита.

Расположенные поблизости от Шмитовского проезда нарядные, благоустроенные улицы получили имена героев Декабрьского восстания 1905 года: З. Я. Литвина—Седого — начальника штаба боевых дружин Пресни в дни Декабрьского восстания; Ф. М. Мантулина — участника баррикадных боев на Пресне, расстрелянного царскими войсками; М. С. Николаева — руководителя боевой дружины фабрики Шмита.

Параллельно Большой Пресненской, к югу от нее, проходила улица Средняя Пресня. С 1922 года она носит имя Т. Г. Заморёнова — рабочего «Трехгорной мануфактуры», активного участника боев на Пресне как в декабре 1905 года, так и в октябре 1917 года.

Южнее тянется улица со странным для непосвященного названием Рочдельская. Именно на ней расположено одно из старейших промышленных предприятий Москвы — комбинат «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского, знаменитая «Трехгорка» — в декабре 1905 года мощная революционная крепость. Здесь находился штаб большевиков, руководивший боевыми операциями.

Старое название улицы — *Нижняя Пресня* — определялось тем, что она отходит от низовьев реки Пресни, нынешнее произведено от наименования *Рочдель* (теперешнее русское написание — *Рочдейл*) — текстильного городка неподалеку от Манчестера. Так ра-

бочие Трехгорки в 1930-х годах почтили память английских ткачей, которые в борьбе с эксплуататорами-фабрикантами организовали у себя в 1844 году первый в мире рабочий потребительский кооператив.

Название «Трехгорка» (по урочищу «Три горы»; эти возвышенности заметны и сейчас) после 1905 года тоже приобрело революционное звучание, так как напоминало о подвиге трехгорских рабочих. Оно сохранилось в наименованиях *Трехгорной заставы*, *Трехгорного Вала*, *Большого*, *Среднего* и *Малого Трехгорных переулков*.

Память о Декабрьском вооруженном восстании 1905 года хранят имена: *Улица 1905 года* (бывшая Воскресенская — по направлению к городу Воскресенску, ныне г. Истра), *Большая Декабрьская* (бывшая Большая Ваганьковская — по местоположению вблизи Ваганьковского кладбища). Старые наименования остались за улицей *Пресненский вал* (здесь проходил Камер-Коллежский вал — таможенная граница города в XVIII веке) и *Пресненский переулок* (бывший Средний Пресненский), но и они ассоциируются в нашем сознании с героической эпопеей Красной Пресни.

Революционные традиции пресненских рабочих с новой силой проявились в октябрьские дни 1917 года. Красногвардейцы Пресни принимали активное участие в боях за победу советской власти в Москве. В деревянном доме № 4 по Большому Предтеченскому переулку (название — по ближней церкви) в то время помещался Пресненский райком РСДРП(б) и военно-революционный комитет Пресненского района. В 1922 году переулок был переименован в *Большевистскую улицу* в честь партии большевиков — организатора и руководителя вооруженных восстаний в декабре 1905 года и в октябре 1917 года. В доме открыт историко-революционный музей «Красная Пресня», а окружающая местность объявлена революционно-архитектурным заповедником. В честь Красной гвардии близлежащие улицы носят названия: *3-я Красногвардейская*, *Красногвардейский бульвар*, *Красногвардейские проезды*.

В наше время неузнаваемо изменился весь район Красной Пресни, здесь поднялись целые кварталы новых многоэтажных зданий, улицы расширены, благоустроены и озеленены. Реконструкция района продолжается; и только намеренно оставляемые островки старой застройки, историко-революционные и архитектурные памятники в сочетании с названиями улиц, запечатлевшими подвиг пресненских рабочих в революционных событиях 1905 и 1917 годов, напоминают нашему современнику о славном историческом прошлом этих мест.

Ю. А. ФЕДОСЮК
Рисунок В. Толстоногова

ЭСТАФЕТА

На различных соревнованиях нам часто приходится слышать «спортивные» слова, употребляемые не только в спорте. Одно из них — *эстафета*.

*

Слово *эстафета* (*эстафет, эштафет, штафета, естафета*) [франц. *estafette*] известно в русском языке с конца XVIII века в значении «почта, доставляющая отправления с помощью нарочных; письмо, донесение и т. п., посланное с нарочным, преимущественно конным».

Вот примеры его использования в художественной литературе: «[Почтмейстер] приказывал ей доложить, что писем нет, что как только будут, он сам привезет или пришлет с *эстафетой*» (А. И. Герцен. Кто виноват?); «Призвал было уже курьера с тем, чтобы отправить его с *эстафетой*» (Н. В. Гоголь. Ревизор); «Вот *эстафета* от поручика, — доложил Лебедкин, протягивая прапорщику пакет» (А. Степанов. Порт-Артур). К началу XX века это

значение устаревает, и словари современного русского языка сопровождают его пометой *устар.*

Казалось, слово прекращает свое существование в русском языке. Но именно в это время появились факторы внеязыкового характера, которые способствовали тому, что у слова *эстафета* началась «вторая» молодость и новая, активная жизнь в языке.

В 1896 году возродились Олимпийские игры, легкая атлетика заняла в них ведущее место, а бег сделался главным видом олимпийских состязаний. Эстафетный бег (*эстафета*) стал регулярно включаться в программу легкоатлетических соревнований.

Начало распространению легкой атлетики в России было положено в 1888 году, когда в дачном местечке Тярлове, под Петербургом, небольшая группа молодежи организовала спортивный кружок и начала заниматься бегом. Первое соревнование по эстафетному бегу (эстафете) было проведено в России в 1900 году. Эстафета была включена в программу V Олимпийских игр 1912 года (Стокгольм).

Так в начале XX века появилось в русском языке знакомое слово в значении «командное соревнование в беге, в котором на каждом этапе сменяется бегун; предмет, передаваемый одним бегуном другому при смене на этапах в таком беге». Это специальное значение слова *эстафета* впервые было зафиксировано в 1928 году Энциклопедическим словарем по физической культуре Б. М. Чеснокова. Все словари (толковые, словари иностранных слов и этимологические) указывают на заимствование слова из французского языка (фр. *estafette*). Однако необходимо отметить, что через французский язык из итальянского заимствовано слово *эстафета* в значении «почта, доставленная парочным», а *эстафета* как спортивный термин заимствовано из итальянского, видимо, без посредства французского языка. Ср.: «staffetta 1) гонец, курьер, посыльный; эстафета; 2) спорт. эстафета...» (Итальянско-русский словарь). Во французском языке для выражения понятия «эстафетный бег» с давних пор существует сочетание *cours par relais*.

В дореволюционной России занятия спортом были привилегией имущих классов. Широкие народные массы не имели к ним доступа. Только после Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране были созданы все условия для физического воспитания советских людей. С 1922 года возобновились соревнования в эстафетном беге. Эстафета как вид легкой атлетики быстро развивалась и становилась очень распространенной. По типу спортивной эстафеты стали проводить различные мероприятия, которые из-за сходства со спортивными тоже стали называть *эстафетами*. Вот что об этом сказано в Большой Советской Энциклопедии (изд. 3-е): «В 1-й половине 20 в. формы Э. широко ис-

пользовались при проведении общественно-политических и культурных мероприятий (Э. мира, дружбы...)». На основе схождения действий слово *эстафета* начинает переосмысляться и примерно с начала 30-х годов выходит за рамки своей терминологической системы: «В этот день дается старт *финэстафеты* по ликвидации прорыва в выполнении финплана» («Шуйский пролетарий», 8 сентября 1932); «*Эстафета* как форма массовой советской работы на транспорте впервые была применена в прошлом году и полностью себя оправдала» («Известия», 19 февраля 1933).

В 40—50-е годы слово *эстафета* в нетерминологическом значении проникает и в художественную литературу в качестве экспрессивно-эмоционального средства выражения мысли: «Но всякий раз новое поколение принимало *эстафету* из рук людей мысли и света» (И. Эренбург. Война).

В наши дни слово *эстафета* в неспециальном употреблении почти утратило яркую образность, приобрело устойчивое общепризнанное переносное значение и является активным компонентом общеупотребительной лексики: «Принимая *эстафету* посевной, механизаторы Казахстана и Сибири дали слово провести ее на высоком уровне» («Правда», 6 мая 1973); «Какую *эстафету* передаем мы сами нашим подрастающим детям?» («Литературная газета», 1975, № 1); «*Эстафету* ударного труда приняли эксплуатационники» («Известия», 7 декабря 1975).

Очень часто слово *эстафета* используется в газетных заголовках, где необходима большая экспрессивность для сжатого выражения идеи или содержания статьи, репортажа, рассказа и т. п.: «*Эстафета* созидания» («Известия», 16 января 1977); «*Эстафета* поколений» («Медицинская газета», 18 февраля 1977); «*Эстафета* мастерства» («Известия», 13 апреля 1977); «*Эстафета* трудовой доблести» («Молодежь Молдавии», 20 сентября 1979).

Эстафета в общеупотребительном значении в сочетании со словом *рабочая* (*рабочая эстафета*) прочно укрепилось на страницах печати, став устойчивым словосочетанием. Рабочая эстафета — это новая форма социалистического соревнования, при которой рабочие, бригады или целые предприятия, поэтапно изготавливая продукцию, передают ее друг другу для дальнейшей обработки или для монтажа, при этом учитываются качество работы, сроки выполнения и т. д. Рабочая эстафета родилась на Нурекской ГЭС. «Прогрессивной форме социалистического соревнования, родившейся в Нуреке, суждена большая жизнь... Рабочие эстафеты верно служат делу мобилизации творческой активности масс» («Известия», 31 августа 1977). Сегодня рабочая эстафета уверенно шагает по стране, закрепляется и слово *эстафета* в новом значении: «Вчера коллективы передовых предприятий и организаций молдавской

столицы начали эстафету трудовой славы, посвященную 60-летию Великого Октября... Эстафета стартовала» («Вечерний Кишинев», 6 сентября 1977); «Рабочая эстафета смежников» («Известия», 6 февраля 1977); «Резкое увеличение объемов производства... потребовало строго планомерной работы не одного-двух, а десятков, а иногда и сотен различных предприятий, нацеленных на выполнение единой задачи. Это требование жизни нашло свое выражение и в соревновании, например, в движении „Рабочей эстафеты“» («Труд», 27 мая 1979).

*

Важно отметить, что так же проявляют себя в русском языке и многие другие широко распространенные спортивные термины. Ср.: *олимпиада* по русскому языку, *чемпион* сборки, *аутсайдер* в науке, *рекорд* новостройки, *старт* пятилетки, литературный *турнир* и др.

Таким образом, слабая отграниченность спортивной терминологии от остального словарного состава языка, ее широкая известность способствуют свободному выходу терминов спорта за пределы специальной сферы. Развивая нетерминологические значения, спортивные термины сохраняют свое содержание в лексике спорта. Выходят за пределы специальной сферы (детерминологизируются) в первую очередь интернациональные по характеру слова и их производные. Видимо, начало процесса детерминологизации терминов спорта относится к 20-м годам нашего века, в 50—70-е годы наблюдается наиболее активное проникновение их в общелитературный язык. В результате расширяется семантический объем этих слов, изменяются их лексико-семантические, фразеологические и другие связи с общелитературной лексикой, становится широкой сфера использования, изменяется стилистическая принадлежность. Деспециализированная спортивная лексика является важным источником экспрессивно-эмоциональных средств разговорной, публицистической и художественной речи и используется в определенных стилистических целях. Спортивные термины проникают в общелитературный язык главным образом через публицистику и разговорную речь, а также через художественную литературу. Часть спортивной лексики в нетерминологическом значении зафиксирована в толковых словарях.

И. М. ЮРКОВСКИЙ
Кишинев

Рисунок В. Комарова

Более ста лет назад на Волге рассказывали предание о красном петухе, связанное с детскими годами Степана Разина.

Степка Разин поджег дом, привязав пучок пакли и льна к хвосту большого красного петуха. Когда его спросили, кто поджег дом, он ответил: «Красный петух». Спустя много лет Разин вернулся на Волгу казачьим атаманом, «пускающим красного петуха» по помещичьим усадьбам и дворам.

«Красный петух», действительно, в нашем сознании во многом ассоциируется с крестьянскими бунтами и восстаниями Степана Разина, Емельяна Пугачева, с борьбой крестьян против помещиков в России прошлых веков. Выражение *пустить красного петуха* поэтому кажется национально окрашенным, русским оборотом. «Собственно-русское происхождение» подчеркивают авторы-составители «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов («Русский язык в школе», 1979, № 6), не связывая его, впрочем, непосредственно с разинскими бунтами.

Обращение к языковым фактам, однако, показывает, что этот фразеологизм известен во многих языках и не имеет в своих истоках прямой связи со Степаном Разиным и реальным «красным петухом», запущенным на крышу дома. Прежде всего показательно, что оборот *пустить красного петуха* распространен у восточных и западных славян, в языках которых его значение и образ полностью тождественны: укр. *пустити червоного півня*; белор. *пусціць чырванага пёўня* (пёвуна), диал. *пусціць краснаго петуха*;

польск. puścić czerwonego koguta; словацк. posadiť čtrveného kohúta na strechu; чешск. posadit (poslat, hodit) komu červeného kohouta na střechu.

Выражение о красном петухе известно также в балтийских и германских языках: литовск. raudónas gaidys patupdyti (букв. посадить красного петуха); латышск. ielaist jumtā sarkano gaili (букв. пустить на крышу красного петуха); англ. red cock (букв. красный петух) «пожар», red cock will crow in his house (букв. красный петух прокричит в его доме) «его дом подожгут»; нем. den roten Hahn aufs Dach setzen (букв. посадить красного петуха на крышу), den roten Hahn aufstecken auf Dach (букв. пустить красного петуха на крышу).

Показательно, что происхождение этих фразеологизмов в других языках также пытались связать с какими-либо чисто национальными преданиями или историческими анекдотами. Так, в Вюрцбурге известен дом под названием «У красного петуха» (zum roten Hahn), на крышу которого якобы около 1560 года по приказу Вильгельма Грумбаха посадили настоящего красного петуха, а после подожгли сам дом. Красный петух перескакивал с дома на дом и поджигал их. Вновь отстроенное здание в связи с этим происшествием и было названо «У красного петуха» (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь).

Другим популярным объяснением немецкого выражения den roten Hahn aufs Dach setzen является его возведение к обычаю поджигателей и разбойников средневековья рисовать красным мелом изображение петуха на доме, который они намеревались в скором будущем поджечь. По-видимому, такое толкование отражает лишь вторичные ассоциации этого выражения, так сказать, его позднейшую «социальную» и «профессиональную» специализацию. Не случайно и историк русского языка В. И. Чернышев также считал — не связывая русское выражение с немецким, — что оно пришло «из жаргона разбойников» (Избранные труды, т. 1. М., 1970).

Где же искать подлинные истоки образности выражения о красном петухе?

Подобные поиски чаще всего приводят к роднику народной речи — к фольклору. История нашего оборота — еще одно тому доказательство.

В сборнике Д. Садовникова «Загадки русского народа» (1876) есть загадка о пожаре с интересующим нас образом: *Красенький петушок по улице бежит*. Тот же образ и в загадке об огне, отраженный в «Пословицах русского народа» В. Даля: *Красный кочеток* [т. е. петушок — В. М.] *по жердочке бежит*. О том, что этот метафорический образ огня был подлинно народным, свидетельствует загадка о лучине, освещавшей крестьянские избы, или об огне на

лучине: *Красненький кочеток по жерди ходит, Красненький кочеток по жердочке бежит*. Речь здесь идет о горящей лучине, вставленной в светёц, то есть в подставку для лучины в виде треножника. Важно, что эта загадка была широко известна в России (в Архангельской, Вологодской, Воронежской, Тульской, Новгородской губерниях) — об этом свидетельствуют материалы богатейшего собрания русских загадок, подготовленного В. В. Митрофановой (Загадки. Л., 1968). В близком образном русле и другие варианты этой загадки: *Золотая тетерочка по жердочке бежит* (огонь на лучине); *Стукнул о пенишек* (пенёчек), *выскочил красненький зуйшко* (куличёк); *Красненький котик по шестику ходит*; *Красненькая собачка по шестику ходит* (огонь на лучине). Число вариаций образа в восточнославянском фольклоре умножают и аналогичные белорусские загадки об огне: *Чырвоны конік на дрэве бяжыць*; *Ся? зыць чырвонынькі дзядок, ніхто яго не чапае*; *Рыжы бык да чорнага ліжэ* (огонь и чугун) и под.

Подобные загадки можно найти и в фольклоре других народов. У поляков и кашубов, например, есть такие загадки о печной трубе и об огне: «Красный петух на дворе, а хвост в комнате», «Что это за петух — весь красный и сидит на соломенной крыше?». Известны у восточных и западных славян поговорки, в которых образ петуха заменяется другой птицей: рус. диал. *пустить галку* «поджечь» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III); польск. *czerwonego psa na dachu posadzić* (посадить красную собаку на крышу) «поджечь» и др. Любопытно и диалектное развертывание этой фразеологической метафоры в словацкой поговорке *červený kohút na streche kikirika* (букв. красный петух на крыше кукарекает) «горит крыша».

Фольклорный материал позволяет отыскать в выражении *пустить красного петуха* следы древних языческих представлений, отраженных в мифологии разных народов. Славяне и германцы приносили красных петухов в жертву божествам огня и солнца. Германские племена, например, посвящали такую жертву громовержцу Тору, а славяне — Сварогу, богу солнца и света. На старинной монете, вычеканенной на острове Крит, петух также изображен как атрибут бога солнца. Известны и поверья, согласно которым красный петух во время грозы прыгивает вместе с молнией на землю и поджигает дома.

Такая символика связана с тем, что петух у многих народов издавна служит «птичьим будильником», возвещая пением восход солнца. Не случайно происхождение русского *петух*, украинского *півень*, сербского *петак* и др. связано именно с глаголом *петь* и буквально значит «певец»,

По суеверным представлениям, петух имеет магическую силу: его пение отгоняет злых духов, ночных демонов и призраков. Характерно, что в этих суевериях красный петух нередко противопоставлен черному. Первый, как солярный (связанный с солнцем) символ, считался добрым предзнаменованием. Поэтому в Сербии, например, такого красного петуха резали в начале сева и съедали, чтобы пшеница уродилась «красной», или же готовили пищу из такого петуха после пахоты, чтобы дело было добрым. Черные же петухи были дурным предзнаменованием, считались «порождением дьявола», по ним предсказывали смерть и тяжелые болезни.

Солярный культ петуха нашел свое отражение не только в языке и мифах, но и в материальной культуре. В русских деревнях *кúрами* (*кур* «петух») назывались стропила на крестьянских избах, а *кóчет* (жестяной петух) нередко украшал крышу и одновременно служит флюгером. Обычай «сажать» на крыши домов и храмов фигурки петухов также имеет давние традиции. Он был известен и древним германцам, и древним грекам, у которых такая фигурка служила своего рода «предохранителем» от попадания в дом молнии. Магическая, «громоотводящая» функция петуха здесь тесно переплетается с эстетической.

Таким образом, выражение *пустить красного петуха* восходит к древней языческой символике огня. При всей своей магической значимости в фольклоре и иносказательности в литературном языке этот символ никогда не терял своей яркой конкретности и свежей экспрессивности. Образ птицы-огня, скачущей по крышам домов во время пожара, оказался во фразеологии многих языков более живым и долговечным, чем суеверные представления, которые его породили.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

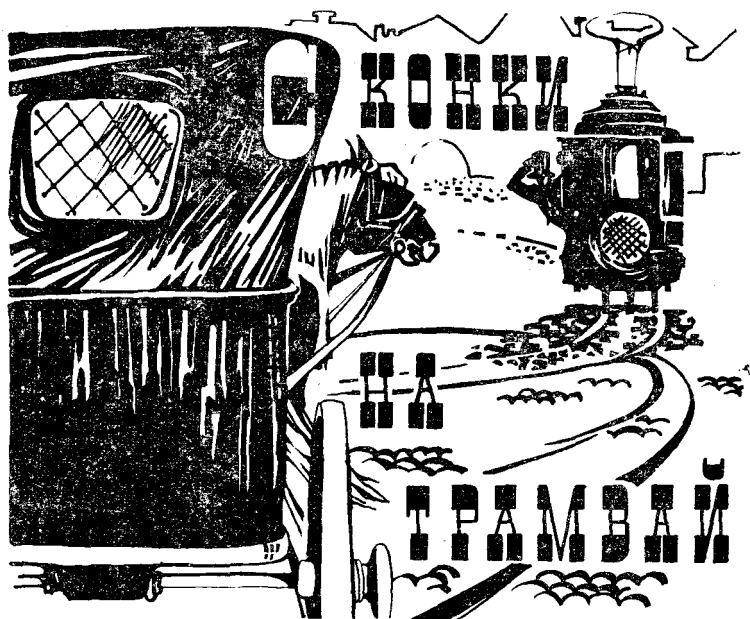
Посадить красного петуха на кровлю. (Поджечь)

Петух поет, перья болтаются? (Часы)

Дерется петух с орлом, прилетает коршун с хвостом, разнимает петуха с орлом? (Огонь, вода в чугуне и уполовник)

Не петушись: храбр петух, да и его индюшка бьет

Чем петушиться, лучше помириться

В «Записках старого петербуржца» Л. Успенский с грустью писал: «...изгнанный с шумных и людных главных магистралей, устарелый, мало кому теперь милый, катится старик — трамвай». Но трамвай как городской электрический транспорт не так уж и стар — ему всего сто лет. А вот само слово *трамвай* существует уже более двухсот лет.

Что же такое *трамвай*?..

И ПУТЬ, И ТЕЛЕЖКА

Корни слова *трамвай* уходят в английский язык, в котором *tramway* — это сложное существительное, состоящее из двух простых: *tram* и *way*. Последнее означает «путь, дорога», а *tram* имеет несколько значений. Когда-то оно входило только в узкоспециальную лексику и в разных профессиях означало «брус, балка, рельс, штангенциркуль, вагонетка, тележка» и т. д. Позже у него появилось и еще одно значение — «экипаж для пассажиров, передвигающийся по рельсам».

В XVII — начале XVIII веках в связи с развитием промышленного транспорта и добычи угля наиболее распространенным зна-

чением слова *tram* было «брус, бревно, лежень» (в немецком языке *Tram* и сегодня употребляется в значении «балка, брус»).

Таким образом, *tramway* — это балочный (с колеями из балок, брусьев) рельсовый путь. Трамваи были введены в Англии, в графстве Дербшир, в конце XVIII века; деревянные полосы и поперечные брусья были проложены между угольным рудником Шипли и пристанью возле Ньюменслея.

Подобные деревянные «полосовые пути» явились прообразом железной дороги. Напомним, что ее основателю Г. Стефенсону биллем 1825 года «разрешалось устроить железную дорогу или трамвай для проезда по ней вагонов и экипажей».

Другим, также достаточно известным еще с XVIII века, значением слова *tram* было «тележка, фургон, платформа». В этом значении *tram* издавна употреблялось на севере Англии в языке шахтеров для обозначения угольной вагонетки.

Вышедший в 1979 году Универсальный словарь английского языка Уайльда приводит два значения существительного *tram*: рельсовый пассажирский экипаж (трамвай) и шахтная вагонетка, а слово *tramway* толкует как рельсовый путь для трамвая.

Английское слово *tram* (трамвай) имеет и свои производные: *tram — line* (трамвайная линия), *tram — driver* (вагоновожатый), *tram — road* (рельсовый трамвайный путь) и т. п.

Поскольку *tramway* в его изначальном значении — это не «дорожный (уличный) экипаж», а «рельсовая (иногда даже подвесная) дорога», то и этимологию слова *tram* следует возводить не к *вагонетке*, а к *рельсу*, как это сделал Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка».

ОТ КОНКИ К ТРАМВАЮ

Одна из первых городских конножелезных дорог была построена в Нью-Йорке еще в 1832 году и получила название *street railway with horsepower* (уличная железная дорога с конной тягой). Позже в английском языке появились словосочетание *horse — tram* (конный экипаж, конка) и его синоним *horse — car* (конный вагон). Предшественником уличной железной дороги с конной тягой как общественного городского транспорта был конный *омнибус* — многоместный конный экипаж, совершавший регулярные рейсы между определенными пунктами. В 1858 году прокладка первых рельсовых путей была начата в Париже, они доходили до площади Конкорд, где трамвайные колеса менялись на омнибусные. Во Франции первые уличные железные дороги с конной тягой назывались: *de tramways á traction animale*. Как видим, в наименовании использовался английский термин. Постепенно слово *tramway* проч-

но закрепились во французском языке и им стали называть не только конножелезную дорогу, но и транспортное средство, передвигающееся по ней.

Первый электрический рельсовый пассажирский экипаж был пущен в Германии под Берлином в 1881 году. Он назывался *Strassenbahn* «уличная (железная) дорога» и *Trambahn* «рельсовый путь». Второе слово, по всей вероятности, является лексической калькой английского термина *tramway*.

ТРАМВАЙ В РОССИИ

В России городская железная дорога с конной тягой появилась в самом начале 1860-х годов. В наш язык слово *трамвай* вошло из французского как синоним русского слова *конка* (*конножелезка*) «городская железная дорога с конной тягой, а также вагон такой дороги».

Слово *конка* вполне удовлетворяло русских, и до замены конной тяги электрической никакой необходимости в новом (иноземном) названии не было.

Первый электрический трамвай в России был пущен в 1892 году в Киеве, а к началу XX века трамваи ходили уже более чем в десяти крупнейших городах. В Петербурге первый электрический вагон был пущен в 1895 году по льду Невы, поскольку владельцы городских земель не дали своего согласия на прокладку пути. Журнал «Нива» писал по этому поводу: «Надо... надеяться, что и у нас не только через Неву, но и по улицам будут со временем ходить электрические конки» (№ 11, 1895). В том же году на его страницах уже можно было прочесть и о трамвае: «...электричество постепенно замещает конную и паровую тягу на местных трамваях (№ 31, 1895).

Любопытные факты сообщали своим читателям русские журналы: в Германии построен «воздушный электрический трамвай» (канатная дорога) [«Циклист», № 3, 1899]; в Мексике «добрая часть доходов компании, эксплуатирующей конножелезные дороги., получается от отдачи напрокат погребальных дрог-трамваев и таких же вагонов» («Нива», № 28, 1898) и т. п.

В первое время было принято писать *электрический трамвай*, для отличия его от конки. Журнал «Мотор», поместив в 1914 году на своих страницах обзор, посвященный общественному транспорту во Франции, писал о 1850-х годах: «К этому же времени относится появление *конного трамвая*, так называемой тогда американской железной дороги». Прежде чем стать электрическим, *механический трамвай* в Париже прошел последовательно, кажется, по всем известным нам системам тяги: паровой, пневматической, ак-

кумуляторной и др. В русских газетах 1910-х годов нередко можно было прочесть о маршрутах «парового трамвая» (с паровозной тягой) и «электромоторного трамвая», а писатель Л. Успенский в «Записках старого петербуржца» припомнил даже такое курьезное словосочетание: «паровые конные железные дороги».

Не забыты были трамвай и его предшественница конка и русской художественной литературой. Еще в конце 1870-х годов поэт С. Андреевский писал:

Люблю, в ласканы ветерка
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
Глядеть на город свысока...

На крыше конного вагона

Позже благородный «конный вагон» превратился в заурядную конку:

Ползет уныло конка...
В дупле трясучей конки
Старушки, старички.

С. Городецкий. Улица. 1906

Простое народное название конножелезной дороги отмечено у А. П. Чехова: Каштанка «бросалась с лаем на вагоны конножелезки».

Видимо, одним из первых писателей, кто ввел в литературу слово *трамвай* был В. Гиляровский. В очерке «Железная горячка», опубликованном в 1899 году, читаем: «Широкий, прорезанный вдоль двумя лентами бульваров с двумя линиями рельс электрического трамвая... проспект оканчивается на горе...».

В 1910-х годах о трамвае как о вполне привычном общественном транспорте, ставшем неотъемлемой частью городского пейзажа, уже говорили в своих произведениях многие русские поэты и писатели: А. Куприн, В. Маяковский, Саша Черный и другие. В те же годы псывилось и сокращенное на западный манер, по так и не прижившееся в русском языке название трамвая *трам* (зафиксировано в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова с пометой: «разговорное, фамильярное»):

С лошади на трам,
Шариком на конку,
Кубарем вдогонку...

В. Князев. Недремное око. 1911

И позже у Маяковского (о том же периоде):

Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы...

Хорошо. 1927

Маяковский же сделал попытку использовать слово *трамвай* в несколько расширительном смысле, перенести название на аналогичный вид электротранспорта. Предвосхищая будущее, он в 1926 году написал частушку о метро:

Под Москвой товарищ крот
До ушей разинул рот,
Электричество гудёт,
Под землей трамвай идет.

Итак, *трамвай* — это *конка*. С установкой на ней электродвигателя ее стали называть *электрической конкой*, *электрическим трамваем*, а когда конная тяга была полностью вытеснена электрической, необходимость в определении отпала, и осталось просто название *трамвай* — «Городская наземная электрическая железная дорога, а также поезд этой железной дороги, состоящий из одного или нескольких вагонов».

А. Н. ШУСТОВ

Рисунок С. Гавриловой

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

слова *хирург* и *энергия* — близкие родственники. Слово *энергия* — греческого происхождения и было создано Аристотелем из греческой приставки *en* (в) и *ergon* (работа), то есть слово *энергия* буквально означает «в работе, активный».

Слово *хирург* составлено из греческого *heir* (рука) и *ergon* (работа), буквально — «человек, работающий руками».

М. М. Маковский

ПОЧТИ, ПОЧИТАЙ

ВСПОМНИМ заключительную сцену комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и закинутой назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела, за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям..., за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами». Эта немая сцена длится «почти полторы минуты».

Служебное слово *почти*, так часто сопровождающее наши не совсем точные высказывания, имеет интересную историю. Его мы всегда используем для уточнения количества или меры. Ставя перед именем или наречием частицу *почти*, мы как бы снимаем с себя ответственность за абсолютную достоверность названного количества или признака. Использование ее всегда осознанно и вызывается то ли незнанием точного количества (признака), то ли нежеланием его называть в силу определенных соображений.

Употребление частицы *почти* всегда связано с округлением числа в сторону увеличения: вместо того, чтобы сказать *19 рублей 30 копеек*, *580 кг*, говорят *почти 20 рублей*, *почти 600 кг*.

Интересно отметить, что эта самая распространенная из уточ-

пительных частиц образовалась довольно поздно. В памятниках письменности она впервые встречается в конце XVII — начале XVIII века. В древнерусском языке неуверенность в названном количестве выражали с помощью других частиц. При числительных, обозначающих крупные величины, использовалась частица *нѣ*, родственная неопределенной частице *не* в местоимениях *некто*, *нечто*, *некоторый*. Владимир Мономах описывает, как «ѣхахомъ сквозь полки Половчскіе *не* в 100 дружинъ» (с дружиной почти в 100 человек) [Поучение Владимира Мономаха]. Когда речь шла о небольшом количестве, преимущественно в пределах первого-второго десятка, использовали частицу *яко* и ее старославянские варианты *ако*, *аки*: «...*яко* се съ троѣ или съ четверы пригъръщѣ» (около трех-четырёх пригоршней) [Житие Феодосия Печерского. XII в.] Кстати, значение этой частицы сохранилось в современной сравнительной частице *якобы* (*как будто*). При местоимениях, подчеркивающих целостность объекта, была широко распространена частица *мало не*: «*мало не весь* горед» (почти весь город) [Ипатьевская летопись. 1071 г.].

В конце XVII века происходит процесс образования частиц от глагольных форм. В это время наряду с наречием *чуть* в разговорной речи появляется частица *чуть не*, образованная от древнего русского глагола *чути* «ощущать, слышать», который до сих пор широко употребляется в украинском языке.

Частица *почти* восходит к древнерусскому глаголу *почѣсти* и представляет собой форму 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Глагол *почѣсти* (он имел и другие варианты — *почести*, *почисти*) отличался большой многозначностью. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского отмечены такие его значения: «прочестъ, счесть, почестъ, почтить, оказать уважение, возвеличить, поклониться, вознаградить». Использование глагола для обозначения счета и обусловило его переход сначала в количественную, а затем и просто в уточнительную частицу.

Почему частица образовалась именно от формы повелительного наклонения? Употребляя слово *почти*, говорящий как бы призывал собеседника принять названное явление, количество за подлинное. Следовательно, частица *почти* первоначально возникла в диалогической речи. Ее надо было понимать как «считай, имей за...». Сравните пример из челобитной крестьян 1724 года: «И у него Івана Ситникова своя усадьба лежит *почти* пуста».

Параллельно с *почти* употреблялась частица *почитай*, основой для образования которой послужил несовершенный вид глагола *почитати* «считать за...». Кому не известны крылатые пушкинские строки из второй главы «Евгения Онегина»: «Мы *почитаем* всех

пулями, а единицами — себя», в которых глагол *почитать* используется в том значении, в котором переходил в частицу.

Обе частицы возникли в разговорно-бытовой речи, и поэтому мы их встречаем, как правило, в частной переписке: «и онъ мнѣ отказал же нечево де вам и пестрит у меня де *почитай* вес [хлеб] принят» (Грамотки XVII — начала XVIII века); «Шведы вчерась уже въ двѣнадцати миляхъ обрѣтались которых *почитай* завтра или кончая позафтрея сюды ожидаем» (Письма и бумаги императора Петра Великого).

В середине XVIII века частица *почти* начинает употребляться шире. «Словарь Академии Российской 1789—1794 гг.» приводит примеры употребления приглагольной частицы *почти* вместе с отрицанием *не*: «*почти* не упал», «*почти* не умер». Очевидно, на употреблении слова *почти* сказалось влияние других частиц — *чуть не*, *едва не* (*одва не*), *мало не*, которые при глаголе всегда сочетались с отрицанием *не*. Например, в «Повести о житии Михаила Клонского» (XV век) читаем: «пал в воду и *мало не* утону», а в прозаической редакции «Сказания о куре и лисице» (XVI век) находим сочетание *чуть не*: «а ты услышавши меня тогда взбесился и *чуть* сам на меня *не* бросился». Наличие сочетания *почти не* свидетельствует о том, что путь становления современной русской частицы *почти* был длительным.

Частицы *почти* и *почитай* появились как равноценные. Но в XIX веке словари начинают стилистически разграничивать *почти* и *почитай*. Литературная норма признала только слово *почти*. В разговорно-бытовой речи сохранились варианты *почти что*, *почитай*, *почитай что*. Любопытно, что в говорах и просторечии в частицы перешли не только формы повелительного наклонения, но и неопределенная форма *почесь*, *почесть*, о чем свидетельствует их фиксация в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

В современном русском языке частица *почти* значительно расширила сферу употребления, проникла во все письменные стили и обросла новым кругом значений. Она стала активно сочетаться не только с количественными словами и глаголами, но также с прилагательными и наречиями для обозначения неполного проявления признака.

Наряду с частицей *почти* широко используется и ее сочетание с союзом *что*, придающее речи разговорный оттенок. Вот употребление этого сочетания в реплике Вола из басни И. А. Крылова «Лягушка и Вол»:

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я? — «*Почти что* ничего».

Частица *почитай* употребляется значительно реже, обычно для речевой характеристики персонажей, так как отличается более сниженным, просторечным оттенком. Она сохраняет связь с глаголом *почитать* (считать, принимать за...) и воспринимается как вводное слово, поэтому в речи и на письме нередко обособляется. Вот как начинается свой рассказ возница в поэме С. Есенина «Анна Снегина»:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, *почитай*, до ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

Такой же характер имеет и сочетание *почитай что*, которое можно встретить только в речи персонажей или в авторских стилизациях под народную речь, например:

Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.

Н. А. Некрасов. Коробейники

Модель «повелительное наклонение глагола со значением *ета→частица*» оказалась продуктивной. В последнее время в разговорно-бытовой речи в роли частиц стали употребляться формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения глаголов *считать, посчитать* — *считай, посчитай*. В романе П. Проскурина «Имя твое» неоднократно в роли частицы встречается слово *считай*: «— Бабка тебе понарасскажет, больше слушай,— лениво басил Митька в теплой, обволакивающей полудреме... — Я от нее разных чудес, *считай*, с пеленок слышан... а ни одно не исполнилось...». В романе М. Алексеева «Ивушка неплакучая» в этой функции выступает слово *посчитай*: «— Про твою горе, Катерина, мы все тут знаем, но не нас вини в этом. И не в один твой дом пришла такая беда, а, *посчитай*, в каждый второй». Эти формы еще нельзя назвать частицами, так как они сохраняют прочную связь с глаголами, широко распространенными в литературном языке, но можно предполагать, что постепенно они пополняют состав частиц. Наблюдая употребление слов *считай, посчитай* в роли частиц, мы можем восстановить путь образования частиц *почти, почитай*. По всей вероятности, сначала эти глагольные словоформы в диалогической речи сопровождали обращение, затем превратились в обособленные вводные слова и, наконец, утратив связь с глаголами, превратились в частицы. Памятники письменности не всегда могли отразить этот путь, так как становление частиц проходило в устной речи.

Р. М. ГРИЦЕНКО
Ворошиловград

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Отвечаем на письма читателей

В огромном и разнообразном потоке писем, идущих со всех концов страны, чаще всего встречается просьба разъяснить происхождение какой-либо фамилии. К сожалению, на многие вопросы не удается найти удовлетворительного ответа. Пока, например, остаются неизвестными источники таких фамилий, как Абанеев, Дацунов, Ляпичев, Мастепанов, Мурунов, Рюганов, Тюлядин.

Немало вопросов, касающихся происхождения нерусских фамилий, которые не имеют отношения к нашему журналу.

Предлагаем вниманию читателей объяснение следующих русских фамилий.

Бабурий. Спрашивает семья Бабуриных. В основе фамилии, очевидно, отчество, образованное от имени (или прозвища), связанного с нарицательным *бабура* от глагола *бабуричь* — „говорить“ (тульск.) или *бабура* как ласкательное к *бабушка*.

Богуславский. Спрашивает Е. П. Богуславский, г. Омск. Первоначально — прибывший из Богуслава; местности с

этим названием и сейчас существуют в Киевской и Днепропетровской областях Украины.

Бурнашев. Спрашивает А. И. Бурнашев из Ташкента и сообщает, что фамилия очень часта в с. Азеево Рязанской области, где большинство жителей носит эту фамилию и свое прозвище. Происхождение фамилии объяснил А. М. Селищев (см.: Избранные произведения. М., 1968, с. 110). Основа фамилии — отчество от именования Бурнаш из диалектного *бурнаш* «неуживчивый, беспокойный, задир» (по словарю В. И. Даля — с пометой «рязанское, ярославское»).

Выжленов. Читательница К. Туманова сообщает, что эта фамилия распространена по реке Ваге в Шенкурском районе Архангельской области. Действительно, по переписи 1897 года, в Шенкурском уезде эту фамилию носили полтора человека. Читательница права, что в основе фамилии — слово *выжлец* — гончая собака. Можно добавить, что в Ростовской области есть фамилия Выжленков, напоми-

нающая, что существовало слово *выжленок* — щенок гончей собаки.

Гуров. Гурьянов. Спрашивают Н. Д. Гурова, с. Карсаково Орловской области, и семья Гурьяновых из г. Шевченко, Казахстан. Обе фамилии широко распространены, были отчествами от производных форм Гур и Гурьян от канонического мужского личного имени Гурий.

Дерябин. Спрашивает В. Г. Дерябин из с. Дерябино Свердловской области. Фамилия — первоначально отчество от церковного мужского имени (или прозвища) Деряба, в основе которого — нарицательное *деряба*, распространенное с разными значениями на огромной территории: «плакса», «драчун», «забияка», «заносчивый», «высокомерный», «фальшиво поющий», «пьющий водку» (ср. дерябнуть — «выпить водки», см. «Словарь русских народных говоров», вып. 8). При такой пестроте значений невозможно установить, какое из них послужило в том или ином случае источником фамилии. Название селения могло возникнуть по имению первопоселенца или владельца.

Долматов. Спрашивает А. Вагин, г. Камышлов Свердловской области. Первоначально отчество «далматов сын» — от канонического мужского имени Далмат, принесенного православной (византийской) церковью, которая причислила к «святým» одного из своих деятелей, далматинца по происхождению, то есть из Далмации (на северо-восточном побережье Адриатического моря).

Дориков. Спрашивает Л. Г. Дориков, Загорский район Московской области. Фамилия

действительно редкая. О происхождении ее можно сказать только предположительно. Возможно, это отчество от уменьшительной формы Дорик из канонических мужских личных имен Дорофей, Доримедонт и др.; или из уменьшительного *дорик* от *дор* «место, расчищенное от леса», — в Северном Заволжье (Ярославская, Костромская, Вологодская области) десятки селений назывались Дор, Дорки, Дорик.

Егин. О происхождении фамилии спрашивает А. И. Егин из Волгограда. В говорах Урала, Приуралья и Зауралья не раз записано слово *ега* — шуба из собачьей или козьей шкуры шерстью наружу. Из него возникло прозвище, отчество от которого стало фамилией. Краевед М. С. Медведев (Архангельск) решительно заявляет, что это «плод фантазии», хотя приведенные записи диалектологов добросовестны и не заслуживают пренебрежительного отношения. М. С. Медведев считает, что фамилия происходит от формы *Ега* (из просторечного Егор, то есть Георгий). К сожалению, формы личных имен у нас не только не изучены, а и не собраны, ускользнула от записи и эта форма.

Зюряев. Спрашивает В. Л. Зюряев, г. Куйбышев. Отчество от прозвища Зюряй из *зюрить* — в русских говорах «пить» и «смотреть» («Словарь русских народных говоров», вып. 12, М., 1977).

Кабицкий. Спрашивает одноклассник из Ростова на Дону. В русских говорах Дона и Кубани, как и в украинском языке, есть слово *кабика* «печь, очаг» и «собачья будка», на Дону, кроме того, «овраг, балка». От этого слова

возникло название селения или речки, *кабицкий* означало приезжего из Кабицы или с Кабицы.

Кандауров. И. И. Кандауров, г. Хабаровск, просит объяснить происхождение этой фамилии. По мнению Ю. А. Федосюка (см. его словарь «Русские фамилии»), — из *хан Даур*. Может быть, найдут иное объяснение?

Киреев. М. Коцлов, г. Тула, просит объяснить фамилию, которую носила его мать, ее предком был Семен Киреев. По семейным преданиям, он происходил из татар и был Гиреев (отчество от Гирей). Это возможно. Такое имя существовало у крымских татар. Непонятное для русских имя могли переосмыслить по звуковому сходству со знакомой формой Кирей (из церковных имен Кир, Кирик, Кириан, Кирилл).

Кренив. Отвечая в номере 6 за 1979 год на вопрос об этой фамилии, я привлек архангельское *крени* (дровни, части ветряных мельниц) и сделал вывод: «Ряд примеров в истории русской лексики позволяет предположить, что существовало слово *крени* со значением „изгиб“». М. С. Медведев указывает недостающее звено: в архангельских говорах *крени* — просмолившийся бок еловой древесины в прикорневой части, отчего ствол искривлен. Такое дерево используется для дровней, ветряных мельниц. Переносное значение — «упорный, упрямый», отчество от этого прозвища и стало фамилией.

Кузьмодемьянский. Спрашивает Н. С. Альмухамедова из Джаргатайского района Таджикской ССР. Первоначальное значение — прибывший из гор. Козьмодемьянск (на Волге, ныне в Марийской АССР). Го-

род был назван по церкви в честь Кузьмы и Дамиана; написание первой гласной в топониме продиктовано церковной формой, повседневная речь изменила произношение имен. Фамилия могла возникнуть в среде духовенства.

Лапин. Спрашивает Е. В. Лапин. Отчество от русского церковного мужского личного имени Лапа. Еще в 1364 году летописью упомянут новгородский воевода Лапа. Много примеров употребления имени в XV — в начале XVIII веков привел Н. М. Тупиков (см. его «Словарь древнерусских собственных личных имен», СПб., 1903).

Першанин. Спрашивает Т. Першанина, г. Шуя Ивановской области. Фамилия из отчества от ласкательной (возможно, пренебрежной) формы Першаня из канопического мужского имени Порфирий (древнегреческое, *порфира* — длинная пурпурная мантия, надеваемая монархами в торжественных случаях); в русском употреблении имя превратилось в Перфил. Возможно, фамилия связана с *первый*, *перший* (Перший — первый ребенок в семье, а Першаня — ласкательное от этого древнего имени).

Подосёнов. Спрашивает наш постоянный подписчик В. А. Подосенов, г. Фергана Узбекской ССР. Фамилия могла быть не связана с временем рождения ребенка — «под осень», возможно, она указывает на занятие отца: существовало слово *подосёнок* — предосенний рыбный промысел.

Пупышев. Читатель М. В. Пупышев (из Суксунского района Пермской области) сетует «Всякий раз произношу мою фамилию по слогам, так как раньше уверен, что спрашивающий слышит ее впервые

Как только меня не называют — Пунышев, Путышев, Тупышев и Пупицев! Ни разу не встречал моих однофамильцев. В словаре В. И. Даля он нашел слово *пуныш* «зародыш; цветочная головка» и справедливо замечает: «Вряд ли фамилия происходит непосредственно от этого слова, разве что через переходные звенья, но вот уловить этого перехода я не могу». — Может быть, она связана с прозвищем Пупыш, отчество от которого закрепилось в качестве фамилии, равнозначно с *пупырь* «прыщ» — гордец, воображающий себя превосходящим всех. Фамилия была частой на Сев. Двине.

Рявкин. Спрашивает И. Киселева, г. Троицк. Первоначально отчество от прозвища Рывка из *рывкать* «громко кричать, рычать».

Сбитнев. Объясняя этимологию фамилии (см. № 4, 1979), я указал два значения слова *сбитень*: 1) упитанный, плотный, крепкий и 2) самый любимый в прошлом русский напиток из меда и пряностей. М. С. Медведев прав в том, что фамилия могла возникнуть только от прозвища в первом значении; от слова во втором значении — только Сбитеньчиков.

В. А. НИКОНОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Л. К. Савина из Луцка пишет: «Часто в значении „ответвление русла реки; речка, соединяющая два водоема“ используют слова *проток*, *протока*. Какое слово следует употреблять?».

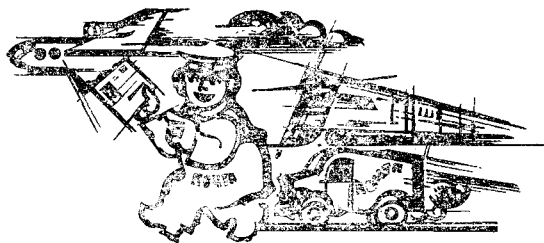
В отмеченном значении можно использовать оба слова. Слово *проток* употребляется также в специальном значении «узкая соединительная полость, канал» (*желчный проток*).

Н. А. Сироткин из Вологды спрашивает: «Какая разница между словами *окружнбй* и *окрѹжнѣй*?».

Данные слова различаются значением.

Окружнбй, -аѣ, -бе. Расположенный, идущий вокруг чего-л.; относящийся к округу (административно-политическому подразделению). *Окружнбй центр. Окружнбѣй железная дорога. Окружнбѣй избирательная комиссия.*

Окрѹжнѣй, -аѣ, -ое. Устар. Близлежащий, окольный. *Окрѹжнѣе села. Окрѹжнѣй путь.*

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ СОКОЛ

Москвич В. В. Бородин просит рассказать о происхождении названия *Сокол*, которое носит один из московских микрорайонов. Читатель пишет: «С большим интересом я прочитал статью о названии *Сокольники*, опубликованную в вашем журнале (№ 3, 1979). Мне кажется, что, как и в районе Сокольников, в той части столицы, где находится Сокол, тоже существовало поселение сокольников и место для соколиной охоты. Иначе почему на карте Москвы возникло такое необычное название? Прав я или ошибаюсь?».

Действительно, память о соколиной охоте — пожалуй, самой красивой из всех видов охоты, — сохраняется во многих названиях столичных улиц, переулков, проездов. До настоящего времени в московских Сокольниках есть целый «густ» топонимов, связанных с соколиной охотой: улица Сокольническая слободка, Сокольнические улицы, Сокольнический переулок, улица Сокольнический вал, площадь Сокольнической заставы.

О «красной и славной птичьей утехе» напоминают и некоторые другие названия, например, на востоке Москвы. Здесь, в районе нынешнего лесопаркового массива Измайлово в XVII веке также, как и в Сокольниках, находился царский соколиный двор (где содержались соколы, кречеты и другие ловчие птицы), охота устраивалась в Измайловском лесу. Об этом напоминают названия пяти улиц Соколиной Горы, расположенных между проспектом Буденного и Окружным проездом.

С чем же связано название расположенного на северо-западе столицы, густонаселенного микрорайона *Сокол*?

Как мы знаем, микрорайон Сокольники в Москве получил свое наименование по старинному населенному пункту — слободе сокольников. В основе топонима *Сокол* также лежит название населенного пункта. Но только не древнего, а совсем молодого, возникшего уже в годы советской власти.

В 20-х годах нашего столетия строительство отдельных жилых домов в Москве еще не могло ликвидировать острую нужду в жилье. Поэтому на окраинах столицы начали создаваться жилищные кооперативы. Первым стал поселок Сокол (между Волоколамским шоссе, улицей Алабяна и улицей Панфилова).

Почему же поселок, строившийся объединением, в которое входили старые большевики и красные партизаны, художники, учителя, ученые, рабочие завода «Изолятор», получил такое необычное название? Имя *Сокол* больше подходит поселку летчиков или спортсменов.

К сожалению, в статьях и книгах многих москвоведов бытует неправильное мнение о том, что в основу названия поселка легла фамилия Сокол, которая принадлежала жившему в этом районе агроному.

Для того, чтобы яснее представить себе, как поселок Сокол получил свое имя, необходимо вспомнить те законодательные положения и правила организации строительных кооперативов, которые были впервые приняты в начале 20-х годов. Одним из этих документов было положение о порядке регистрации РЖСКТ (рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ). Это положение обязывало первым делом дать товариществу название. Днем рождения кооператива следовало считать день проведения первого общего собрания его членов — на нем-то кооператив и получал свое наименование. Только после этого соответствующий орган мог рассматривать просьбу членов кооператива о его регистрации. Право юридического лица товарищество получало только после регистрации — уже имея название!

Исследователи-историки обнаружили документы, которые свидетельствуют о том, что рождение РЖСКТ «Сокол» произошло в 1921 году. Более того, некоторые старожилы поселка припомнили, что первоначально строительство намеревались начать в... Сокольниках! (К. Бегачева. Первенец кооперативного строительства. — «Вопросы и ответы», 1976, № 6). Именно поэтому кто-то предложил назвать создававшееся товарищество «Сокол». Но уже после того, как РЖСКТ было зарегистрировано (и, соответственно, получило официальное именование), решение о начале строительства поселка в Сокольниках было по ряду причин отменено. Товариществу был предоставлен новый участок — 49 десятин рядом с древним селом Всехсвятским.

Первое письменное упоминание о Всехсвятском относится к 1398 году: актовые документы называют его как монастырь и село. Святые отцы на речке Ходынке. В XVII веке село было вотчиной родственника царя Алексея Михайловича боярина Ивана Милославского. При нем в 1683 году была построена церковь Всех свя-

тых, после чего топоним *Всехсвятское* прочно вошел в историю Москвы.

Когда во Всехсвятском началось строительство кооперативного поселка, в одном из домов села, стоявшего прямо на границе строительного участка, разместилась контора кооператива «Сокол». И надо же было случиться такому совпадению — дом этот принадлежал агроному по фамилии... Сокол! Впоследствии этот факт с легкой руки кого-то из незадачливых исследователей истории Москвы был переосмыслен и привел к ошибочному толкованию названия поселка.

Поселок Сокол начал строиться в 1923 году и был закончен и полностью заселен уже в 1930 году. Сейчас название бывшего поселка превратилось в имя крупного микрорайона Москвы. Этим именем названа станция метро «Сокол».

Так что, хотя этот район Москвы и не связан, как мы увидели, с воспоминаниями о соколиной охоте, своим названием он частично обязан именно Сокольникам. Не исключено, что помимо этого, при выборе наименования для РЖСКТ сыграли роль определенные положительные представления, связанные со словом *сокол* — вспомним образ Сокола, воспетый М. Горьким. Ведь дело происходило в первые послереволюционные годы, кроме того — большую часть пайщиков РЖСКТ «Сокол» составляли старые большевики и красные партизаны.

М. Г. Каплунов

■ ЩЕПЕТИЛЬНЫЙ

И. Н. Крюкова из Вологды пишет: «В романе „Евгений Онегин“ А. С. Пушкина читаем:

Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам...

.
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Почему поэт назвал Лондон *щепетильным*? Какова история этого слова?».

Во времена Пушкина слово *щепетильный* употреблялось в значении «галантерейный, парфюмерный». Образовано оно от глагола *щепетить* «наряжаться, модничать». Этот глагол восходит к слову *щепет* «галантерея», которое в свою очередь происходит от *щепы* в значении «мелочь». Сравните: «щепяной товар» — деревянные чашки, ставцы, мисы, ложки, игрушки. В народной речи галанте-

рейнские товары назывались *щепетинье*: «Прпехала из города Фелпсга, привезла щепетинья».

Модники в старину называли *щепетунами*. В своем Толковом словаре В. И. Даль уточняет это понятие: «щеголь, обтяжной флант». А о щеголихах, соответственно, говорили: *щепетунья*, *щепестуха*. Поэтому понятно, почему в XIX веке слово *щепетильный* употреблялось в значении «изысканный, модный в одежде», например: «Одета Алена Сергеевна была по-прежнему щепетильнейшим образом, но вся в черном» (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов).

Многие любители модно одеваться относились к своим нарядам чересчур придирчиво — модным должно было быть все до мелочей. Это способствовало появлению у слова *щепетильный* нового значения: «придирчиво-педантичный, мелочный». Употребление *щепетильный* в этом значении было свойственно языку XIX века. Вот примеры: «Содержание восточной мысли состоит из представлений, образов, аллегорий, из самого щепетильного рационализма» (А. И. Герцен. Письма об изучении природы); «Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французских фельетонов» (Н. Г. Чернышевский. Об искренности в критике).

В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» объединяет в слове *щепетильный* оба значения: «мелочной, ко внешним мелочам, порядкам, нарядам относящийся; — человек, чопорный, докучливый мелочник, занятый безделушками, светскими пустяками, внешними мелочами, и придающий им важное значение». Недаром поговорка гласит: *На щепетливого не угодишь*.

В современном русском языке слово *щепетильный* употребляется в таких значениях: педантичный, строго принципиальный, чрезмерно корректный, например: «Властный, с нарочито подчеркнутой строгостью в обращении с подчиненными, щепетильный до крайности во всех деталях субординации, Корешков, казалось, сознательно делал все, что могло бы вызвать нелюбовь к нему» (В. Кожевников. Под ледяной крышей); требующий осторожного и тактичного отношения, деликатный, например: *щепетильный вопрос, щепетильное положение*; «Фирсов играл в этом щепетильном деле какую-то активную роль» (Л. Леонов. Вор); слово *щепетильный* используется также при подчеркивании определенных качеств, свойственных человеку, например: «[Себастьян] был склонен к мягкости, всепрощению и бесплодным умствованиям, но он был человеком высокой и крайне щепетильной честности» (Э. Казакевич. Дом на площади).

В. Н. Еагурса

В. Л. Сердюков из Кинешмы спрашивает: «Как правильно сказать: *провести операцию* или *произвести операцию*?».

Многозначные глаголы *провести* (*проводить*) и *произвести* (*производить*) образованы от глагола *вести* (*водить*). В современных толковых словарях отдельные значения этих глаголов, как правило, имеют почти одинаковые толкования: «*Провести...* 6. что. Выполнить, осуществить, произвести (какие-н. действия, работу). Отлично п. сев. П. заседание успешно. П. боевую операцию»; «*Произвести* 1. что. Сделать, выполнить, устроить. П. ремонт. П. допрос» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1973).

Хотя эти глаголы имеют общий корень *-вод-*, *произвести* (*производить*) утратил живую связь с глаголом *вести*. Напротив, глагол *провести* (*проводить*) сохранил словообразовательную связь с *вести*. Более того, *вести* употребляется в тех же условиях, что и *провести* (*проводить*), например, *вести операцию*, *вести разведку* (видовая форма глагола *водить* здесь неупотребительна). Это отличие и поможет нам определить ту грань, которая разделяет анализируемые глаголы. Но сначала обратимся к авторитетным толковым словарям русского языка XIX века.

В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (СПб., 1806—1822) у глагола *производить* выделено специальное значение: «4) В приказн. нареч. наблюдать порядок, сочинять, изыскивать, разбирать происшествие чего, делать суд о чем или над чем. *Производить дела. Произвести следствие, суд*». В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка...» (СПб., 1847) данное значение зафиксировано в такой форме: «*Производить...* 5) Совершать судебное действие. *Производить следствие. Производить тяжёбное дело*». Выделяет это значение в своем Толковом словаре и В. И. Даль: «...*Приказн. производить дело, иметь письменное, текущее дело на своих руках и на ответственности. Производить следствие, произвести над кем суд, допрашивать и следовать, делать дознание, розыск; судить, приговаривать*».

Глагол *провести* (*проводить*) в словарях XIX века такого значения не имеет. Однако похожее значение выделено у глагола *вести*. Например, в Словаре 1806—1822 годов читаем: «*Вести...* 4) Управлять чем, иметь над чем смотрение, распоряжение. *Вести дело, торг, счет, приход и расход*». Такое же значение приводится и в других словарях прошлого века. Приведем только цитату из академического (третьего) словаря, который остался неоконченным: «*Вести...* 4. Производить. *Вести счета, приход и расход. Вести тяжбу, -дела, -войну*» (Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1891, т. 1).

К сожалению, нельзя привести объяснения глаголов *проводить* и *производить* по этому словарю, потому что его издание было прекращено на букве *О*, но есть основания предполагать, что к началу XX века эти глаголы в определенных значениях совпали. В этом смысле показательно приведенное толкование глагола *вести* в четвертом значении через *производить*.

Живая словообразовательная связь позволила использовать глагол *провести* (*проводить*) в тех же условиях, что и *вести*, и в наши дни одинаково правильно будет сказать: *провести следствие* и *произвести следствие*, *провести допрос* и *произвести допрос*. Однако между данными сочетаниями есть стилистические различия. *Произвести* (*производить*) имеет оттенок книжности, который проявляется в невозможности распространения: *провести хорошо допрос*, но *произвести допрос*, где оценка невозможна именно в силу книжности. В качестве иллюстрации приведем такой пример: «Суд так спешил поскорей решить дело, что не пытался даже основательно провести следствие» (В. Саянов. Лена). Литературная норма XIX века требовала употребления в этом контексте только глагола *производить*: «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие...» (Н. В. Гоголь. Нос). Сравним примеры, взятые из произведений современных авторов: «На Дворцовой площади государь произвел смотр полевым полкам» (В. Шишков. Емельян Пугачев); «В полдень был проведен смотр полкам» (М. Бубеннов. Белая береза).

Как видим, глагол *провести* (*проводить*), взяв у *вести* значение «производить», приобрел вместе с ним и его сочетаемость и употребляется теперь с такими словами, как *заседание*, *конкурс*, *семинар*. Глагол *произвести* (*производить*) утратил свою принадлежность только к официально-деловой сфере и приобрел несвойственную ему ранее сочетаемость: *произвести опыт*, *вычисление*.

Что же касается употребления словосочетаний *провести операцию*, *произвести операцию*, то здесь, прежде всего, нужно исходить из значения самого слова *операция*. Если мы имеем в виду хирургическую или боевую операцию, то следует употребить глагол *провести* (*проводить*), в других случаях используется глагол *произвести* (*производить*): *произвести операцию в уме*.

Тот факт, что глаголы *провести* и *произвести* совпали в одном из значений, представляется вполне закономерным. Оба они образованы от глагола *вести* (*водить*) и обладают сходной звуковой и графической формой, отличаясь лишь приставкой *из-*. Производный глагол *провести* взял от производящего *вести* значение, способствовавшее тому, что *провести* получил более широкую сочетаемость, чем глагол *произвести*, а внешнее сходство привело к сближению их значений,

С. В. Редькин

В. И. Абрамов из Пензенской области спрашивает, как правильно писать (с пропис-

ной или строчной буквы) фамилии литературных героев во множественном числе.

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ ОРФОГРАФИИ:

хлестаковы или Хлестаковы?

Вопрос о написании собственных имен во множественном числе типа *Хлестаковы*, *Обломовы*, *Маниловы* — с прописной или строчной буквы — не такой уж простой, как может показаться на первый взгляд. Тем более, что рекомендации, содержащиеся в своде правил орфографии, не отличаются определенностью и четкостью. Кроме того, они охватывают не все случаи. Так, правило гласит:

«Индивидуальные названия людей, превратившиеся из имен собственных в имена нарицательные, пишутся со строчной буквы... Но если такие названия людей лишь употребляются в нарицательном смысле, но не превратились в имена нарицательные, то они пишутся с прописной буквы... Индивидуальные, названия людей, употребляющиеся в презрительном смысле как родовое название, пишутся со строчной буквы...» (Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956, § 95, примечания 3 и 4).

В практике современной печати активно принята последняя рекомендация — собственные имена, «употребляющиеся в презрительном смысле», пишутся со строчной буквы. При этом почти не учитывается, родовым или неродовым является соответствующее название.

Как же выполняется данная орфографическая рекоменда-

ция? Действительно, с прописной буквы пишутся фамилии, называющие положительные объекты, персонажи — как широко известные, так и индивидуальные, употребляющиеся только в каком-нибудь произведении. Например: «В Одессе много солнца, много моря, и — вы увидите — в Одессе будут свои *Мопассаны*!» (Паустовский. Черное море); «Экие *Кутузовы*, подумаешь!» (Югов. Страшный суд). А собственные имена, называющие отрицательные лица, часто пишутся со строчной буквы: «...раньше народ наш терзали все, кто хотел. Терзали свои *захаровы*, немецкие *грабе*, американские и какие угодно промышленники» (Корольков. Партизан Лёня Голиков); «Чувствуешь, какую силу подняли большевики? С этой силой ни *семеновым*, ни *колчакам* не справиться» (Седых. Отчий край).

Однако в художественной литературе очень часты отступления от рекомендаций, содержащихся в правилах орфографии, когда имена, называющие положительных лиц, пишутся со строчной буквы: «Благососпитанный Анатолий Навлович спустил вопрос на тормозах, сказав о чрезмерной нетерпимости „иностранца“ и напомнив ему, что *ашиных*, *нетто*, *салниковых* не так уж много и за рубежом... Каждое поколение делает свой шаг вперед по пути прогресса. Одно — во главе с *федотовыми*

и яшиными, другое — без них» (Старостин. Полвека на футбольном поле); «— Как прыгают? — Как брумели. — Кто-то? — Ну, как прыгуны эти на стадионах» (Софронов. Ураган); а отрицательные лица — с прописной: «...в сейфах некоторых правительств хранятся куда более важные документы, указывающие, где пекать *Борманов*, *Менгелей* и многих-многих других, рапгали ниже» (Владимиров. Записки следователя гестапо); «...бандиты *Семеновы*, *Калмыковы* и *Гамовы* пытаются именем казачества прикрыть свое грязное дело предательства...» (Седых. Отчий край); «Но я-то осел безухий, ведь были у меня какие-никакие деньжата, взял бы да купил себе лавочку... и плевал бы с высокого дерева на *всех Зивертов* вместе взятых...» (Ардатаев. Две дороги); «Лучше бы Распутина послушать государю, чем *этих ваших Сазоновых* и *Милюковых*..!», «Только дома, в своем кругу, за самоварчиком, да кое-где у знакомых... стоводили душевную *такую вот Сычову*» (Югов. Страшный суд).

Как видно из примеров, с прописной буквы пишутся даже те имена, отрицательную оценку которых ярко подчеркивает контекст, в частности определения и экспрессивно окрашенные частицы, типа *все, эти, такие вот* и под. Иногда рассматриваемые собственные имена пишутся в кавычках, которые призваны, видимо, подчеркнуть их переносный смысл: «*Чижов*, улыбаясь глазами, почему-то все время обращивался к нему и подпевал своим „резерфордам“...» (Ветров. Сигма-ЭФ).

Сложность отношений собственных имен и нарицательных, нечеткость рекомендаций, данных в «Правилах...»,

ведут к колебаниям в написании имени в разных текстах, а то и в одном и том же произведении: «И *Золушки* находят башмачки, Повсюду алчность побеждая злую» (Гамзатов. Целую женские руки); «Их [родителей] категорическое требование хороших оценок отдаляет учеников от школы, превращает их в бедных *золушек* на великом празднике знаний» («Правда», 4 сентября 1973); «Ребята, слушайте, мы скоро будем жить на острове, как *Робинзоны*» (Касиль. Чаша гладиатора); «Лепили из глины корыта, сушили, и детей в них купали, и стирали в них. Как *робинзоны*, придумывали всякое, чтобы обойтись, справиться» (Кожевников. В полдень на солнечной стороне); «Центральное руководство — кучка негодяев — придумывало фантастические, кровавые планы и приводило их в исполнение руками вот таких *очеретов* и бугаев.., людей, обреченных как физически, так и духовно», «Мы ходим по заминированным полям. И хорошо, что здесь все же подавляющее большинство *Басецких*, а не... *Очеретов*» (Первенцев. Секретный фронт).

Более показательны случаи разного написания одного и того же имени в пределах узкого контекста — одного абзаца, одной фразы: «Жандарм венчает похождения *Чичикова*, как жандарм венчал и похождения *Хлестакова*. Нет, не правительство посылало этих жандармов, само оно, это правительство, по существу и состояло из *чичиковых* и *хлестаковых*, городских и кошкаревых... Не реальные это посланцы власти, это мечта Гоголя о возмездии, возмездии миру *Чичиковых* и *Хлестаковых*, с которыми он под конец жизни вздумал было прими-

ряться как проповедник, но не смог этого сделать как великий писатель...» («Москва», 1972, № 2).

Отметим случаи типичных написаний собственных имен во множественном числе. С прописной буквы пишутся имена со значением простой совокупности: «В дружной семье *Бланков* не было идиллического единодушия...» (Вечтомова. Повесть о матери); «Когда он заговорил о Сусанне, на это никто не обратил внимания. Мало ли на свете *Сусанн*» (Пермяк. Яр-чурод); большинство личных имен: «А когда все *Параши* сели за парты и благополучно учились, он не писал, вероятно, только копии материал» («Знамя», 1973, № 2);

наименования, включающие в себя личное имя, отчество, фамилию или прозвище: «Они выныривали — эти *Гриши-Голованы*, *Мартыны* и *Книжники Пети* — то здесь, то там, всюду призывали рабочих к забастовке...» (Шишков. Угрюм-река); «В народ учись вслушиваться. *Егоры Ивановичи* эти — они истинно Россию любят...» (Югов. Страшный суд); «Это мне не с *Ульянами Петровнами* ухо востро держать надо, а с тобой, *милка моя!*» (Велембовская. Сладкая женщина);

отчества: «Будто тысячи одиноких *Федотычей* залп за залпом грохали из всех пушек мира» (Шишков. Угрюм-река);

имена, называющие предметы, так или иначе связанные с определенными лицами, причем эта связь жива и актуальна; такие имена могут называть произведения, изображения лиц и т. п.: «Вечерами *Марфуша* открывала сундук, позволяя нам любоваться ее сокровищами [марками]. Здесь

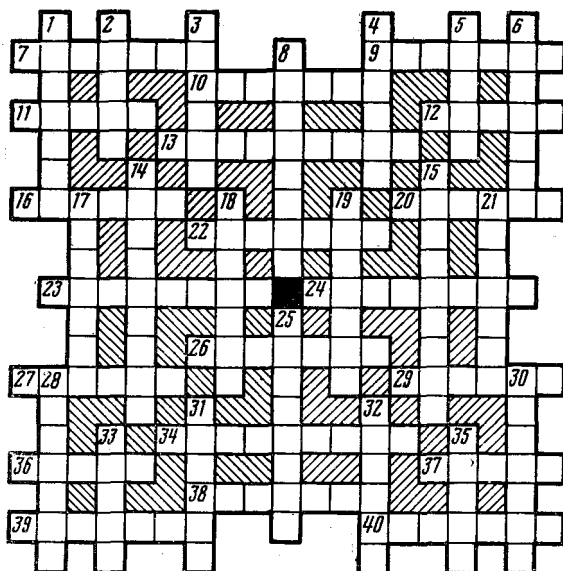
были целые комплекты *Петров Великих* и других монархов. Цари *Александры* были собраны по номерам: I, II, III» (Кассиль. Конduit и Швамб-рация); «...гонимые ветром парусники бороздят неприветливое Немецкое море и, пришвартовавшись к невиским причалам, выгружают из трюмов свой бесценный фрахт: *Тицианов*, *Мурильо*, *Рубensoв*, *Ван-Дейков*, *Рембрандтов*, *Пуссенов*...» (Варшавский. Рес-Билет на всю вечность).

Наблюдения показывают, что написание собственных имен во множественном числе со строчной или прописной буквы служит средством передачи отношения к тому или иному персонажу произведения со стороны другого персонажа или самого автора. В частности, написание со строчной буквы является средством выражения отрицательного отношения к персонажу, объекту в целом или к какой-то определенной их черте: «Да, в моей работе есть немало такого, что по-настоящему нравится мне: из недели в неделю проводить свои дни под открытым небом, на такой высоте; сверху глядеть на тот мир, где копошатся *тюнтиньы*, *барбосы* и *прошки*» (К. Чуковский. Серебряный герб).

Таким образом, написание имен собственных во множественном числе зависит от нескольких факторов, прежде всего от смыслового и эмоционально-экспрессивного, причем последний зачастую оказывается решающим. Очевидно, анализируемые собственные имена следовало бы писать с прописной буквы во всех случаях, кроме тех, когда они перешли в разряд нарицательных.

Л. А. КЛИМКОВА
Арзамас

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Персонаж драмы В. Шекспира «Ромео и Джульетта». 9. Вторая часть коллективного псевдонима группы писателей России XIX в. 10. Роман Л. Леонова. 11. Поэтическое название легкого ветерка. 12. Одна из девяти муз, покровительница поэзии. 13. Великий испанский писатель. 16. Героиня поэмы М. Ю. Лермонтова. 20. Советский писатель. 22. Персонаж трилогии А. Н. Толстого. 23. Перестановка слов в предложении. 24. Выдающийся русский писатель и драматург XVIII в. 26. Шуточное подражание в прозе или стихах. 27. Заключительная часть художественного произведения. 29. Один из основателей славянской письменности. 34. Стихотворение В. Брюсова. 36. Мифологический конь, символ поэтического вдохновения. 37. Французский поэт, автор «Интернационала». 38. Роман И. Павленко. 39. Теория литературы, учение о поэтическом творчестве. 40. Советский писатель, автор произведения «Ташкент — город хлебный».

По вертикали: 1. Небольшое произведение в прозе. 2. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 3. Известный герой произведения О. Бальзака. 4. Разновидность определения в художественной литературе. 5. Пьеса В. Н. Билль-Белоцерковского. 6. Поэма А. С. Пушкина. 8. Литературный псевдоним А. И. Герцена. 14. Московский журнал 1923—1935 годов. 15. Советский поэт, участник гражданской войны. 17. Стихотворная форма восточных народов. 18. Английский драматург, автор комедии «Школа злословия». 19. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом. 21. Грузинский советский драматург. 25. Отрывок текста, законченный в смысловом отношении. 28. Текст, переведенный с одного языка на другой. 30. Белорусский, советский писатель. 31. Юношеская поэма М. Ю. Лермонтова. 32. Своеобразие в произношении. 33. Советская поэтесса. 35. Стихотворный размер.

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1980 год

Авакова А. С. Велоспорт	3
Айдарова В. Н. Текстологическая работа А. И. Куприна	1
Ахметова Г. Д. Преображение жизни (по повести К. Г. Паустовского «Кара-Бугаз»).	2
Бакина М. А. О некоторых поэтических традициях в творчестве Ю. Морниц	4
Бакина М. А. Фразеологизмы в поэзии	2
Балахонова Л. И. Чем вы разливаете суп?	2
Барандеев А. В. Почему вода в колодезье колодезная?	2
Бельчиков Ю. А. «Говорить просто и ясно...»	2
Бельчиков Ю. А. К. А. Рогова. Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь»	2
Бирюков Ф. Г. Шолоховское узнается сразу	3
Бойдалетов В. Д. В. И. Кодухов. Введение в языкознание	4
Бондарко Л. В. Лев Владимирович Щерба (1880—1944)	2
Борисова Е. Г. Современный молодежный жаргон	5
Брагина А. А. Антоновские яблоки	5
Брагина А. А. Мишка Олимпийский	4
Брагина А. А. Мысль, чувство, образ	3
Брагина А. А. Слово и время	1
Будагов Р. А. Словарь эпитетов русского литературного языка	5
Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский (1861—1931)	6
Буряков М. А. Плакать — значит «лить слезы»	4
Вакуров В. Н. Лапти плестъ — лыко драсть	4
Вакуров В. Н. Труд кормит, безделье портит	2
Валгина Н. С. «Ни моря нет глубже, ни бездны темней...» (О пунктуации А. Блока)	6
Варбот Ж. Ж. Хорохориться и хороший	1
Введенский В. В. Робот	4
Виноградов С. И. Отвечает «Служба языка»: Номерной — нумерация, ноль — нуль	1
60 лет советскому кино — 60 лет советского кино	3
Зав. кафедрой или завкафедрой	4
В Институте русского языка	1—6
Воробьева Т. Б. Переключка с Маяковским	1

Галманова М. А. «Звезда первой величины» (интервью с народным артистом РСФСР О. В. Базилашвили)	1
Галманова М. А. Образное слово А. Блока	6
Гладченко Т. См. Синельникова Л. Н.	4
Голуб Н. Б. Символика звуков	6
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Загорск и Радонеж	5
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Переславль-Залесский, что на Плещеевом озере	6
Горбаневский М. В. См. Смолицкая Г. П.	1—3
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Язык земли, язык России.	4
Горбачевич К. С. О нормах современного русского литературного языка	2
Горбачевич К. С. Русское ударение	1, 4, 6
Горшков А. И. Искренность и точность выражения	3
Горшков А. И. Тайна соседства слов (заметки о языке повести «Алые паруса»)	3
Граудина Л. К. Л. И. Житенева. Язык и стиль «Правды» 1917 года. В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик. Стилистика газетных жанров	3
Граудина Л. К. Сергей Иванович Ожегов (1900—1964)	5
Грихин В. А. Древнерусские княжеские жития	2
Грихин В. А. У истоков русской письменности	6
Гриценко Р. М. Почти, почитай	6
Громова В. В. Прозвища в романе «Тихий Дон»	3
Дамянова-Долмова Д. И. Чехов-пародист	1
Даниленко В. П., Лилеева Е. Л. «В нем всегда жил ярый полемист»	2
Демьянов В. Г. Лексика «Вестей-Курантов» XVII в.	3
Денисов П. Н. «Поспевать за событиями...» (Заметки о стиле газетных статей В. И. Ленина)	1
Денисов П. Н. Слово и стиль. Вчитываясь в ленинские строки	2
Добродомов И. Г. Еще о слове балаган	1
Добродомов И. Г. Подче(и) гарый (поджарый)	5
Дукельский В. Ю. См. Горбаневский М. В.	4—6
Ермакова О. П. А. Н. Тихонов. Школьный словообразовательный словарь русского языка	3
Еськова И. Б. Русский язык в Норвегии	4
Жуковская Л. П., Филлин Ф. П. «Влесова книга»... Почему не Велесова? (об одной подделке)	4
Иванова В. А., Панькин В. М. Русский язык в семье братских народов	2
Иванова В. Ф. Александр Иванович Томсон (1860—1935)	3
Иванов В. В. О происхождении русского языка	3
Каплунов М. В. Как вас теперь называть?	4
Качаева Л. А. «Купринская» манера письма	2
Качаева Л. А. Мастер живописания родной природы	5
Кедайтене Е. И. Ф. Энгельс и русский язык	6
Кобзев Н. А. Диалог у А. Грина	4
Ковалев В. А. Великий ленинский принцип	6

Ковалев В. П. НТР и новое в художественной речи	2
Коготкова Т. С. Термин в газете	1
Кожин А. А. Самобытность басенного слова	2
Кожин А. Н. Слово о Великой Победе (по роману Ю. Бондарева «Горячий снег»)	3
Колесник Н. Г. Семинар «Принципы и методы билингвистических исследований» (хроника)	2
Колесов В. В. «Слово о Мамаевом побоище»	5
Кондрашов Н. А. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880)	2
Коньков В. И. Прямая речь и цитата в тексте	4
Костомаров В. Г. Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969).	1
Костомаров В. Г. Служение гуманизму и социальному прогрессу	1
Котков С. И. Деловая письменность и литературный язык	5
Кохтев Н. Н. «Для каждого рода речи пригоден особый стиль»	4
Кохтев Н. Н. Живое слово Я. М. Свердлова.	2
Кудряшов А. И. «Я думаю по-русски» (Русский язык во Вьетнаме)	1
Кузьмина Г. Ф. Истоки разговорной речи	5
Кунгурова А. Т. «Звени, звени, золотая Русь...»	2
Кусков В. В. Великий подвиг русского народа	4
Левашов Е. А. Валаам — остров загадок	3
Левченко И. См. Синельникова Л. Н.	4
Лилеева Е. Л. См. Даниленко В. П.	2
Литературная страница:	
А. С. Грин. Судьба первого взвода. Игрушки. Атака. Встречи и приключения	4
Из ранних стихов И. А. Бунина	5
И. А. Новиков. Две встречи	1
Песни о войне и Победе	3
Письма А. Блока	6
Лихачев Д. С. Победа на Куликовом поле	4
Лопатин В. В. Коричневый в черноту; синий в лиловость (о языке прозы Ю. Нагибина)	3
Львова Э. Л. Новообразования в прозе Ю. М. Нагибина	1
Мазилова А. Ю. Разрядные книги	2
Максимов В. И., Максимова А. Л. Откуда пошли Петр Петрович и Комар Комарович	2
Максимова А. Л. См. Максимов В. И.	2
Меркулов Н. Ю. Селигерские ветры	2
Милославский И. Г. Купил пальто — одно или несколько? (Грамматическое и реальное число)	2
Миссьевич Г. И., Хаустова Ю. Ф. Регион	4
Михайловская Н. Г. «Чудо соприкосновения»	5
Михайловская Н. Г. Эхо минувшей войны (о стиле романа «Судный день» В. Козько)	3
Моисеев А. И. Шар — мазло	4
Мокиенко В. М. <i>Гол как сокол</i>	4
Мокиенко В. М. <i>Пустить красного петуха</i>	6
Мокиенко В. М. Сору из избы не выносить	1

Мокиенко В. М. <i>Старая карга и белая ворона</i>	2
Морозова С. Е. Мелетий Смотрицкий и его Грамматика . .	6
Николаева В. П. «Полюса» сходятся (О связи начального и конечного абзацев в рассказах А. П. Чехова)	1
Николаенко Т. См. Синельникова Л. Н.	4
Николенко Л. В., Самойлова И. Д., Самойлова М. А. Иван Григорьевич Голанов (1890—1967)	3
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1—5
Никонов В. А. Ответы на письма читателей	6
Новиков Л. А. Андрей Белый — художник слова (о языке прозы писателя)	5
Новиков Л. А. В. В. Иванов, З. А. Потиха. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе	1
Нуржанова Д. К. <i>Выгоняют</i> лук, свеклу, петрушку... (использование общеупотребительных слов в сельскохозяйственной терминологии)	4
Одинцов В. В. Вечер в Кишиневе. Пушкин и Раевский (к уроку литературы)	3
Одинцов В. В. «Стень»: новаторство стиля	1
Орешкина М. В. Равный среди равных	4
Отин Е. С. Топонимия поля Куликова	4—6
Панькин В. М. См. Иванова В. А.	2
Пауткин А. А. Военские описания в «Повести временных лет»	3
Петрова З. А. «Уступка художественному мышлению»	3
Петрушенко В. См. Синельникова Л. Н.	4
Полковникова С. А. «Идучи в школу, встретился я с приятелем» (из истории деэпричастия)	5
Прокофьев Н. И. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина	1
Протченко И. Ф. Абрам Борисович Шапиро (1890—1966) .	5
Радунский В. Г. Сувенир	5
Райкова В. Е. Почему шаман занимает <i>камлание</i> ?	3
Рассудова О. П. Энциклопедия «Русский язык»	3
Ревенская Н. А. В. Н. Сергеев. Новые значения старых слов .	4
Ревенская Н. А. Слово в языке произведений В. И. Ленина .	3
Редькин С. В. Бокс	1
Савельева Л. В. Умирает ли слово «отнюдь»?	1
Самойлова И. Д. См. Николенко Л. В.	3
Самойлова М. А. См. Николенко Л. В.	3
Сергеева Н. И. Правдолюб и правдолюбец	3
Сергеев В. Н. Баскетбол	2
Сергеев В. Н. Крестовый остров	1
Сидоренко К. П. От термина — к фразеологии	2
Сидоренко В. С. «Пишу русским языком»	5
Симм Я. Э. Таллин и Пярита	2
Синельникова Л. Н., Гладченко Т., Левченко И., Николаенко Т., Петрушенко В. «С любимыми не расставайтесь!» (лингвистический анализ стихотворения)	4
Скворцов Л. И. Об ораторском искусстве С. М. Кирова . . .	4

Скворцов Л. И. О культуре речи молодежи	5
Скворцов Л. И. Ценный опыт чехословацких русистов	1
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Мытищи	2
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Олимпийская деревня . . .	3
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Останкино	1
Сороколетов Ф. П. Словари русского языка	5
Таранов Н. В. Как назывались деревья в древней Руси? . . .	2
Тоболова М. П. Антон Алексеевич Барсов (1730—1791). . . .	1
Уманцева Л. В. Прямая речь в романе «Тихий Дон»	3
Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века	6
Федорова Н. В. «Внезапное добрососедство» (арханзмы в со- временной поэзии)	2
Федосеев Ю. А. Бульварное кольцо	5
Федосеев Ю. А. Красная Иреция	6
Фелицына В. И. Гимнастика	1
Филин Ф. П. Слово и его значение	3
Филин Ф. П. См. Жуковская Л. П.	4
Филипповский Г. Ю. Особенности стиля «Повести об убийстве Андрея Боголюбского»	1
Филатов В. А. Гриб боровик	5
Формановская П. И. Речевой этикет	2, 3, 5, 6
Хамраев М. К. Язык нашего единства	3
Хаустова Ю. Ф. Э. М. Мурзеев. География в названиях . . .	3
Хаустова Ю. Ф. Рассказы о словах	6
Хаустова Ю. Ф. См. Миськевич Г. И.	4
Ходакова Е. П. Народная лексика у Пушкина	3
Хренова Н. И. В. Л. Воронцова. Русское литературное уда- рение XVIII—XX вв.	5
Шанский П. М. Новые слова советской эпохи	5
Шейнина Е. П. А. Н. Островский — лексикограф	4
Шумилов Н. Ф. Наряду с именем	1
Шустов А. П. С конки на трамвай.	6
Этерлей Е. Н. Барометр мироощущения (заметки о языке А. Блока)	6
Этерлей Е. Н. Заметки о языке Александра Блока	5
Юношева В. К. «...Во лжи прелестной обличу»	3
Юрковский И. М. Эстафета	6
Юсупова Н. Г. Обезьяна — обезьянний, обезьянничать (зоонш- мы и их производные)	4
Почта «Русской речи»	
Аэробика	1
Блинная, прорабская	1
Волнительный, волнительно	3
Воротниковский переулок	2
Выдать (с) головой	3

Гвоздь программы, сезона	4
Зимник	1
Знакомый кот глазами художников	3
Каратэ — каратист	4
Кован(н)ый, жеван(н)ый	5
Кошт	2
Объект — объективный, объектий, объектовый	5
Опыт словаря	1
Почему асиопочта стала асиапочтой?	2
Провести или произвести операцию?	6
Сардины из сельди пиваси	5
Севащ, сеятель или сеялищик?	5
«С начала та ж я и с конца»	2
«Сокол» (станция метро «Сокол»)	6
Трудные случаи орфографии: хлестаковы или Хлестаковы?	6
Чем это объяснить?	1
Щепетильный	6
Кроссворд	2—6

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 5

По горизонтали: 3. Очерк.
7. Аглая. 9. Львов. 10. Мелитон.
13. Увраз. 15. Бенуа. 17. «Зада-
ча». 18. «Собака». 19. «Слава».
21. «Берег». 25. Аполлон. 26. Се-
лигер. 27. Арзамас. 31. Романс.
32. Тирада. 34. Тибо. 35. «Корь».
36. Книга. 37. «Кинжал». 38. Ан-
цент.

По вертикали: 1. Сурков.
2. Бианки. 3. Ольга. 4. «Кюхля».
5. Жаргон. 6. «Нянька». 8. «Лов-
чий». 11. Епанча. 12. Ожегов. 14.
Водевиль. 16. Ударение. 20. Лап-
ти. 22. Емеля. 23. «Подросток».
24. Семантика. 28. Антоним. 29.
Сатира. 30. «Пророк». 31. Рос-
си. 33. Аршин.

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОР-
ШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО
(зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь),
Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СО-
РОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры: *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12.08.1980 Подписано к печати 10.10.1980 Т-12785
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая, Усл. печ. л. 6,72 Уч.-изд. л. 7,9
Бум. л. 2 Тир. 60000. Зак. 3363

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10